

ЗАПИСКИ

**ДЮКА ЛИРЙСКАГО И БЕРВИКСКАГО
ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО**

ПРИ

**ИМПЕРАТОРСКОМЪ РОССІЙСКОМЪ ДВОРѢ
ВЪ ЗВАНІИ ПОСЛА
КОРОЛЯ ИСПАНСКАГО.**

1727—1730 ГОДОВЪ.

Переводъ съ Французскаго.

Д. Языкова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Гутенберговой Типографіи.

1845.

ЗАПИСКИ

**ДЮКА ЛИРІЙСКАГО И БЕРВИКСКАГО
ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО**

ПРИ

**ИМПЕРАТОРСКОМЪ РОССІЙСКОМЪ ДВОРѢ
ВЪ ЗВАНІИ ПОСЛА
КОРОЛЯ ИСПАНСКАГО.**

—

1727—1730 ГОДОВЪ.

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУСКАГО.

Д. Языкова.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Гутенберговой Типографіи.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. 29 октября 1844.

Ценсоръ А. Крыловъ.

Сочинитель сихъ записокъ, Яковъ, дюкъ Лирійскій и Бервикскій, родился 1695 года, во Франціи. Отець его, Яковъ Фицджерсъ, дюкъ Бервикскій, сынъ Англицкаго короля Іакова II, былъ неизмѣнною подпорою отцу своему, жизнь котораго была обильна несчастіями. По высадкѣ Вилгелма Оранжскаго на берега Англіи, Іаковъ II принужденъ былъ бѣжать во Францію (1688). Какъ вѣрный сподвижникъ гонимаго судьбою отца, Фицджерсъ принялъ участіе во вторженіи его въ Ирландію (1689); но и тутъ счастье имъ неблагопріятствовало, и Король принужденъ былъ возвратиться опять во Францію, гдѣ сынъ его вступилъ въ тамошнюю службу. Въ чинѣ маршала, онъ, начальствуя надъ французскимъ войскомъ, въ войну за наслѣдство Испаніи, одержалъ (1707), при Алмансъ, совершенную побѣду надъ соединенными Англическими, Австрійскими и Португальскими войсками, и тѣмъ положилъ прочное основаніе владычеству Бурбоновъ въ Испаніи. Восхищенный сею рѣшительною побѣдою Филиппъ V наградилъ маршала титуломъ Дюка города Лиріи (Liria) и достоинствомъ первокласнаго гранда Испаніи.

скаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ въ свою службу старшаго его сына Якова, котораго называлъ Диокомъ Дирійскимъ и Бервикскимъ. Пушечное ядро кончило жизнь Фицджермса, обильную великими дѣланіями, при осадѣ Филлипсбурга, 12 юля 1754 года.

Сынъ его Яковъ, какъ сказано выше, сдѣлавшись гражданиномъ Испаніи, служилъ вѣрно своему Государю. Король отправилъ его посломъ своимъ въ Россію, къ Екатеринѣ I, которая однакоже скончалась тогда, когда онъ былъ еще въ Вѣнѣ, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ уже при Петрѣ II, и оставался тамъ до возшествія на престолъ Анны. Послѣ сего былъ онъ посломъ въ Вѣнѣ, начальствовалъ надъ войсками въ Италіи (1751), осаждалъ и взялъ Гасту, и умеръ, 1753, въ званіи Испанскаго посла въ Неаполь.

Онъ оставилъ послѣ себя весьма любопытныя записки, которыя изданы вторымъ его сыномъ Фицджермсомъ, въ Парижѣ, 1788, подъ заглавіемъ: *Mémoires du due de Lihgia et de Berwick, écrits par lui-même.*

Изъ сихъ-то записокъ издаю я теперь все то, что относится до времени пребыванія его при Русскомъ Дворѣ. Онъ начинается пріѣздомъ его въ Вѣну.

Случая слова его со многими отечественными оффиціальными и частными извѣстіями, оказывается, что онъ имѣлъ очень вѣрные свѣденія о всемъ, что касается до тогдашнихъ государственныхъ и дворскихъ произшествіяхъ. Нельзя не отдать ему справедливости въ безпристрастіи и основательности, кромѣ того только, что онъ слишкомъ рѣзко и несправедливо описываетъ характеръ нѣкоторыхъ лицъ, заслуживающихъ полное уваженіе; но мѣстъ сихъ очень мало, и поелюку они, при своей неспра-

III

ведливости, не приносятъ ни какой пользы для исторіи, то я ихъ исключилъ.

Многіе изъ важнѣйшихъ его показаній, сопровождаю я своими замѣчаніями, объясненіями и приложеніями.

Царствованіе Петра II, очень хорошо описано К. П. Арсеньевымъ. (С. П. Б. 1740). Царствованіе Анны ожидаетъ еще искусства пера; но записки Дюка Лирійскаго послужатъ очень хорошииъ для сего матеріаломъ, несравненно лучшимъ, нежели находящійся въ запискахъ извѣстнаго Манштейна.

Здѣсь долженъ я замѣтить, что Дюкъ Лирійскій велъ свои записки по *новому* стилю, который тогда превосходилъ *старый* 11 диями. Я удержалъ его.

Многимъ покажется странно, что онъ Петра II и Анну, называетъ всегда *Царемъ* и *Царицею*; но это объясняется тѣмъ, что въ то время Испанскій Дворъ не соглашался еще дать Русскимъ Государямъ титула Императора.

По напечатаніи сей книги оказались въ ней нѣкоторыя погрѣшности, изъ коихъ важнѣйшія та, что на страницѣ 20, строка 8, на полѣ выставленъ 1729 годъ, вмѣсто 1728, что продолжается до страницы 33. Прочія опечатки благосклонный читатель можетъ легко исправить самъ.

Мал 16 дня 1727 года я былъ у Принца Евге. 1727
нїа, который принялъ меня чрезвычайно ласково.

Принцъ Евгенийъ Савойскій, по мнѣнію моему, совершенный герой; нѣтъ такихъ добрыхъ качествъ, которыхъ бы въ немъ не было: онъ откровененъ, учтивъ, простъ въ обращенїи, не теря однако же приличїа, и гордъ безъ тщеславія; онъ неспособенъ обманывать никого, и каждому слову, исходящему изъ устъ его, можно вѣрить, какъ самой истинѣ; онъ краснорѣчивъ, знаетъ науки и читалъ много; говоритъ совершенно на пяти языкахъ: Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италїанскомъ, и Испанскомъ. Ненависть ему неизвѣстна, и угнѣтаемая добродѣтель всегда найдетъ въ немъ защитника. На войнѣ онъ всегда веселъ, бдителенъ, внимателенъ и ровенъ, даже находясь въ жесточайшемъ огнѣ. Никто лучше его не знаетъ военнаго искусства: это доказываютъ десять сраженій, имъ выигранныхъ. Въ политическихъ дѣлахъ онъ прощителенъ, и изъясняется, хотя въ немногихъ словахъ; но очень ясно. Онъ ненавидитъ комплиментовъ и не терпитъ благодарности за оказанную имъ милость. Будучи справедливъ въ высочайшей степени, онъ не отрѣчется дать удовлетвореніе каждому честному человѣку, ежели сей,

1727 думая бытъ отъ него оскорбленнымъ, потребу-
еть онаго. Словомъ, это совершенный число-
вѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Юня 5, дюкъ Бурнонвильскій получилъ отъ
графа Цицендорфскаго записку, которою онъ
приглашалъ обонхъ насъ пріѣхать къ нему сего
же дня утромъ, въ Луксембургъ. Мы тотъ же
часъ отправились туда и, съ самаго пріѣзда, за-
нялись дѣлами съ симъ министромъ и съ прин-
цемъ Евгеніемъ. Отъ нихъ мы узнали, что вчера
вечеромъ пріѣхалъ курьеръ изъ Петербурга съ
извѣстіемъ, что Царица Екатерина I скончалась
17 мая, въ 10 часовъ вечера, отъ болѣзни, кото-
рая продолжавшись нѣкоторое время, кончилась
нарывомъ въ груди (1). Они сказали, что это про-
изшествіе не измѣнитъ ни въ чемъ настоящей на-
шей системы, потому что новое Русское мини-
стерство рѣшилось слѣдовать принятымъ покой-
ною Царицею правиламъ, въ чемъ удостовѣряетъ
Императора князь Меншиковъ, первый Русскій
министръ, въ почтительномъ письмѣ, которое
онъ писалъ, по сему случаю, къ Его Величеству.

Послѣ сего, графъ Цицендорфскій рассказалъ
намъ, что происходило въ Петербургъ по смер-
ти Екатерины.

Какъ скоро она скончалась, князь Меншиковъ
поставилъ караулъ у всѣхъ входовъ дворца, а на
другій день по утру пригласилъ во дворецъ

Царевича, внука послѣдняго Царя, Герцога и Герцогиню Голштейнъ-Готторпскихъ, Принцессу Елисавету, дочь покойной Царицы, и всѣхъ вельможъ и первѣйшихъ министровъ Русскихъ: Меншиковъ объявилъ имъ, что Царица скончалась въ прошедшую ночь, вруча ему свое духовное завѣщаніе, которое онъ тутъ же и прочелъ. Въ самомъ началѣ завѣщанія она объявила единственнымъ своимъ наслѣдникомъ вышесказаннаго Царевича, внука своего супруга. Всѣ, бывшіе въ собраніи, выслушавъ это, тотчасъ закричали Ура! Тетка его, Герцогиня Голштинская, первая пала къ его ногамъ, а за нею и всѣ прочіе, и тутъ же присягнули въ вѣрности. Остальное содержаніе духовной относилось къ образу правленія и назначало регентство, которое долженствовало продлиться до того времени, когда новому Царю исполнится 16 лѣтъ, а тогда было ему только 12. Въ члены совѣта регентства назначались: Герцогъ и Герцогиня Голштинскіе, Принцесса Елисавета, сестра Герцогини, князь Меншиковъ, государственный канцлеръ графъ Головкинъ, адмиралъ графъ Анраксинъ, Царскій оберъ-гофмейстеръ баронъ Остерманъ, и князь Дмитрій Голицынъ. Въ концѣ духовной, Екатерина предписывала поддерживать союзъ и согласіе съ Императоромъ и слѣдовать той же системѣ, которой она слѣдовала (2). По статьѣ, относящай-

1727 ся до малолѣтства Царя, осталась безъ исполненія, потому что тутъ же объявили его совершеннопольтнимъ, и Герцогъ Голштинскій, оскорбленный Меншиковымъ, чрезъ два мѣсяца, уѣхалъ съ своею супругою, въ свои владѣнія(3).

Извѣстіе о кончинѣ Екатерины I огорчило меня до чрезвычайности; ибо, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой я принялъ посольство въ такую отдаленную отъ ногъ моего Государя страну, состояла въ томъ, что мнѣ хотѣлось узнать лично такую великую Государыню, которую и лучшіе писатели не могутъ выхвалять достойно. Но меня много успокоивало увѣреніе Императорскихъ министровъ, что эта великая потеря не сдѣлаетъ ни какой перемѣны въ настоящихъ дѣлахъ, потому что на другій день ея кончины, все было въ величайшемъ спокойствіи, хотя тогда можно было опасаться величайшаго волненія. Правда, что за недолгое до смерти Царицы время, былъ открытъ заговоръ, главою котораго были, генераль Толстой и генераль Дивіеръ, родомъ Португалецъ; но ихъ обоихъ схватили и заговоръ ихъ не имѣлъ ни какихъ послѣдствій (4).

Іюня 21 получили мы извѣстіе о смерти епископа Любскаго, двоюроднаго брата Герцога Голштинскаго, который должспъ былъ жениться на Принцессѣ Елисаветѣ Московской (5).

Вмѣстѣ съ симъ получено также извѣстіе объ 1727 обрученіи Царя съ дочерью князя Меншикова.

Въ 28 день пріѣхалъ курьеръ изъ Берлина съ извѣстіемъ, что Король Англинскій Георгъ умеръ въ Оснабрюкѣ 13 числа, отъ апоплексическаго удара.

Іюля 26 пріѣхалъ второй курьеръ изъ Мадрида, который огорчилъ меня также, какъ и первый, потому что я не получилъ съ нимъ никакого повелѣнія, и маркизь де ла Пазъ все притворялся, что не знаетъ о кончинѣ Царицы. Наконецъ, 4 августа пріѣхалъ третій курьеръ и привезъ мнѣ новые кредитивы и наставленія. Маркизь, именемъ Королевскимъ, предписывалъ мнѣ ѣхать какъ можно скорѣе къ мѣсту моего назначенія.

Войско Короля Прусскаго состоитъ изъ 70 тысячъ человекъ отличнѣйшихъ, кои служатъ съ величайшею точностію.

Октября 19 былъ я, съ графомъ Секендорфскимъ, въ городъ Потсдамъ, желая видѣть славный гренадерскій, или лучше, испанскій полкъ, состоящій изъ 2500 человекъ, изъ которыхъ самый малый ростомъ въ 6, а самый высокій, въ 7 слишкомъ геометрическихъ футовъ (6).

Октября 25 пріѣхалъ я въ Данцигъ. Случилось, что въ томъ же трактирѣ, въ которомъ я остановился, жилъ также графъ Маврикій Саксон.

7271 скій, побочный сынъ Короля Польскаго, который былъ избранъ въ Герцоги Курляндскіе, о чемъ я буду говорить послѣ. Онъ былъ мнѣ очень хорошимъ пріятелемъ въ Парижѣ, и по этому я былъ очень радъ встрѣтившись съ нимъ здѣсь, и мы не разлучались во все то время, которое пробылъ я въ Данцигѣ. Онъ мнѣ подробно рассказалъ о состояніи своихъ дѣлъ въ Курляндіи и просилъ хлопотать о немъ при Дворѣ Петербургскомъ. Я обѣщала ему это, разумѣя, при удобномъ случаѣ; но при томъ сказала, что буду стараться о немъ, какъ пріятель, а не какъ посолъ, потому что не имѣю отъ Короля, моего Государя, повѣщенія мѣшаться въ его дѣла. Послѣ сего онъ убѣдительно просилъ меня выхлопотать изъ рукъ Русскаго министерства множество записочекъ, кои получалъ онъ отъ разныхъ дамъ, и хранилъ въ сундукѣ, который отняли у него Русскіе, и что въ томъ же сундукѣ находится журналъ любовныхъ шашней при Дворѣ Короля, отца его, приговаривая, что ежели журналъ этотъ откроется, то надѣлаетъ ему много хлопотъ. Все это я обѣщала ему и пріѣхавъ въ Москву, дѣйствительно услужилъ ему дружески.

Ноября 9 отправился я очень рано и проѣхавъ 4 лье, прибылъ къ обѣду въ Митаву. Почти за полночь отъ сего города встрѣтился я съ генералъ-майоромъ Миромъ (Miler), который нарочно былъ

послаиъ Польскою комисіею мнѣ на встрѣчу, 1727 для поздравленія меня съ прїѣздомъ. Пересѣвъ въ его карету, я прїѣхалъ въ Митаву въ полдень. Четверо изъ главныхъ членовъ комисіи тотчасъ явились ко мнѣ съ визитомъ, и именно: князь епископъ Вармійскій, графъ Денгофскій, генералъ Анговскій, графъ Дунинъ, референдарій коронный, и князь Радзивиль. Они повезли меня обѣдать къ референдарію, гдѣ была также вдовствующая Герцогиня Курляндская, дочь Іоанна, старшаго брата Петра I.—Генералъ Дасси, бывшій въ Митавѣ отъ Россійскаго Двора, также прїѣзжалъ ко мнѣ, и я ужиналъ у него.

На другій день, 10 числа, представлялся я Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ и былъ очень хорошо принятъ отъ Ея Высочества.

Отъ нее поѣхалъ я обѣдать къ епископу Вармійскому.

Курляндія и Семигалія суть двѣ соединенныя области, объявленныя въ 1561 году, наследственнымъ герцогствомъ для дома Кетлера, который, желая поддержать себя, отдался уже тогда подъ покровительство Польши, завися отъ нее въ видѣ лена. Домъ Кетлера, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, кончился въ лицѣ нынѣшняго Герцога Фердинанда, 70 лѣтняго старца, не имѣющаго наследниковъ. Уже слишкомъ 27 лѣтъ, какъ онъ, поссорясь съ Курляндскимъ дво-

1727 ряиствомъ, выѣхалъ изъ своихъ владѣнй и живеть въ Данцигѣ.

Его дворянство видя, что Герцогъ Фердинандъ не проживеть долго, по причинѣ глубокой его старости, рѣшилось составить сеймъ для избранія ему преемника и 5 юля 1726 избрало, безъ всякаго прекословія, графа Маврикія, побочнаго сына Короля Польскаго и Курфистра Саксонскаго. Графъ присутствовалъ при сеймѣ избраніи и согласился на него; но Польская республика тутъ же воспротивилась етому, объявивъ, что въ силу леннаго владѣнія и условія, сдѣланнаго Кетлеромъ, на случай, если домъ его угаснетъ, Курляндское Герцогство зависить уже прямо отъ Короля и Рѣчи посполитой Польской. Князь Меншиковъ, генералиссимусъ Русскихъ войскъ, немедленно послѣ вышесказаннаго избранія графа Маврикія, пріѣхалъ въ Митаву, гдѣ еще находились графъ и депутаты сейма, и полагался на свою силу и на имя тогдашней Царицы, старался склонить сеймъ избрать его въ наследники Герцогу Фердинанду, что однакоже ему не удалось. Онъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ графомъ Саксонскимъ; но не могъ получить отъ него того, чего желалъ, и все это кончилось условіемъ, чтобы тотъ изъ нихъ, кто сдѣлается Герцогомъ Курляндскимъ, заплатилъ другому сто тысячъ сѣмковъ.

Между тѣмъ Курляндскій сеймъ, собравшись 1727 вновь въ главной Митавской церкви, подтвердилъ свое избраніе, и графъ Саксонскій, желая поддержать оное, возвратился въ Курляндію въ маѣ 1727 года, и укрѣпился, съ небольшимъ числомъ войска, на одномъ островѣ, лежащемъ въ заливѣ Балтійскаго моря, въ одномъ мѣ отъ Митавы, который по мѣстоположенію своему даже неприступенъ; но князь Меншиковъ отправилъ корпусъ Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Ласси, чтобы вытѣснить графа Саксонскаго. Ласси пришедъ къ острову, послалъ сказать графу, что имѣеть повелѣніе отъ Царицы, своей Государыни, объявить ему, чтобы онъ, ни мало не медля, выѣхалъ изъ Курляндіи. Хотя Ласси требовалъ, чтобы графъ оставилъ Курляндію чрезъ 4 дни, но онъ отправился въ тотъ же самый день. Послѣ сего Ласси велѣлъ объявить графскимъ людямъ, чтобы они сдались безъ сопротивленія, а онъ велитъ проводить ихъ до Польской границы; но вмѣсто сего, отправилъ ихъ, со всемъ ихъ и графскимъ имуществомъ, въ Ригу, гдѣ и держали ихъ нѣсколько недѣль.

Между тѣмъ Польская республика принудила своего Короля не утверждать сдѣланнаго Курляндцами избранія въ Герцоги графа Саксонскаго, и Король, хотя и противъ своей воли, принужденъ былъ сдѣлать это, въ ожиданіи удобнѣйшаго случая помочь своему сыну: Послѣ

1727 сего, республика составила комиссію, членовъ которой я поименовалъ выше, и отправила ее въ Митаву, для переговоровъ съ Курляндскими депутатами, о присоединеніи Герцогства къ коронѣ Польской. Во то же самое время республика объявила, на своемъ сеймѣ, графа Саксонскаго виновнымъ въ оскорбленіи Величества и врагомъ отечества.

По приѣздѣ нѣкоторыхъ членовъ комиссіи въ Митаву, князь Меншиковъ; по ихъ требованію, велѣлъ сдать Полюкамъ всѣхъ людей и вещи графа Саксонскаго, кои содержались въ Ригѣ, совершенно вопреки ихъ капитуляціи.

Курляндскіе депутаты не могли согласиться на счетъ образа правленія, который Поляки хотѣли ввести по смерти Герцога Фердинанда, и протестовали противъ всего, что сдѣлали послѣдніе. Такимъ образомъ, Польская комиссія, не произведя ничего положительнаго, кончилась въ декабрь 1727.

Но прежде, нежели она разошлась, Россійскій Дворъ велѣлъ своимъ генераламъ, Лассію и Бибикову, объявить ей, что Царь ни какъ не допуститъ до того, чтобы Курляндія была присоединена къ Польшѣ, а требуетъ, чтобы, по силѣ особенныхъ условій, сдѣланныхъ Курляндцами съ Поляками, Герцогомъ былъ который либо изъ Германскихъ Государей.

Вотъ все, что я могъ узнать о Курляндцахъ, 1727 въ теченіе нѣсколькихъ дней, кои я пребылъ въ Митавѣ.

Изъ Нарвы я выѣхалъ 21 ноября утромъ и проѣхавъ двѣ ночи и день, наконецъ прибылъ въ Петербургъ 23 числа въ полдень. Отъ Нарвы до сего столичнаго города считается 142 версты.

На другій день, 24 ноября, я увѣдомилъ о своемъ пріѣздѣ министровъ Царскихъ и иностранныхъ Дворовъ, а послѣку я принялъ титулъ только полномочнаго министра, то и обязанъ былъ сдѣлать первый визитъ членамъ регентства, и именно: государственному канцлеру графу Головкину, генералъ-адмиралу Апраксину, вице канцлеру и гофмейстеру Царскому барону Остерману, и князю Дмитрію Голицыну.

На первой аудіенціи у Его Величества былъ я 31 декабря. Рѣчь говорилъ я на кастильскомъ языкѣ, а отвѣчалъ на все, отъ имени Царя, баронъ Остерманъ, по русски.

По окончаніи сего, оберъ-церемоніймейстеръ привелъ меня на ауденцію къ Великой Княжнѣ, сестрѣ Его Величества. Тутъ рѣчь произнесъ и на французскомъ языкѣ, а баронъ Остерманъ, стоявшій при ней съ лѣвой стороны, отвѣчалъ мнѣ, по ея повелѣнію, на томъ же языкѣ.

Послѣ сего представлялся я Привцессѣ Елисаветѣ и говорилъ ей рѣчь, также по Француз-

1727 ски, а Ея Высочество приказала своей штатсъ-дамъ (Самегета мајор), графинѣ Салтыковой, отвѣчать мнѣ, что она и исполнила на французскомъ языкѣ.

На другій день послалъ я просить позволенія представиться Герцогинѣ Мекленбургской и Герцогинѣ Параскеви, дочерямъ Царя Иоанна, старшаго брата Петра I; но онѣ не могли исполнить моей просьбы, потому, что отъѣзжали того же дни въ Москву.

1728 Вотъ письмо, которое отправилъ я 10 января 1728 къ маркизу де ла Пазъ.

«Полагаю, что Королю, нашему Государю, весьма нужно знать въ подробности систему правленія Русской земли, которая подвергается величайшей опасности, если Богъ не отвратитъ сего, упасть опять въ прежнее свое состояніе.

«Со времени низверженія князя Меншикова, баронъ Остерманъ, гофмейстеръ Царскій и вице-кашцлеръ, считается первымъ министромъ; но будучи иностранцемъ, онъ не смѣетъ ничего дѣлать по собственному своему побужденію и спосигся во всемъ съ тремя другими членами регентства, поступая съ величайшею осторожностію и скрытностію. Хотя Государю не исполнилось еще 13 лѣтъ; но, какъ онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, то никто не смѣетъ говорить ему ни о чемъ, ни подавать ему совѣтовъ. Одинъ

только Остерманъ имѣетъ надъ нимъ нѣкоторую 1728 власть; но и его замѣчанія уже не уважаются. Царь не терпитъ ни моря, ни кораблей, а страстно любитъ псовую охоту. Здѣсь въ Петербургѣ не гдѣ охотиться; но въ Москвѣ очень можно, почему никто не сомнѣвается, что прїѣхавъ туда одинъ разъ, онъ едва ли возвратится сюда, и причины, для сего приводимыя, кажутся мнѣ не неосновательными.

«Главная причина, для которой покойная Царица и Петръ I, основали здѣсь свою резиденцію, была та, чтобы имѣть всегда въ глазахъ рождающуюся морскую силу, которая была для нихъ величайшимъ наслажденіемъ, и для того, чтобы держать въ почтеніи Государей, своихъ сосѣдовъ, и именно Шведскихъ. Юный Монархъ не походитъ на нихъ: онъ ненавидитъ морскаго дѣла и окруженъ Русскими, кои не терпя отдаленія своего отъ родины, всегда толкуютъ ему ѣхать въ Москву, гдѣ жили сего предки, и при етомъ выхваляютъ Московскій климатъ и множество дичи въ ся окрестностяхъ, а здѣсь климатъ не только нездоровый, но и грустный, и нѣтъ мѣстъ для охоты.

«Многіе думаютъ, что коронація совершится прежде поста, и что послѣ сего Царь возвратится сюда. Но я думаю, что етому не бывать, потому что еще ничто неготово для сего торже-

1728 ства, и кунцы, поѣхавшіе въ Ліонъ, для закупки шелковыхъ и штофныхъ матерій, не могутъ воротиться прежде исхода сего мѣсяца или начала будущаго, а генераль Ягужинскій, зять государственнаго канцлера, увѣрляя меня, что коронація будетъ не прежде, какъ послѣ Пасхи и на вѣрное мы не воротимся прежде лѣта.

«Баронъ Остерманъ также въ отчаяніи, что плоды даннаго имъ Царю хорошаго воспитанія пропадаютъ, и что онъ самъ подверженъ ежедневно интригамъ Русскихъ, которые на каждомъ шагу разставляютъ сѣти, чтобы онъ, запутавшись въ нихъ, упалъ и погибъ. Онъ знаетъ это очень хорошо, и люди, заслуживающіе довѣріе, говорили мнѣ, что онъ рѣшится, послѣ коронаціи, отказаться отъ званія гофмейстера и просить объ отставкѣ. На сихъ дняхъ онъ занемогъ, и кровь, пущенная ему, была вся черная и почти гнилая. Бользнь эта сдѣлалась отъ того только, что онъ вынужденъ былъ говорить Царю о его образѣ жизни, а Его Величество, выслушавъ его, отошелъ, не сказавъ ни слова. Черезъ нѣсколько дней онъ сталъ говорить тоже, приволнвивъ, что Его Величество, самъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, велѣлъ бы отрубить ему голову, если бы онъ не представлялъ ему провасти, въ которую онъ теперь стремится, и что онъ не можетъ быть свидѣтелемъ его гибели и отказывается отъ званій

гофмейстера. Царь обнялъ Остермана и со сле- 1728
зами на глазахъ просилъ не оставлять его; но въ
этотъ же самый вечеръ онъ приниждя за прежнее.

«Чтобы лучше понять настоящее состояніе
сего Двора, надобно знать, что здѣсь двѣ партіи.
Первая Царская, къ которой принадлежатъ всѣ
тѣ Русскіе, кои главнѣйше стремятся къ тому,
чтобы выгнать отсюда всѣхъ иностранцевъ. Эта
партія раздѣляется на двое: одна состоитъ изъ
Голицыныхъ, другая изъ Долгоруковыхъ, какъ
я объясню послѣ. Вторая партія называется Ве-
ликой Княжны, сестры Царской, и къ ней
принадлежатъ: баронъ Остерманъ, графъ Левен-
вольдъ и всѣ иностранцы. Цѣль сей партіи со-
стоитъ въ томъ, чтобы поддерживать себя про-
тивъ Русскихъ милостію и покровительствомъ
Великой Княжны, которую Царь по сіе время
весьма много уважаетъ. Левенвольдъ ненавидитъ,
не только Русскіе, но и всѣ честные люди, а при-
скорбише всего то, что Остерманъ очень любитъ
такого человѣка, котораго всячески стараются
отдалить отъ Двора.

По болѣе всѣхъ довѣренности Царь имѣетъ къ
Принцессѣ Елисаветѣ, своей теткѣ, которая от-
личной красоты и ведетъ себя очень благоразу-
мно. Она уважаетъ Остермана и обращается съ
нимъ ласково.

Его Величество также очень любитъ молодаго

1728 князя Долгорукаго, Ивана Алексѣевича, который, по молодости своей, угождаетъ ему во всемъ, и потому нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ не остался главнѣйшимъ фаворитомъ и не свергъ, со временемъ, барона Остермана и всѣхъ другихъ; какъ ни старались удалить сего Долгорукаго: но, по сіе время, сдѣлать этого не могли. Онъ сынъ князя Алексѣя Долгорукаго, втораго гофмейстера Царскаго. Князь Иванъ служитъ камергеромъ и пользуется такою довѣренностію, что не оставляетъ Царя ни на минуту и даже спитъ въ одной съ нимъ комнатѣ. И отецъ содѣйствуетъ много къ доставленію Царю удовольствій; имъ удалось бы уже удалить Остермана, если бы Русскіе вельможи были согласны между собою.

«Голицыны и Долгоруковы суть главнѣйшіе и сильнѣйшіе изъ всѣхъ Русскихъ бояръ; но съ нѣкотораго времени они враждуютъ между собою; если которому изъ нихъ вздумается посадить въ министерство кого изъ своихъ, другіе тотъ же часъ противятся этому, такъ что нынѣ думали, что не могли согласиться на сей счетъ, они прибѣгнутъ къ третьему, и именно къ барону Шафрову. Сей послѣдній имѣлъ одну должность съ Остерманомъ и былъ любимцемъ покойнаго Царя; теперь онъ живетъ въ ссылкѣ въ Москвѣ, гдѣ также находится Царица, бабка нынѣшняго Царя, у которой Шафировъ бываетъ каждый день,

а какъ нѣтъ сомнѣнiя, чтобы она не получила 1728
большаго вѣса въ правленiи, когда Дворъ прiѣ-
детъ въ Москву; то, многiе зная, какъ много она
ненавидитъ иностранцевъ, думаютъ, что она
низвергнетъ Остермана и на его мѣсто посадитъ
Шафирова. Но какъ скоро здѣсь узнали, что онъ
безпрестанно бываетъ у Царицы; то догадались
о его замыслѣ и послали къ нему повелѣнiе от-
правиться въ Архангельскъ, прежде даже прiѣзда
Двора въ Москву.

«Хотя Шафировъ человекъ съ способностями
и чрезвычайно искусный въ дѣлахъ; но удале-
нiе Остермана было бы невозвратимою потерей
для нашего союза. Самые враги Остермана не
могутъ упрекнуть ему въ томъ, чтобы онъ худо
служилъ своему Государю, чтобы давалъ ему
дурные совѣты и позволялъ кому либо подку-
пать себя подарками или деньгами; на него на-
падаютъ только за то, что онъ очень друженъ
съ Левенвольдомъ, какъ я сказалъ выше, и что
дозволяетъ Царю дѣлать все, что ему угодно, не
останавливая его ни въ чемъ. Что касается до
первой статьи, то обвинители его правы; но не-
правы въ послѣдней: ибо въ етомъ онъ ни мало
не виноватъ, и ежели его представленiя не имѣ-
ли того дѣйствiя, какого бы отъ нихъ ожидать
надлежало, то въ етомъ виноваты сами же Рус-
скiе, которые не помогали ему и не помогаютъ

1728 надлежащимъ образомъ; они такъ его ненавидятъ, что готовы обратить въ преступленіе самыя лучшіе его дѣла. Не смотря на все это, да не подумаетъ Король, чтобы Остерманъ былъ совершенный человѣкъ: онъ лживъ, и готовъ сдѣлать все, чтобы достигъ своей цѣли; не имѣетъ религіи, по тому что три раза уже мѣнялъ ее, и чрезвычайно коваренъ; но это такой человѣкъ, въ которомъ мы имѣемъ нужду и безъ котораго не сдѣлаемъ здѣсь ничего.

«Русскіе болтаютъ большой власти, которую Принцесса Елисавета имѣетъ надъ Царемъ: умъ, способности и искусство ея, пугаютъ ихъ; по этому, имъ хочется удалить ее отъ Двора, выдавъ ее за мужъ. Хотя это трудновато, однакоже можетъ сдѣлаться, если начатыя о семъ переговоры кончатся удачно. Графъ Маврикій Саксонскій не оставилъ своихъ притязаній и своей надежды, и зналъ, что Русскій Дворъ никогда не допуститъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, онъ держитъ здѣсь тайно довѣреннаго человѣка для ходатайства по его дѣламъ, кои идутъ хорошо. Одно изъ главнѣйшихъ его предложеній состоитъ въ томъ, чтобы всѣупитъ въ бракъ съ Принцессою Елисаветою, а какъ величайшее желаніе Русскихъ состоитъ въ удаленіи Принцессы отъ Двора, къ чему присовокупляется и выгода, что Курляндія не будетъ присоединена къ Польшѣ; то они и

приняли благосклонно предложеніе графа, и сто 1728 дѣлю идетъ такъ хорошо, что теперь думаютъ пригласить его въ Москву, хотя еще не рѣшено, исполнить ли его предложеніе или нѣтъ; это хранится въ величайшей тайнѣ, и я, не безъ труда, могъ узнать о томъ. Такимъ образомъ, я не сомнѣваюсь, чтобы графъ Морницъ не успѣлъ въ своемъ исканіи, а Русскіе, вивствѣ съ тѣмъ, достигнуть до своего желанія удалить Принцессу:

«Имъ хочется сдѣлать тоже и съ Великою Княжною и, свискать ей хорошего жениха; но это очень трудно, по тому что найдется мало государей, кои захотѣли бы искать себѣ невѣсты въ Москвѣ. Русскіе были бы очень рады помѣнитъ ся съ Пруссією, заставля Царя жениться на старшей дочери Его Пруссакаго, Величества и выдавъ за Королевскаго Принца Пруссіи Великую Княжну; но я не думаю, чтобы Король Прусскій согласился на это; ибо все его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать мѣну съ своимъ своимъ Королемъ Англинскимъ.

«Теперь появляется новый фаворитъ, графъ Бутурлинъ, зять фелдмаршала князя Голицына, и всѣ враги дома Долгоруковыхъ стараются ввести его въ милость у Царя; но меня увѣрали что Бутурлинъ помирить обе партіи, Голицыныхъ и Долгоруковыхъ, и если это правда, то

*

1728 Остерманова партія погібнеть безвозвратно, да и самъ оны падеть непременно.

«Вотъ состояніе, въ которомъ теперъ находится Дворъ и министерство; но я не ручаюсь, что бы черезъ недѣлю не случилось чего нибудь совершенно противнаго; ибо нѣтъ въ Европѣ Двора непостояннѣе здѣшняго.»

1729 Января 12, въ новыи годъ по старому стилю, я поднесъ Царю очень хорошее ружье работы Діега Искибели, которое ему очень понравилось, и когда я пріѣхалъ во дворець съ поздравленіемъ, то оны приказалъ мнѣ остаться обѣдать съ нимъ, милость, каковой оны не оказывалъ ни одному иностранному министру. За столомъ оны былъ ко мнѣ очень благосклоненъ и пилъ за здравіе Короля, моего Государя, на что я отвѣчалъ бокаломъ вина, которое я выпилъ за здравіе Его Царскаго Величества, обратясь съ онымъ къ Принцессѣ Елисаветѣ.

Января 17, а по старому стилю 6, день Крещенія, былъ обрядъ водоосвященія на рѣкѣ. Гвардія и весь Петербургскій гарнизонъ выстроились на Невѣ, гдѣ было устроено зданіе арками, а въ немъ прорубь съ ступенями до самой воды. Его Величество вышелъ изъ дворца въ 11 часовъ, и прибывъ къ рѣкѣ сталъ, въ первый разъ, передъ Преображенскимъ полкомъ, котораго оны былъ полковникомъ, послѣ чего пошелъ

въ Троицкую церковь, гдѣ обѣдню служилъ архіепископъ Коломенскій съ двумя другими епископами. По окончаніи божественной службы, Его Величество пришель опять къ своему полку и сталъ передъ нимъ съ еспонтономъ въ рукѣ, а духовенство все, въ процессіи, пришло къ мѣсту водоосвщенія, которое совершилъ архіепископъ Коломенскій. По окончаніи сего обряда, все войско сдѣлало залпъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была пушечная пальба съ крѣпости, и Царь велъ свой полкъ, съ еспонтономъ въ рукѣ, до самаго дворца.

Января 20, Его Царское Величество отправился, со всемъ своимъ Дворомъ, въ Москву, и проѣзжалъ чрезъ Новгородъ и Тверь, пробывъ по одному дню въ каждомъ изъ сихъ городовъ. Повсюду принимали его съ восторгомъ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 5 февраля, въ 4 часа по полудни, вмѣстѣ съ Польскимъ посланникомъ и его супругою.

Февраля 11 мы отправились изъ Клина, въ 4 часа утра, и въ 1 часъ пріѣхали въ небольшое селеніе Черной-ямъ, гдѣ и обѣдали. Тамъ мы нашли вдовствующую герцогиню Курляндскую, которая очень обласкала насъ. Желая пріѣхать въ Москву поранѣе, до которой отсюда считается только 25 верстъ, мы не долго сидѣли за столомъ, и не останавливались ни гдѣ, пріѣхали туда благополучно въ 7 часовъ вечера.

1729 Царь прїѣхалъ въ Москву 30 ливаря; но не вѣзжалъ еще торжественно, по причинѣ простуды, которая причинила ему боль въ груди. Его Величество остановился въ загородномъ домѣ княгини Грузинской, въ 7 верстахъ отъ Москвы. И Великая Княжна также занемогла: на ней показалась сыпь, похожая на корь.

Царь, немедленно по прїѣздѣ своемъ, отправился инкогнито къ своей бабкѣ, которая жила въ одномъ монастырѣ и никогда еще не видѣла его. Не бесполезно будетъ, если я о ней скажу нѣсколько словъ.

Царица, бабка Царская, происходитъ изъ дома Лопухиныхъ, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Петръ I женился на ней въ 1689 году и она родила ему Царевича Алексѣя, умершаго въ 1718 году и оставившаго послѣ себя сына, нынѣ владѣющаго Государя. Они жили очень согласно между собою до тѣхъ поръ, пока ненависть Царицы къ иноземцамъ и ко всѣмъ обычаямъ Европейскимъ, кои Царь очень любилъ, не произвела между ими охлажденія, такъ что Петръ наконецъ удалилъ ее въ монастырь, а вскорѣ потомъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, гдѣ она и оставалась до кончины Царицы Екатерины. Внукъ ея, вступивъ на престолъ, переселъ ее въ одинъ изъ Московскихъ монастырей; но она ни-

когда не была пострижена, хотя Царь, супругъ 1729 ел, и принуждалъ ее къ тому*).

Такимъ образомъ Петръ II прѣхалъ къ ней; но она что-то ему не понравилась, и потому онъ не имѣлъ къ ней довѣренности, хотя она и ласкалась стою надеждою по причинѣ большаго ея желанія властвовать. Не смотря однакоже на это, онъ назначилъ ей на содержаніе по 60 тысячъ рублей въ годъ и отвелъ ей комнаты во дворцѣ съ услугою. Когда я видѣлъ ее, она была уже старухою; но меня увѣрили, что она была отличной красоты.

Черезъ день по прѣздѣ моемъ, я былъ съ визитомъ у герцогини Курляндской, которая жила не далеко отъ меня и приняла меня очень ласково.

Царь, освободясь отъ болѣзни, вѣхалъ торжественно въ Москву 15 февраля.

Февраля 19, Его Величество назначилъ въ члены верховнаго совѣта князя Василія Долгорукаго, который былъ посломъ во Франціи, и князя Алексѣя Долгорукаго, своего втораго гофмейстера, и такимъ образомъ совѣтъ составилъ изъ шести членовъ, вмѣсто прежде бывшихъ четырехъ.

Изъ депеши моей къ Королю, моему Государю, отъ 10 января, видѣли, что въ Россіи были

*) На противъ, она была дѣйствительно пострижена и въ иночествѣ перемѣнила имя Евдокіи на Елену. *Лз.*

1729 двѣ партіи: Голицынская и Долгоруковская. По приѣздѣ Двора въ Москву, баронъ Остерманъ присталъ къ Долгоруковымъ, и тѣмъ много содѣйствовалъ къ сопротивленію Голицынской партіи, которая бывъ открытымъ врагомъ иноземцевъ и иностранныхъ обычаевъ, хотѣла отдалить Остермана и заставить Царя остаться въ Москвѣ, возвратиться къ стариннымъ Русскимъ обычаямъ, и отказаться отъ роли, которую Великій Петръ I сталъ играть въ свѣтъ.

Февраля 22, Его Величество пожаловалъ князя Ивана Долгорукаго, своего любимца, въ оберъ-камергеры и въ тотъ же день возложилъ на него орденъ Св. Андрея. Второй его любимецъ, графъ Бутурлинъ, произведенъ въ генералы и назначенъ прапорщикомъ въ кавалергардскій корпусъ.

За нѣсколько до сего дней получилъ я повелѣніе отъ Короля, моего Государя, просить Царя о принятіи въ свою службу г. Кейга, брата графа, наследственнаго маршала Шотландіи. Сей Кейтъ 9 уже лѣтъ имѣлъ въ Испаніи чинъ полковника; но оставался безъ полка, по тому что былъ не католическаго вѣроисповѣданія. Его Царское Величество такъ былъ милостивъ, что тотъ же часъ велѣлъ принять его въ свою службу съ чиномъ и жалованьемъ генераль-майора.

Марта 1, Царица, бабка Царская, была, въ пер-

вый разъ у Его Величества; но юный Государь, 1729 болясь, чтобы она не стала говорить съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, сдѣлалъ такъ, что не оставался съ нею наединѣ, и хотя обращался съ нею весьма вѣжливо, однако же не допустилъ ее говорить ни о чемъ.

Марта 7 совершилась коронаціа Его Величества.

Марта 9, чужестранные министры получили приглашеніе, отъ имени Его Величества, пріѣхать вечеромъ на Царицынъ лугъ, гдѣ былъ фейерверкъ и балъ.

Марта 10, Его Величество велѣлъ кормить народъ на большой дворцовой площади, гдѣ были сдѣланы два большихъ фонтана, одинъ съ краснымъ, а другой съ бѣлымъ виномъ.

Марта 11, Его Величеству угодно было почитать домъ мой и ужинать у меня. Я принялъ его такъ великолѣпно, какъ только могъ: у меня было накрыто три стола, по двадцати кувертовъ на каждомъ, а до ужина и послѣ ужина былъ большой концертъ. Вотъ все, что я могъ сдѣлать, смотря по малому времени, которое имѣлъ для пріуготовленія къ сей чести: ибо Его Величество приказалъ увѣдомить меня только на каунѣ. Царь пробылъ у меня за часъ по полуночи, а за столомъ просидѣлъ слишкомъ полтора часа, чему всѣ удивились, по тому что онъ остается за сто-

1729 ломъ, обыкновенно, не болѣе четверти часа. Въ эту ночь опорожнили у меня почти 500 бутылокъ вина.

Я забылъ сказать, что въ день коронаціи, Царь произвелъ въ генераль-фельдмаршалы князя Грубцакаго, и генерала князя Долгорукаго, который командовалъ войсками въ Персіи, да еще четверыхъ въ генераль-лейтенанты.

Марта 13 получено извѣстіе, что Герцогиня Гошштейнъ-Готгорпская разрѣшилась отъ бремени Принцемъ, и по сему случаю былъ, на другій день 14 числа, во дворцѣ балъ, на который приглашенъ былъ я со всѣми чужестранными министрами.

Марта 17, баронъ Абихедадь, оберъ-церемоніймейстеръ, былъ у меня я, послѣ длиннаго предисловія, сказалъ мнѣ съ величайшею довѣренностію, что онъ желалъ бы поговорить со мною объ одномъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы оно осталось между нами: Дѣло состояло въ томъ, что онъ спросилъ меня: буду ли я доволенъ, ежели Его Величество пожалуетъ мнѣ орденъ Св. Андрея, и можетъ ли носить сей орденъ тотъ, кто имѣеть уже орденъ золотаго руна? На это я отвѣчалъ, что всѣ знаки отличія, которыми угодно будетъ Его Величеству меня удостоить, я приму за величайшую для себя честь; но просить о томъ никогда не стану. Что же касается до второй статьи,

то я могу его увѣрить, что золотое руно не мѣ- 1729
шается другимъ орденамъ, по тому что Король, мой
Государь, получилъ отъ Папы разрѣшеніе, что
бы кавалеры сего ордена могли получагь и дру-
гіе, и что теперь у насъ болѣе 20 кавалеровъ ру-
на носятъ и другіе ордена.

Почти въ тоже самое время получилъ я оф-
фиціальную депешу отъ маркиза де ла Пазъ, кото-
рою онъ увѣдомилъ меня, именемъ Короля, что
какъ бракосочетаніе Принца Астурійскаго съ Ин-
фантою Португальскою, и Принца Бразильскаго
съ нашею Инфантою Донною Марііною Викто-
ріею, уже заключено; то Его Величество повелѣ-
ваетъ мнѣ торжествовать оба сіи бракосочетанія
особеннымъ праздникомъ. Въ слѣдствіе сего я
рѣшился объявить Царю о семъ событіи, и про-
силъ аудіенціи, которую и назначили 28 чис-
ла въ три часа по полудни. На сей аудіенціи я
говорилъ Царю рѣчь, отъ имени Короля, моего
Государя, и Его Величество отвѣчалъ мнѣ съ изъ-
явленіемъ величайшаго дружественнаго распо-
ложенія къ Королю.

По выслушаніи сего отвѣта я хотѣлъ удалитъ-
ся; но баронъ Остерманъ сказалъ мнѣ, чтобы я
подошелъ къ Царю, который желаетъ украсить
меня своимъ орденомъ Св. Андрея, въ ознамено-
ваніе добраго извѣстія, отъ меня полученнаго
и уваженія къ моей особѣ. Тутъ князь Иванъ

1729 Долгоруковъ, оберъ-камергеръ, поднесъ Его Величеству знакъ ордена на вызолоченномъ серебряномъ блюдѣ, и Его Величество, взявъ ихъ, возложилъ на меня. Признаюсь, что манера и случай, которымъ воспользовался Его Величество оказать мнѣ эту милость, заставили меня принять сей орденъ съ величайшею благодарностію; ибо, клянусь, что хотя оберъ-церемоній-мейстеръ и говорилъ мнѣ о томъ за нѣсколько дней; но я ни мало не думалъ, чтобы это случилось въ сей день. По принесеніи мною благодарности, Его Величество приказалъ мнѣ остаться обѣдать съ нимъ: ему угодно было почтить меня, безъ всякой со стороны моей заслуги.

Апрѣля 1, Его Величество изволилъ пожаловать ко мнѣ обѣдать со всѣми кавалерами ордена Св. Андрея и министрами верховнаго совѣта. У меня было накрыто три стола, за которыми служили въ одно время, да сверхъ того столъ для солдатъ и служителей, бывшихъ при Его Велиествѣ. Мы выпили слишкомъ 600 бутылокъ вина. Его Величеству угодно было остаться у меня до 6 часовъ; онъ былъ очень веселъ и очень доволенъ.

Въ половинѣ Апрѣля дошло даже до самаго Царя какое-то писаніе, не извѣстно кѣмъ сочиненное, въ которомъ оправдывался князь Меншиковъ и восхвалялись великія способности и умъ сего

несчастливаго министра. Писаніе заключалось тѣмъ, 1729 что ежели не призовутъ его оплть, то дѣла никогда не пойдутъ хорошо. Очевидно было, что эта бумага была писана самимъ княземъ, или кѣмъ либо изъ преданныхъ ему. По етому произведенъ былъ строгій розыскъ и изданъ Царскій указъ, которымъ обѣщана была большая награда тому, кто откроетъ сочинителя. Въ слѣдствіе сего узнали, что духовникъ Царицы бабки получилъ тысячу ефимкомъ за то, чтобы онъ постарался ввести его въ милость Царицы. Духовника взяли тотчасъ къ допросу и какъ онъ признался въ своемъ преступленіи, то его наказали строго, а Меншикова отправили на Березовый островъ у Ледовитаго моря, въ 10 тысячахъ верстахъ отъ Москвы. Сволченица его Варвара была сослана въ какой-то монастырь, на границѣ Персидской, а другая его сволченица, жившая въ Москвѣ, была взята, и уже хотѣли было ее пытать; но какъ она призналась во всемъ, чего отъ нее требовали, то и оставили ее только въ заключеніи. За нѣсколько дней до сего происшествія, княгиня Меншикова умерла съ печали отъ несчастія своего мужа, котораго сказанное писаніе повергло еще въ большее; ибо, если бы онъ, или его друзья, не сдѣлали этого: то, я думаю, что ему позволили бы жить спокойно въ Ораніенбургѣ.

1729 Мая 2, по старому стилю, день Пасхи, все мы чужестранные министры приехали во дворец для поздравления Царя, и Его Величество заставил нас выпить по рюмкѣ вина за свое здоровье; тоже самое было и въ комнатахъ обѣихъ Принцессъ.

Баронъ Остерманъ, заботившійся только о томъ, чтобы держать Русское царство въ томъ положеніи, въ которомъ оставилъ его Петръ I, желалъ, чтобы Дворъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ Царь можетъ гораздо лучше знать все то, что дѣлается въ свѣтъ. Но это не нравилось Русскимъ, которые занимаясь болѣе своими, нежели государственными дѣлами, старались удерживать его въ Москвѣ, чтобы быть по ближе къ своимъ домамъ и деревнямъ. И дѣйствительно, при помощи князя Ивана Долгорукаго, Царскаго фаворита, они склонили Остермана на то, чтобы Дворъ возвратился въ Петербургъ не прежде зимы, а чтобы заставить Царя еще болѣе полюбить Москву, то его возили по ближайшимъ загороднымъ домамъ, забавляя его безпрестанно псовой охотою, которую онъ любилъ чрезвычайно, и твердя о величайшей разности климата Московскаго и Петербуржекаго. И въ самомъ дѣлѣ они говорили правду, по тому что нѣтъ земли и климата лучше Московскаго.

Именно въ это самое время обнаружилась не-

ненависть князя Долгорукаго фаворита, къ барону 1729 Остерману, къ которому Царь имѣлъ еще нѣкоторое уваженіе. Она простиралась до того, что однажды онъ велѣлъ мнѣ сказать, безъ всякихъ околнчностей, что ежели я люблю Остермана болѣе, нежели его, то онъ сдѣлается мнѣ явнымъ врагомъ.

Каждый легко пойметъ, что такое признаніе требовало отъ меня величайшей осторожности; но, по счастью, я остался въ согласіи съ обоими, отвѣчая фавориту, что мнѣ не дѣля не бывать часто у Остермана по дѣламъ моего посольства, какъ у министра, который назначенъ вести переговоры съ чужестранными, и въ тоже время я далъ почувствовать Остерману, что пріязнь моя къ Долгорукову происходитъ отъ того, что мнѣ очень хочется угодить Царю, который любитъ Долгорукаго. Сямъ я успокоилъ обоихъ и могу сказать, что тотъ и другій остались мнѣ хорошими пріятелями.

Мая 18, въ день возшествія Царскаго на престоль, былъ большой съѣздъ ко Двору для принесенія поздравленія Великой Княжнѣ, сестрѣ Его Величества. Ея Высочество сдѣлала мнѣ честь приказавъ мнѣ остаться обѣдать у нее и за столомъ была весьма милостива ко мнѣ.

Здоровье ея было не очень въ хорошемъ состояніи: врачи думали, что у нее чахотка, и въ

1729 слѣдствіе сего лѣчили ее такъ, какъ будто у нее была грудная болѣзнь. Но не чахотка была причиною ея болѣзни, и только одинъ врачъ могъ ее вылѣчить, именно братъ ея. Его Величество по возшествіи своемъ на престолъ, имѣлъ такую довѣренность къ своей сестрѣ, что дѣлалъ для нее все, и не могъ ни минуты оставаться безъ нее. Они жили въ величайшемъ согласіи и Великая Княжна давала удивительные совѣты своему брату, хотя только однимъ годомъ была старѣе его. Мало по малу однакоже Царь, привязался къ своей теткѣ, Принцессѣ Елисаветѣ, а фаворитъ его и другіе придворные, кои не любили Великой Княжны за то, что она уважала Остермана и благоволила иностранцамъ, всячески старались выхвалять Принцессу, которая не любила своей племянницы, и сдѣлали то, что чрезъ полгода Царь не говорилъ уже съ ней ни о какихъ дѣлахъ, и слѣдственно, не имѣлъ къ ней ни какой болѣе довѣренности. Великая Княжна, у которой душа была превосходнѣйшая, чрезвычайно страдала отъ того, что братъ удалился отъ нее, и это страданіе усугубилось еще тѣмъ, что тетка со всемъ перестала ходить къ ней и обращалась съ нею весьма холодно. Вотъ настоящая причина ея болѣзни, и грусть ея была такъ велика, что она впала въ изнурительную лихорадку, которая чуть было не свела ее въ моги-

лу; но крѣпкое ея тѣлосложеніе и молодость 1728 избавили ее отъ сей опасности.

Царь пробыль нѣсколько недѣль въ подмосковныхъ; но возвратился 30 числа и на другій день сдѣлалъ смотръ обомъ гвардейскимъ полкамъ. Онъ пригласилъ меня на сей смотръ и я остался довольнымъ экзерциціею спехъ полковъ.

Июня 2 поѣхалъ я къ барону Остерману и очень удивился нашедъ у него фаворита Долгорукаго и отца его. Они замѣтно смутились при моемъ входѣ, по чему я счелъ приличнымъ сократить мое посѣщеніе и посидѣвъ немного откланялся, съ большимъ желаніемъ узнать, за чемъ они пріѣзжали.

Я узналъ это на другій день отъ самаго фаворита, къ которому я заѣхалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что пробыль у Остермана болѣе четырехъ часовъ, что Остерманъ, со слезами на глазахъ, просилъ его о дружбѣ, увѣряя, что онъ никогда и ничего не будетъ дѣлать безъ его согласія и будетъ говорить съ Царемъ не иначе, какъ при немъ; что послѣ сего они разговаривали о здоровьѣ Царскомъ, условясь, чтобы впредь всегда ѣздилъ за городъ съ Его Величествомъ врачъ, и что наконецъ они говорили о домашнихъ дѣлахъ. Онъ примолвилъ, что не любить и никогда не будетъ любить Остермана. Бесѣду нашу прекратилъ присланный отъ Царя звать Долгорукаго къ себѣ.

1728 Июня 4 получено извѣстіе о кончинѣ Герцогини Голштинской, которая безъ прекословія была первою красавицею въ Европѣ. Русскихъ мало опечалило это горестное извѣстіе, да и самъ Царь не грустилъ, однако же велѣлъ надѣть трауръ на три мѣсяца. Герцогиня была дочерью Петра I и покойной царицы Екатерины, и вышла за Герцога Голштейнъ-Готторпскаго въ 1725 году.

Царь пробывъ въ Москвѣ только два дни, уѣхалъ опять за городъ; но фаворитъ велѣлъ мнѣ сказать, что когда я назначу день своего праздника; то уведомиль бы его и онъ уговорить Его Величество быть на немъ.

Июня 23 получилъ я письмо отъ маркиза де ла Пазъ, который далъ мнѣ знать, что Его Величество Король, нашъ Государь, совершенно одобряетъ то, что я принялъ Андреевскій орденъ и повелѣваетъ мнѣ благодарить Царя, именемъ Его Величества, за отличіе, мнѣ оказанное.

Приготовивъ все для праздника, который я долженъ былъ дать по случаю сугубаго бракосочетанія, я отправилъ нарочнаго къ фавориту съ просьбою доложить о семъ Царю и просить его о назначеніи дня. Мнѣ отвѣчали, что Его Величество назначилъ 27 число, и что онъ возвратится въ Москву единственно для того, чтобы быть на моемъ праздникѣ; в что я могу пріѣхать

туда, гдѣ теперь находится Его Величество, для 1728 формальнаго приглашенія. Я очень былъ доволенъ симъ знакомъ милости, по тому, что никому не давалось позволенія видѣть Его Величество, когда онъ занимался охотою съ избраннымъ обществомъ.

Въ слѣдствіе сего я отіравился въ подмосковную фаворита, Горенки, гдѣ находился Царь, и Его Величество принялъ меня съ отличнымъ благоволеніемъ. Пригласивъ его фармально на свой праздникъ и отобѣлавъ съ нимъ, я рано возвратился въ Москву для приглашенія Принцессы.

Его Величество пріѣхалъ въ городъ въ ту же самую ночь.

Наконецъ 27 числа, я далъ свой праздникъ и, по мнѣнію общему, онъ былъ лучше всѣхъ, какіе только бывали въ Россіи. Балъ длился до 5 часовъ утра, и Царь уѣхалъ съ величайшимъ удовольствіемъ съ моего праздника, который стоилъ мнѣ 6.979 рублей, или 2.000 испанскихъ пистолей.

Іюля 10, по старому стилю, день св. Петра, тезоименитства Царскаго. Я пріѣхалъ во дворецъ съ графомъ Вратиславскимъ и Царь приказалъ намъ остаться обѣдать за его столомъ.

Столъ кончился почти въ 5 съ половиною часовъ, и какъ намъ сказали, что въ это же самое

*

1728 время начнется балъ, то мы и остались тамъ въ бесѣдѣ съ барономъ Остерманомъ и княземъ Василіемъ Долгоруковымъ. Вскорѣ пришелъ графъ Ягужинскій сказать, что меня зоветъ къ себѣ фаворитъ и провелъ меня до его комнатъ, гдѣ и нашелъ фелдмаршала Долгорукаго, съ которымъ и познакомился. Мы попили порядочно.

Сегодншній балъ продолжался до двухъ часовъ утра и Царь обращался со мною благосклоннѣе обыкновеннаго такъ, что весь Дворъ замѣтилъ это.

Въ тотъ же день простили барона Шафирова и позволили ему прѣхать ко Двору поцѣловать руку у Царя. Онъ былъ любимцемъ Петра I и вице-Канцлеромъ; но нѣсколько уже лѣтъ находился въ опалѣ, бывъ лишенъ всѣхъ чиновъ и ордена св. Андря. Остерманъ, который очень его боялся, по причинѣ большихъ его способностей, всегда сопротивлялся его прощенію; но Долгоруковы, которыми онъ былъ съ родни, успѣли помочь ему съ тѣмъ однако же, чтобы онъ оставался безъ должности и имѣлъ бы только счастье видѣть своего Государя. Впрочемъ, все дѣло состояло единственно въ томъ, что бы навести страхъ на Остермана.

Юль 22 Царь возвратился въ Москву по случаю дня рожденія своей сестры, Великой Княжны, и для того, чтобы принять отъ графа Вра-

тиславскаго двѣ богатыя кареты, присланныя въ 1728 даръ Царю отъ Императора.

Юля 23, по окончаніи приема каретъ, мы были у руки Великой Княжны и тотъ же часъ сѣли за ужинъ съ Его Величествомъ и Принцессами, послѣ чего танцовали до перваго часа по полуночи.

Въ сей же день, Царь возвратилъ фельдмаршалу Долгорукову чинъ подполковника гвардіи, котораго, какъ и всѣхъ прочихъ, онъ былъ лишень Петромъ I, за то, что онъ присталъ къ его сыну, отцу нынѣшняго Государя, умершему въ 1718 году.

Въ тотъ же день, Его Величество пожаловалъ орденъ Св. Александра Цескаго гофъ-маршалу Шепелеву и Статскому Совѣтнику Наумову.

Юля 31 пріѣзжалъ ко мнѣ фаворитъ Долгоруковъ. На изъясненіе мое о необходимости и послѣдствіяхъ возвращенія въ Петербургъ, онъ увѣрялъ меня, что и онъ самъ желаетъ уговорить къ тому Царя; но какъ его родители и другіе всѣ стараются удержать Царя въ Москвѣ; то ему не хочется, что бы кто либо зналъ о его намѣреніи и даже съ Остерманомъ онъ не будетъ говорить о томъ. Наконецъ, онъ обѣщаль мнѣ склонить на то Царя, какъ скоро выпадетъ столько снѣга, что бы можно было ѣхать на полозьяхъ; но просилъ содержать это въ тайнѣ, что я ему и обѣщаль. Такимъ образомъ мы разстались.

1728 Въ началѣ августа, фаворитъ Долгоруковъ, и баронъ Остерманъ, бывшіе явными между собою врагами, помирились. Не мало содѣйствовало этому и я, хлопотавъ о семъ слишкомъ четыре мѣсяца. Со стороны Остермана я не нашелъ ни малѣйшаго сопротивленія; но очень трудно было уломать фаворита. Онъ имѣлъ врожденное отвращеніе къ Остерману, которое поддерживали родственники и соотчичи, не желавшіе между ними согласія, по тому, что Остерманъ былъ неспособенъ давать ему, подобно имъ, дурные совѣты, и по этому вслѣдствіи старались побуждать его къ низверженію Остермана. Но наконецъ фаворитъ понялъ, что для него нужно жить въ ладахъ съ симъ просвѣщеннымъ министромъ и по тому онъ присталъ къ нему и не дѣлалъ ничего не посовѣтовавшись прежде съ нимъ.

Въ этоже время возвращено имѣніе всѣмъ тѣмъ, у которыхъ оно было конфисковано Петромъ I, за участіе ихъ въ дѣлѣ Царевича, родителя нынѣшняго Государя. Ету милость исходатайствовалъ фельдмаршалъ Долгоруковъ, который и самъ въ то время попалъ въ опалу; но Екатерина I, возвратила ему и честь и чины. Теперь онъ въ великой милости у Царя, который ему ни въ чемъ не отказываетъ.

Августа 29, я имѣлъ честь крестить съ Великою Княжною дочь одного придворнаго контро-

лера, а какъ здѣсь въ обычаѣ дарить куму; то я 1728 поднесъ Ея Высочеству табакерку, осыпанную брилліантами, цѣною въ 500 Испанскихъ пистолей или въ 1750 рублей.

Сентября 6, день Св. Наталіи, именины Великой Княжны. По сему случаю былъ при Дворѣ праздникъ, состоявшій, какъ и прежде, изъ ужина, бала и фейверка.

Сего же дѣл получилъ орденъ Св. Александра Невскаго генераль-лейтенантъ Балкъ.

На семь праздникъ всѣ замѣтили величайшую переменѣу въ обращеніи Царя съ Принцессою Елисаветою: прежде онъ безпрестанно говорилъ съ нею, а теперь не сказалъ ей ни одного слова и даже ушелъ не простившись. Настоящей причины сей переменѣны я не знаю, а разнымъ слухамъ, разсѣваемымъ ея врагами, вѣрить не лѣзя.

Сентября 9, я долго бесѣдовалъ съ княземъ фаворитомъ. Въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ я ему противъ всего того, что Англичане могли бы затѣять во вредъ нашего союза, и склонялъ его къ тому, что онъ обѣщаль мнѣ убѣдить Государя твердо держаться своихъ условій, не внимая ни какому противнымъ предложеніямъ. После сего я долго уговаривалъ его о продолженіи дружбы съ барономъ Остерманомъ, доказывалъ, что ежели они будутъ жить согласно между собою; то тѣмъ лучше могутъ служить Госу-

1728 дарю, и тѣмъ сильнѣе могутъ противиться своимъ врагамъ. Онъ мнѣ обѣщалъ его.

Немедленно послѣ сего, я сталъ говорить ему о нашемъ возвращеніи въ Петербургъ, а онъ сказалъ, что уже два раза заговаривалъ о томъ Государю, и надѣется, что около зимы мы отправимся туда; но между тѣмъ однако же, онъ въ етомъ не увѣренъ, потому что, пока еще можно будетъ охотиться, то настоятельно говорить нельзя, а какъ скоро придетъ время, онъ вслѣдствіи будетъ стараться объ отъѣздѣ при первомъ вынѣшемъ снѣгѣ.

По окончаніи сей политической бесѣды, онъ далъ мнѣ знаки ордена Св. Александра, чтобы я могъ надѣть ихъ завтра на праздникъ сего Святого, не надѣвая уже ордена Св. Андрея, какъ то дѣлаетъ самъ Царь и всѣ кавалеры Андреевскіе, кои вмѣстѣ съ тѣмъ и Александровскіе, точно такъ, какъ во Франціи, всѣ кавалеры ордена Св. Духа суть кавалеры и ордена Св. Михаила.

Сентября 10, всѣ кавалеры Александровскіе были приглашены во дворецъ, и по окончаніи обѣдни, мы обѣдали съ Его Величествомъ, запывъ мѣста по старшинству.

Сентября 16, имѣлины Принцесы Елисаветы. Ея Высочество пригласила насъ въ свой дворецъ въ 4 часа по полудни, на ужинъ и на танцы. Царь пріѣхалъ не прежде, какъ къ самому ужину.

ну, и едва только онъ кончился, то уѣхалъ не дожидаясь бала, который я открылъ съ Великою Княжною. Никогда еще не показывалъ онъ такъ явно своего неблагорасположенія къ Принцессѣ, что очень ей было досадно; но она, какъ будто не замѣтивъ сего, показывала веселый видъ во всю ночь.—На этомъ балѣ потерялъ я перстень въ 2000 ефимковъ; но его нашли на другій день подметалъ комнаты.

Черезъ два дня послѣ сего, Царь отправился опять на охоту за городъ и пробылъ тамъ пять недѣль. Министры послѣдовали его примѣру и такимъ образомъ въ Москвѣ остались только Великая Княжна и иностранные министры.

Октябрѣ 14 Царь возвратился въ Москву.

Октябри 17, Его Величество получилъ отъ Короля Польскаго орденъ бѣлаго орла, который возложилъ на него графъ Вратиславскій.

Въ это же время я узналъ, что графъ Вратиславскій старается женить Царя и выдать за мужъ Великою Княжну. Императору и Герцогу Бланкенбургскому хотѣлось сдѣлать мѣну съ Россією, жени Царя на дочери Герцога Брауншвейгъ-Бевернскаго, а старшаго сына сего Герцога на Великой Княжнѣ. Но едва только графъ заговорилъ о томъ, то получилъ отказъ, по тому 1) что герцогиня Бевернская была сестрою матери Царской и слѣдовательно дѣти ея были

1728 двоюродными Его Величеству, по етому бракъ сей не могъ состояться, какъ совершенно противный Русской церкви, запрещающей бракосочетаніе между близкими родственниками; 2) по тому что не хотѣли Русскую Великую Княжну выдать за принца младшаго; 3) по тому что Царь не имѣлъ еще ни малѣйшаго желанія вступать въ бракъ, а болѣзнь Великой Княжны не дозволяла вступать въ переговоры о ея бракосочетаніи, до тѣхъ поръ, пока она не выздоровѣетъ отъ своей тяжелой болѣзни:

Вмѣстѣ съ симъ графъ Вратиславскій, въ слѣдствіе повелѣнія, полученнаго имъ отъ своего Двора, предлагалъ также о бракосочетаніи Принцессы Елисаветы съ маркграфомъ Бранденбургъ-Байрейтскимъ. Онъ говорилъ о томъ съ Остерманомъ, который одобрилъ сто, и общалъ узнать отъ фаворита, можно ли будетъ надѣяться успѣха.

Октября 13, день рожденія Государя, праздновали съ величайшею пышностію.

Октябрь 25 я представилъ Царю двѣ борзые собаки, кои нарочно выписалъ изъ Англіи, и Его Величество такъ былъ доволенъ, какъ будто я подарилъ ему величайшую драгоценность. Въ тотъ же вечеръ онъ поѣхалъ опять за городъ, сказавъ, что воротится не прежде, какъ выпадетъ первый снѣгъ.

Въ тотъ же день прѣхалъ въ Москву Джемсъ-1728 Кейтъ, который, какъ сказано выше, по желанію Короля, моего Государя, былъ принятъ въ Русскую службу съ чиномъ генералъ-майора. Давно уже мы были искренними друзьями, и какъ онъ прѣхалъ прямо изъ Мадрида; то рассказалъ мнѣ много такого, чего я не зналъ.

Въ ноябрѣ болѣзнь Великой Княжны дошла до того, что и сами врачи признались въ невозможности ея изцѣленія. Въ слѣдствіе сего отправили къ Царю курьера, и онъ прѣхалъ въ Москву 18 числа.

Ноября 19 врачи предписали Великой Княжнѣ пить женское молоко, какъ единственное средство, которое можетъ спасти ее, и которое предлагалъ я слишкомъ за четыре мѣсяца до сего.

Ноября 21 умеръ великій адмиралъ Апраксинъ, и чинъ етотъ былъ упраздненъ. Это былъ очень хорошій человекъ, совсемъ не врагъ иностранцамъ, чрезвычайно храбръ и имѣлъ большое состояніе, изъ котораго небольшую только часть отказалъ своей роднѣ, а все остальное велѣлъ роздать своимъ друзьямъ и служителямъ, но большую часть завѣщалъ Царю.

Новое лѣкарство, предписанное Великой Княжнѣ подѣйствовало хорошо и ей сдѣлалось было лучше; но 28 числа она дошла до того, что впала въ безпамятство и въ некоторое время считали ее

1728 уже умершею, по тому что она вся охолодѣла и врачи отчались совсемъ въ ея жизни.

Нолбря 30 долго бесѣдовалъ я съ фаворитомъ и сильно настаивалъ на возвращеніе наше въ Петербургъ, представляя ему, какъ это полезно не только для Царской службы, но и для него собственно, по тому что удалить Его Величество отъ старыхъ Русскихъ, которые ежедневно старались отворотить отъ него Царя. Я прибавилъ къ этому, что кончина Великой Княжны, которая намъ угрожаетъ, была бы самымъ благовиднымъ предлогомъ уѣхать изъ Москвы, гдѣ Его Величество лишится той, которую онъ любилъ такъ нѣжно. Мнѣ удалось убѣдить его и онъ увѣрилъ меня, что употребить все возможное склонить на то Царя; но просилъ не говорить о томъ никому.

Декабря 1, былъ я у Остермана и нашелъ его въ слезахъ о состояніи здоровья Великой Княжны. Онъ сказалъ мнѣ, что трепещетъ за Царя и не ручается за его жизнь, если онъ не выѣдетъ изъ Москвы, климатъ которой, по его мнѣнію, нездоровъ для него, а особливо смотря на участь его сестры. Въ отвѣтъ на это я пересказалъ ему все то, что фаворитъ говорилъ мнѣ на канунѣ, и Остерманъ, поблагодаривъ меня за то, просилъ убѣдительно напомнить ему объ этомъ при первой встрѣчѣ.

Великая Княжна провела ночь со 2 на 3 чи. 1728
сло довольно хорошо, ибо спала около 6 часовъ; но утромъ 4, напала на нее жестокая лихорадка, которая уменьшилась къ вечеру и въ 10 часу она, помолившись, хотѣла лечь спать; но едва только легла въ постелью, какъ на нее напали такія жестокия судороги, что она скончалась не болѣе, какъ въ двѣ минуты.

Такъ кончила жизнь Великая Княжна Наталія Алексѣевна, сестра Петра II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Она украшалась всѣми возможными хорошими качествами; не была красавицею: но что значитъ красота, когда сердце совершенно! Она была покровительницею иностранцевъ, и говорила очень хорошо на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; была идоломъ всѣхъ честныхъ людей, перломъ Россіи; словомъ, такъ совершенна, что Богъ не дозволилъ ей жить долго на семъ свѣтѣ.

Царь, узнавъ о кончинѣ своей сестры, впалъ въ величайшую печаль, не могъ заснуть во всю ночь, и утромъ, въ 4 часа, переѣхалъ изъ Слободскаго Дворца, гдѣ умерла Великая Княжна, въ Кремлевскій.

Въ этотъ день я не могъ видѣться съ Остерманомъ, хотя заѣзжалъ къ нему два раза; но 5 числа засталъ его дома въ такомъ горестномъ состояніи, что онъ едва могъ говорить. Я утѣ-

1728 шаль его, какъ могъ, совѣтуя, что бы онъ поберегъ себя для спасенія жизни Государя, заставивъ его оставить Москву. Онъ отвѣчалъ, что въ этомъ состоитъ все его желаніе, и что онъ будетъ неутѣшимъ, если Царь не согласится на это.

Я искалъ случая увидѣться съ фаворитомъ; но не могъ найти его до 8 числа.

Между тѣмъ Остерманъ запискою просилъ меня побывать у него, чтобы поговорить объ одномъ важномъ дѣлѣ. Я пріѣхалъ къ нему 6 числа по утру и нашелъ его въ отчаяніи отъ неосторожности и болтовни графа Вратиславскаго. Въ самый день кончины Великой Княжны, князь Сергій Долгоруковъ обѣдалъ у графа Вратиславскаго, который напившись порядочно, сказалъ, что ему весьма хочется, чтобы Царь не рѣхалъ въ Петербургъ, примолвивъ, что онъ считаетъ себя очень несчастнымъ, что не можетъ обратитъ на себя благоволенія не только Царя, ни даже его фаворита, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Москву; что другіе (а это были я), пріѣхавшіе прежде его, были счастливѣе его; но что никто болѣе его не желаетъ Царю славы и счастія. Остерманъ сказалъ мнѣ, что фаворитъ узналъ уже это и говорилъ ему съ сердцемъ, по тому что онъ не правидитъ Вратиславскаго, и по тому что хотя князь Сергій и дядя ему; но онъ былъ явнымъ его врагомъ.

Декабря 8 долго я бесѣдовалъ съ фаворитомъ 1728 и засвидѣтельствовавъ сожалѣніе о кончинѣ Великой Княжны, далъ ему почувствовать необходимость возвращенія въ Петербургъ, примолвивъ, что это весьма нужно: для Государя, по причинѣ его здоровья; для государства, чтобы у Его Величества подъ глазами были завоеванія, сдѣланные его дѣдомъ, и флотъ, который изтребится, если Дворъ еще долго останется въ Москвѣ, и наконецъ для самихъ Долгоруковыхъ, по тому что, если съ Царемъ случится какое несчастье, то они пропадутъ совсемъ; ибо общая ненависть къ нимъ такъ велика, что народъ передушитъ ихъ всѣхъ; но въ Петербургѣ, какое бы ни случилось несчастье, онъ и весь родъ его не подвергнется ни какой опасности. Онъ былъ согласенъ со мною во всемъ, и обѣщаль тоже самое, что и прежде, т. е. убѣждать Царя возвратиться въ Петербургъ.

Переговоривъ о семъ дѣлѣ, князь сталъ сильно жаловаться мнѣ на графа Вратиславскаго и пересказаль то, что я слышалъ уже отъ Остермана; но къ етому прибавиль, что графъ жаловался на него князьмъ Сергію и Василію Долгоруковымъ, кои ему отъявленные враги.

Декабря 11, по старому стилю; день св. Андрея. Всѣ мы, кавалеры сего ордена, были во Дворцѣ для поздравленія Царя; но, по случаю кончины Великой Княжны, праздника не было.

1728 Декабря 29 возвратился изъ китайскаго посольства графъ Савва Рагузинскій, и привезъ съ собою множество любопытныхъ вещей. Онъ былъ принятъ весьма милостиво за то, что искусно велъ свое дѣло, успѣвъ возстановить торговлю и доброе согласіе между Россіею и Китаемъ, кои нѣсколько лѣтъ находились въ такомъ разстройствѣ, что не знали, какъ и пособить етому. Но графъ Савва преодолевъ врожденную недовѣрчивость и хитрость Китайцевъ, успѣлъ заключить съ ними весьма выгодный для Россіи трактатъ.

1729 Продолжая свою реляцію въ видѣ журнала, скажу, что въ первый день января 1729, я положительно узналъ, что ни какими средствами не могли ни въ чемъ обвинить графа Александра Нарышкина, и что причиною его опалы была ненависть къ нему князя Алексѣя Долгорукаго, отца фаворита (7).

Января 7 былъ я у тѣла Великой Княжны, которое было выставлено во Дворцѣ съ величайшимъ великолѣпіемъ. Какъ въ Россіи ведется обыкновеніе цѣловать руку умершихъ Государей, то я не хотѣлъ устранить себя отъ сего обычая, и поцѣловалъ руку у покойницы съ величайшимъ умиленіемъ.

Января 12, день новаго года по старому стилю, былъ я съ поздравленіемъ у Царя, а по томъ

объѣдалъ у фаворита, и имѣлъ время порядо-1729
чно поговорить съ нимъ. Онъ сказалъ мнѣ,
что считая меня своимъ другомъ, убѣдительно
просить не дружитья съ Бутурлинымъ, камер-
геромъ Принцессы Елисаветы, по тому что онъ
ни на что не годится; что прежде онъ былъ съ
нимъ друженъ: но узнавъ, что это не хорошо,
онъ оставилъ его; что оберъ-шталмейстеръ Ягу-
жинскій живетъ дружно съ Бутурлинымъ, кото-
рый водить его за носъ; но что онъ, фаворитъ,
очень сожалѣеть о Ягужинскомъ, по тому что его
любить, и сдѣлаетъ все, что только можетъ, что
бы прервать ету связь, а какъ я друженъ съ Ягу-
жинскимъ, то онъ просить меня помогать ему въ
егомъ. Я далъ ему слово; и дѣйствительно, чрезъ
нѣсколько дней, говорилъ Ягужинскому такъ
настоятельно, что онъ общался раздружиться
съ Бутурлинымъ, что и сдѣлалъ. Фаворитъ былъ
много мнѣ обязанъ за это доброе дѣло.

Января 15 Остерманъ сказалъ мнѣ, что фаво-
ритъ увѣдомилъ его о всемъ томъ, что онъ гово-
рилъ со мною съ глазу на глазъ, и что они усло-
вились погубить Бутурлина, по тому что очень
опасно было оставлять его на такомъ мѣстѣ, на
которомъ онъ могъ давать дурныя совѣты Госу-
дарю; но прежде исполненія сего, они хотѣли
перервать дружбу между имъ и Ягужинскимъ,
что бы не подвергнуть опалѣ и послѣдняго.

1729 Я заѣзжалъ къ фавориту 17, 20 и 23 числа, и нашелъ, что онъ очень охладѣлъ въ нашемъ дѣлѣ, какъ о томъ уже предувѣдомилъ меня Остерманъ. Мнѣ хотѣлось вселить въ него по болѣе жара и по тому говорилъ ему сильно, доказывалъ необходимость возвращенія въ Петербургъ. Онъ обѣщаль мнѣ то же, что и прежде. Правда и то, что отецъ его, узнавъ кос-что изъ нашихъ совѣщаній, старается не отходить отъ Царя ни на минуту, и что бы еще болѣе отвратить его отъ возвращенія въ Петербургъ, то уговорилъ его ѣхать на охоту на нѣсколько недѣль, за 50 верстъ отъ Москвы, въ той увѣренности, что по возвращеніи въ Москву начнется уже оттепель и дорога испортится такъ, что поѣздки должно будетъ отложить до будущей зимы; ибо онъ очень хорошо зналъ, что Царь не выѣдетъ изъ Москвы лѣтомъ, по причинѣ множества дичи въ окрестностяхъ сего города, чего нѣтъ въ Петербургѣ.

Въ это время отецъ фаворитовъ приучилъ Царя ѣздить каждый день по утру, какъ скоро онъ одѣнется, въ одну подмосковную Его Величества, село Измайлово, въ одной милѣ отъ города, для того во первыхъ, чтобы удалить его отъ всѣхъ тѣхъ, кои могли говорить ему о возвращеніи въ Петербургъ; во вторыхъ для того, что бы онъ не занимался государственными дѣлами, и чтобы

поселить въ него, елико возможно, мысль о введеніи старыхъ обычаевъ, и наконецъ для того, что бы заставить его жениться на одной изъ своихъ дочерей.

Января 28 узналъ я наконецъ отъ фаворита, что о возвращеніи въ Петербургъ и думать болѣе не льзя, по тому, что етому сильно противлялся и, болѣе нежели когда, стараются отиратить отъ сего Государя. Я воспламенялъ его вслѣсски; но по напрасну: ибо увидѣлъ, что отецъ и родня такъ его застращали, что онъ не смѣлъ болѣе и говорить о томъ.

Января 31 совершились похороны Великой Княжны съ величайшимъ торжествомъ и великолѣпїемъ. Государь присутствовалъ во все время сего обряда. По окончаніи божественной службы открыли гробъ, и Его Величество далъ последнее цѣлованіе усопшей, съ величайшего пѣжностію.

Феврала 4 я долго пробылъ у Остермана и сильно говорилъ ему о возвращеніи въ Петербургъ, сказавъ, что я получилъ отъ Короля, моего Государя, повелѣніе слѣдовать всюду за Его Величествомъ, и что если мы проведемъ весь годъ не видѣвъ его и не имѣя ни кого, съ кѣмъ вести переговоры о дѣлахъ, то бесполезно будетъ для Короля держать меня въ Россіи, и это даже неприлично для королевскаго достоин-

*

1729 ства. Онъ соглашался со мною и просилъ меня поговорить о томъ съ фаворитомъ и сдѣлать послѣднее усиліе.

Февраля 5 я отправился къ графу Вратиславскому и говорилъ ему то же, что Остерману, и довелъ его до того, что онъ согласился ѣхать со мною къ государственному канцлеру и къ прочимъ министрамъ.

Февраля 7, графъ Вратиславскій и я были у государственнаго канцлера, у Остермана и у всѣхъ прочихъ членовъ верховнаго совѣта. Мой товарищъ согласился, чтобы я говорилъ за насъ обоихъ, и, въ слѣдствіе сего, я изобразилъ, сколько можно сильнѣе, неудобства, происходящіе отъ отсутствія Царя на три и на четыре мѣсяца, за 40 или 50 миль отъ Москвы, въ такое время, когда мы не знаемъ, чѣмъ кончится конгрессъ, и что, въ случаѣ войны, присутствіе Его Величества въ Москвѣ необходимо для распоряженія относительно выполненія условій, заключенныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Послѣ сего изобразилъ я имъ, какъ противно достоинству нашихъ Государей, что мы такъ долго живемъ въ Москвѣ, не зная съ кѣмъ говорить о дѣлахъ, и что наконецъ мы принуждены будемъ донести нашимъ Государямъ о бесполезности нашего пребыванія здѣсь въ такихъ обстоятельствахъ. Всѣ министры выслушали насъ внимательно и объ-

щали стараться отвратить Государя отъ предна- 1729
мѣреваемой поѣздки.

Февраля 8 отправился я одинъ къ фавориту и въ сильныхъ выраженіяхъ сказалъ ему то, что я говорилъ министрамъ совѣта, приключивъ, что всѣ жалуется на образъ жизни Царской, и всю вину слагаютъ на отца его, князя Алексѣя; что вся ненависть къ отцу можетъ пасть и на него самаго, и слѣдственно, для собственной его пользы, надобно сдѣлать такъ, что бы Царь чаще показывался народу, не уѣзжая изъ Москвы на такое долгое время, и ознакомился бы побольше съ тѣми, кои пріѣзжаютъ ко Двору. Онъ съ благодарностію принималъ откровенность, съ которою я говорилъ ему, и обѣщалъ всячески стараться остановить предположенную поѣздку.

Черезъ четыре дня послѣ сего, я опять былъ у него 12 числа. Онъ сказалъ мнѣ, что все то, что я говорилъ ему въ послѣднее свиданіе, такъ на него подействовало, что онъ сильно говорилъ Государю и ему удалось сдѣлать то, что впередъ Его Величество будетъ ѣздить на охоту, не болѣе, какъ за 8 или 10 мѣ отъ Москвы. Это принесло мнѣ не малое удовольствіе по тому, что сдѣлалъ это я одинъ, придумавъ ѣхать съ Вратиславскимъ ко всѣмъ министрамъ говорить о семъ дѣлѣ.

Послѣ сего я очень часто видѣлся съ минист-

1729 рами и съ фаворитомъ; но въ теченіе двухъ недѣль не случилось ничего замѣчательнаго. Въ это время нашель я нужнымъ донести Королю о настоящемъ положеніи Русскаго Двора и отпра-вилъ къ нему очень подробную депешу, изъ которой представляю здѣсь выписку, что бы знали въ какомъ положеніи находились тогда дѣла.

«Всѣ были очень недовольны чрезмѣрною властію дома Долгоруковыхъ, кои управляли всемъ безъ исключенія. Фаворитъ, увѣренный въ Царской къ нему любви, не всегда бывалъ при Государѣ, и большую часть времени проводилъ въ своихъ забавахъ. Я, любя его, часто говорилъ ему о томъ; но все по напрасну. Не было недостатка въ людяхъ, кои желая погубить фаворита, говорили Царю о дурной его жизни; и даже самъ отецъ его, изъ зависти къ нему, искалъ случая уменьшить власть его. Это покажется страннымъ; но дѣйствительно было такъ.

«Князь Голицынъ, бывший посломъ въ Испаніи, а теперь камергеръ, сначала понравился было Его Величеству. Онъ происходилъ изъ такого дома, который всегда враждовалъ съ Долгоруковыми, и былъ уменъ, а отецъ его былъ одаренъ отличными способностями и человѣкъ очень рѣшительный. Всѣ ожидали, удостоится ли князь Голицынъ благоволенія къ себѣ Государя; ибо въ этомъ случаѣ, домъ Долгоруковыхъ придетъ

въ опалу, слѣдствіемъ чего будетъ большая не- 1729
ремьна въ правленіи, и всѣ иноземцы, должны
будутъ считать себя погибшими, потому что
Голицыны, всѣ вообще, ненавидятъ ихъ.

«Съ другой стороны всѣ въ Москвѣ роптали
на образъ жизни Царя, приписывая ето тѣмъ,
кои окружали Его Величество. Любившіе отече-
ство, приходили въ отчаяніе, видя, что Госу-
дарь каждый день, по утру, едва одѣвшись, са-
дится въ сани и отправляется въ подмосковную
съ княземъ Алексѣемъ Долгоруковымъ, отцемъ
фаворита, и съ дежурнымъ камергеромъ, и
остается тамъ цѣлый день, забавляясь, какъ ре-
бенокъ, и не занимаясь ни чѣмъ, что нужно знать
великому Государю. Мнѣ очень хорошо было
извѣстно, что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей кня-
зя Алексѣя состояла въ томъ, что бы удалить
Царя отъ Принцессы Елисаветы; но, какъ ето
не всѣ знали, то всю вину слагали на него. У него
была еще другая причина увозить Царя каждый
день за городъ, и именно: любовь его ко второму
своему сыну Николаю, котораго онъ хотѣлъ вве-
сти въ милость и тѣмъ удалить старшаго. Фа-
воритъ зналъ все, что противъ него замышля-
ютъ; но не смотря на ето, не было средства за-
ставить его бывать чаще съ Царемъ. Весьма ча-
сто говорилъ я ему объ этомъ; но онъ всегда
отвѣчалъ мнѣ, что не ѣздитъ съ Государемъ за

1729 городъ по тому, что не хочетъ быть сообщникомъ сопровождающихъ его. Но образъ жизни его ясно показывалъ, что онъ, во время Царскихъ отъѣздовъ, хотѣлъ веселиться.

«Съ другой стороны, верховный совѣтъ не собирался. Государственный канцлеръ лежалъ въ подагрѣ; Остерманъ былъ въ отчаяніи и отъ того занемогъ; князь Голицынъ притворился больнымъ и не хотѣлъ даже слышать о дѣлахъ; князь Алексѣй Долгоруковъ былъ безпрестанно съ Царемъ, а князь Василій Долгоруковъ занимался только интригами, стараясь, что бы Дворъ не возвращался въ Петербургъ. Но онъ могъ бы пособить горю, еслибы захотѣлъ, по тому что князь Алексѣй, который одинъ только могъ дѣйствовать на Государя, слѣдовалъ слѣпо его совѣтамъ; но онъ находилъ удовольствіе видѣть дѣла въ дурномъ положеніи, думалъ, посредствомъ сего, ввести старинные обычаи.

«При этомъ однакоже не было недостатка въ людяхъ, кои извѣщали Царя о ропотѣ народномъ и о дурномъ поведеніи Долгоруковыхъ и пр., и это заставляло надѣяться, что Его Величество, одаренный провицательнымъ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ, можетъ принять мѣры, кои произведутъ большую перемѣну въ дѣлахъ.

«Въ такомъ безпорядкѣ могло бы случиться что нибудь такое, что было бы противно до-

стопиству Короля, моего Государя, и по тому я 1729 счелъ обязанностію донести о томъ Его Величеству, присовокупивъ, что я дѣлаюсь совершенно ненужнымъ въ Россіи, гдѣ достаточно будетъ одного резидента или секретаря, на котораго можно возложить небольшое число дѣлъ, оставшихся для переговоровъ.»

Въ исходѣ февраля сослали графа Александра Нарышкина на житье въ его деревню, въ 50 сажень отъ Москвы; но, какъ не могли уличить его ни въ чемъ противъ Государя или государства; то очевидно сдѣлалось, что причиною опалы его былъ страхъ, который боялись и ненависть къ нему его соперниковъ и враговъ (8).

Марта 8, день возшествія на престолъ Царя, былъ съѣздъ ко Двору для цѣлованія руки. При семъ случаѣ Его Величество пожаловалъ орденъ Св. Александра Невскаго графу Краму, посланнику Бланкенбургскому (за котораго я просилъ); барону Остерману, посланнику Мекленбургскому и брату Вице-Канцлера; генераль-лейтенанту Лефорту, камергеру Строгонову и генераламъ Измайлову и Леонтьеву. Вечеромъ, всѣ мы иностранные министры ужинали съ Государемъ и, послѣ прекраснаго фейерверка, начался балъ, который продолжался до 7 часовъ утра. Принцесса Елисавета не была на этомъ праздникѣ, ска-

1729 завшиись больною; но выздоровѣла на другій же день, о чемъ много было толковъ.

Марта 12 Царь отпразднелся на охоту за 12 лье отъ Москвы, и пробыль за городомъ до Святой недѣли. Хотя его отсутствіе не продолжалось такъ долго, какъ было положено прежде; но не смотря на то ропотъ не прекращался. Всю вину возлагали на князя Алексѣя Долгорукова, который подъ предлогомъ Царской забавы, каждый день выдумывалъ новыя, чтобы удалить Его Величество отъ всѣхъ, и сто по четыремъ причинамъ: 1) что бы имѣть совершенно его въ своей власти; 2) что бы вселить въ него старинныя Русскіе правила и нѣкоторую ненависть къ законамъ и благимъ учрежденіямъ Петра I; 3) что бы заставить его, мало по мало, жениться на одной изъ своихъ дочерей и 4) чтобы сими поѣздками уменьшить довѣренность къ Остерману, по тому что Долгоруковъ боялся, и не по напрасну, что бы сей благоразумный министръ, заботившійся только о томъ, что бы воспитать своего Государя въ правилахъ его дѣда, не заставилъ его, не токмо жить въ Петербургѣ, но и вступить въ бракъ съ какою нибудь иностранною Принцессою. Фаворигъ былъ совершенно другаго мнѣнія съ отцемъ; но никакъ не смѣлъ идти противъ него и, сколько волею, столько же и неволею, рѣшился не совѣтовать Его Велич-

ству ни въ пользу, ни противъ видовъ своего 1729
отца.

Въ самый день Царскаго отъезда, я поѣхалъ къ фавориту и долго просидѣлъ у него. Онъ, любя меня, говорилъ со мною откровенно, и я воспользовался симъ случаемъ говорить ему такъ, какъ будто бы я самъ былъ Русскій. Я изъяснилъ ему ропотъ народный на его отца и всѣхъ Долгоруковыхъ, и слѣдствіа, кои могутъ произойти отъ дурнаго воспитанія Государя, и погибель всѣхъ ихъ; намекнулъ ему о обязанности его самаго и отца его, совѣтовать Царю заняться дѣлами государственными и держать Россію въ томъ цвѣтущемъ и грозномъ положеніи, въ которое поставилъ ее Великій дѣдъ его; что бы онъ, хотя нѣсколько разъ присутствовалъ въ совѣтѣ и заставлялъ докладывать себѣ о государственныхъ дѣлахъ. Я привелъ ему въ примѣръ Короля французскаго Людовика XV, который бывъ еще ребенкомъ, присутствовалъ въ своемъ совѣтѣ, дабы научиться искусству царствовать, также примѣръ нашей покойной Королевы Савойской, которая сдѣлавшись правительницею Испаніи въ 14 лѣтъ, имѣла терпѣніе присутствовать въ каждомъ собраніи совѣта. Словомъ, я высказалъ ему все то, что внушали мнѣ, дружба къ нему, почтеніе къ Государю его, и небольшая моя опытность. Но хотя онъ и соглашался

1729 со мною во всемъ и благодарилъ меня, однако же мнѣ показалось, что не слишкомъ много хотѣлъ послѣдовать моимъ совѣтамъ, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера, о которомъ я уже говорилъ.

Въ слѣдствіе сего, я отправилъ къ Королю, съ первымъ курьеромъ, донесеніе, въ которомъ повторилъ все то, о чемъ писалъ уже нѣсколько разъ, т. е., что Русское государство скоро придетъ опять въ прежнее свое состояніе, чему пособить никто не хочетъ, и что Царя не только не будутъ уважать его сосѣди, но что онъ сдѣлается со всемъ бесполезнымъ для своихъ друзей и союзниковъ; что иностранные министры играютъ очень жалкую ролю при Дворѣ, по тому что видятъ Государя только въ праздничные дни, и то мимоходомъ, не обращая на себя ни какого вниманія; что Остерманъ страдаетъ, и страданія его умножаются еще болѣе отъ того; что каждый день отнимаютъ у него способы помочь злу; словомъ, что одинъ только Богъ можетъ устроить сей безпорядокъ, внушивъ Царю, когда онъ возмужаетъ, желаніе послѣдовать славному примѣру своего дѣда.

Черезъ нѣсколько послѣ сего дней, пріѣхалъ изъ Сибири курьеръ съ извѣстіемъ, что караванъ, отправленный въ Китай, въ 1726 году, возвратился на границы. Это извѣстіе принесло величай-

шее удовольствіе министерству, которое увидѣло слѣдствіа негодіацій графа Саввы Рагузинскаго.

Марта 17, жена и обѣ дочери князя Долгорукаго, отца фаворитова, пріѣзжали къ Царю во время его охоты, что заставило многихъ придумать, по тому что всѣ знали, что Долгорукову хотѣлось женить Царя на одной изъ своихъ дочерей. Думали, что въ это же самое время будетъ и сговоръ, однако же ошиблись. Я много говорилъ о семъ дѣлѣ съ Остерманомъ, который признался, что также боится этой свадьбы, но никакъ не думаетъ, чтобы дѣло это было уже такъ далеко.

Апрѣль 4 Государь возвратился въ Москву, и мы узнали, что вмѣсто сговора его на дочери Долгорукаго, Его Величество имѣлъ нѣкоторое неудовольствіе на сего министра, которое однакоже осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Въ это время было въ Москвѣ чрезвычайное множество больныхъ такъ, что въ каждомъ домѣ лежало въ постель слишкомъ три четверти слугъ, и многіе стали бояться какой-то заразы. Но когда, по повелѣнію Царя, были вскрыты тѣла умершихъ скоропостижно и другихъ, то нашли что эта болѣзнь не была ни мало заразительною.

Апрѣль 18 Царь занемогъ простудною лихо-

1729 радкою съ кашлемъ; но, пролежавъ въ постель въ испаривъ, онъ выздоровѣлъ черезъ три дни.

Въ исходѣ апрѣля, князь Голицынъ, начальствовавшій въ Украинѣ, донесъ, что Татары дѣлаютъ нѣкоторое движеніе, и просилъ о присылкѣ нѣкотораго числа пѣхотныхъ войскъ, потому что въ мирное время никогда ихъ не бываетъ въ тамошнихъ мѣстахъ. По сему отправили къ нему три полка подъ начальствомъ генераль-майора Бутурлина, котораго выбрали не по тому, чтобъ считали его способнымъ, а для того, чтобы отдалить его отъ Двора.

Мая 6 Царь отправился на охоту въ подмосковную на двѣ недѣли, и возвратился.

Мая 24 поѣхалъ опять, вѣреть за 50 отъ Москвы.

Юля 10, день св. Петра, именины Царскіе, былъ во дворцѣ праздникъ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и продолжался три дни съ иллюминаціею.

Юля 16 Царь поѣхалъ на охоту.

Августа 4, Г. Дитмаръ, агентъ Шведскій, получилъ отъ Двора своего повелѣніе объявить Русскому министерству, что Его Шведское Величество соглашается признать Царю титулъ Императора и чрезъ нѣсколько дней пришлетъ о томъ свою грамоту. И дѣйствительно, черезъ восемь дней, Дитмаръ получилъ эту грамоту и поднесъ ея.

Симъ средствомъ несогласіе между обоними 1729 Дворами кончилось. Въ то же самое время Дитмаръ получилъ кредитивъ на званіе чрезвычайнаго посланника и представилъ его. Русскій Дворъ былъ очень доволенъ.

Сентября 10, день св. Александра Невскаго и кавалерскій праздникъ. Царь рано возвратился въ Москву и, по окончаніи обѣдни, всѣ кавалеры, имѣли честь обѣдать съ Его Величествомъ, который вечеромъ опять отправился на охоту.

Сентября 12, намѣреніе отправить князя Куракина въ Берлинъ, вдругъ перемѣнили, и на его мѣсто назначили князя Голицына, который былъ въ Испаніи. Причина етому была та, что Царь не скрывалъ благорасположенія своего къ послѣднему, и это встревожило Долгоруковыхъ, кои боясь, что бы онъ не сдѣлался наконецъ фаворитомъ, удалили его отъ Двора и, съ посылкою его въ Берлинъ, дали ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, дабы возвратясь, онъ не могъ уже такъ часто бывать при Государѣ, по званію камергера; ибо въ Россіи такой обычай, что кто имѣетъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, тотъ уже не можетъ занимать мѣста камергера.

Сентября 12 Царь отправился на охоту, и съ нимъ поѣхали: фаворитъ, отецъ его, мать и сестры. А какъ ету поѣзду устроилъ также князь

1729 Алексѣй Долгоруковъ; то всѣ думали, что теперь то онъ достигнетъ своего желанія, которымъ такъ долго занимается, женитъ Царя на одной изъ своихъ дочерей.

Сентября 20 Прусскій министръ возобновилъ трактатъ, заключенный его Дворомъ въ 1725 году съ Императрицею Екатериною, и хотя его очень скрывали, но я узналъ, что трактатъ главѣйше состоялъ въ гарантіи съ обѣихъ сторонъ о сохраненіи завоеваній, сдѣланныхъ у Шведовъ въ послѣднюю войну, и въ оборонительномъ союзѣ, въ случаѣ нападенія.

Важнаго ничего не случилось до 25 октября, дня рожденія Царскаго. Думали, что Его Величество пріѣдетъ въ Москву и по тому все было приготовлено для торжествованія сего дня; но онъ не пріѣхалъ, и весь праздникъ состоялъ только въ большомъ обѣдѣ во дворцѣ, къ которому были приглашены всѣ чужестранные министры и первѣйшіе придворные чины; а угощалъ баронъ Остерманъ, по званію своему оберъ-гофмейстера.

Причина, по которой Царь не возвратился въ Москву, состояла въ томъ, что князь Алексѣй Долгоруковъ такъ ревновалъ ко всѣмъ, что ему пришла въ голову мысль, что ежели Его Величество проговорить хотя полчаса съ другимъ, то онъ лишится его милости, да сверхъ того, какъ

онъ занимается только мыслию выдать одну 1729
изъ дочерей своихъ за Царя; то боялся, что бы
въ Москвѣ кто либо изъ его враговъ не помѣ-
шалъ ему въ этомъ. Я былъ увѣренъ, что брако-
сочетаніе будетъ объявлено по возвращеніи Ца-
ря въ Москву; но въ этой увѣренности былъ толь-
ко я одинъ изъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ.
Графъ Вратиславскій и другіе не хотѣли вѣрить
этому, по тому что Остерманъ сказалъ имъ, что
этому быть нельзя и, полагаясь на это, они увѣ-
домили свои Дворы, что хотя и говорятъ о
бракосочетаніи Царя съ одною изъ княжень
Долгоруковыхъ, но до этого еще далеко. Остер-
манъ и мнѣ говорилъ то же; но я былъ твердо
увѣренъ, что Долгоруковы скоро успѣютъ въ
своемъ намѣреніи, положительно донесъ Королю,
что Царь женится тотчасъ по возвращеніи сво-
емъ въ Москву.

Ноября 20 Царь возвратился въ Москву, и тутъ
уже стали погромче говорить о свадьбѣ.

Наконецъ 30 числа Царь призвалъ къ себѣ
министровъ верховнаго совѣта, фелдмаршаловъ
и другихъ первѣйшихъ особъ, и объявилъ имъ,
что вступаетъ въ бракъ съ княжною Екатери-
ною, старшею дочерью князя Долгорукаго и се-
строю фаворита. Послѣ сего всѣ подошли къ
рукѣ, а по томъ отправились въ апартаменты
княжны, для того же.

1729 Декабря 11, день Св. Андрей, всѣ кавалеры сего ордена съѣхались во дворець, а вечеромъ совершилось обрученіе съ величайшею пышностію.

Какъ скоро все было готово для сего обряда, фаворитъ отправился изъ дворца за Принцессою, которая пріѣхала съ большею свитою.

Весь дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ во дворець, а генераламъ и вельможамъ Русскимъ было приказано собираться тамъ же въ 3 часа по полудни.

Какъ скоро Принцесса пріѣхала ко дворцу, то ее встрѣтили у крыльца оберъ-церемоніймейстеръ и оберъ-гофмаршалъ, кои проводили ее въ залу, гдѣ уже все было готово для совершенія обрученія. Она сѣла у наюль въ кресла, а по лѣвую у нес сторону сѣли принцессы крови на табуретахъ, по правую же вдовствующая Царица въ креслахъ, а назади, мать ея, сестра и родня.

Креслы Царскіе были поставлены противъ кресель Принцессы, подлѣ стола, на которомъ лежало Евангеліе; по правую сторону было мѣсто для чужестранныхъ министровъ, а по лѣвую для Русскихъ вельможъ.

По срединѣ залы стоялъ наюль, а подлѣ него архіепископъ Новгородскій, первенствующій въ Россіи, со всемъ духовенствомъ, въ полномъ

облаченіи. Противъ наоя былъ устроенъ вели- 1729
колѣпный балдахинъ, поддерживаемый шестью
генераль-майорами.

Царь, получивъ донесеніе отъ оберъ-камерге-
ра о пріѣзда Принцессы, вышелъ въ залу и
посидѣвъ нѣсколько минутъ, сталъ съ нею
подъ балдахинъ, гдѣ архіепископъ обмѣнялъ ихъ
перстнями, по уставу греческой Церкви. По
окончаніи сего Царь и Принцесса сѣли опять
на свои мѣста, и тутъ всѣ присутствовавшіе
подходили къ цѣлованію ихъ рукъ, и была пу-
шечная пальба. За тѣмъ сожженъ былъ пре-
красный фейерверкъ и начался балъ, который
продолжался очень недолго, по тому что Прин-
цесса очень устала. Ужина не было; но для
желавшихъ поставлены были столы (9).

Надобно замѣтить, что хотя домъ Долгоруко-
выхъ былъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, и въ
это время сильнѣйшимъ по любви къ нему Го-
сударя; но всѣ они такъ боялись другихъ, что
въ день обрученія, караулъ во дворцѣ состоялъ
изъ цѣлаго баталіона гвардіи 1200 человекъ,
между тѣмъ, какъ въ обыкновенное время зани-
мають его только 150; даже приказано было гра-
подерской ротѣ, которой капитаномъ былъ фаво-
ритель, войти въ залу тотъчасъ за Царемъ, и по-
ставить часовыхъ ко всѣмъ дверямъ, даже велѣ-
ли зарядить ружья боевыми патронами и, если

1729 бы произошло какое смятеніе, то стрѣлать на недовольныхъ. Это распоряженіе сдѣлалъ фаворигъ, не предувѣдомя о томъ фелдмаршала Долгорукаго, своего дядю, который очень удивился увидя эту роту въ залѣ, какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ послѣ.

Въ 7 часовъ Принцесса возвратилась къ себѣ съ тою же свитою.

Декабря 17 графъ Вратиславскій отправилъ курьера въ Вѣну съ двумя дворянами своего посольства, съ графомъ Мелезимо и барономъ Биленбергомъ. Онъ не открылъ мнѣ настоящей причины отправления курьера; но я очень зналъ, что онъ долженъ былъ выслать Мелезима, а что касается до Биленберга; то, по его словамъ, онъ послалъ его съ просьбою о выдачѣ ему неполученнаго жалованья; но это была неправда, а вотъ настоящее дѣло. Графъ, желая подслужиться къ Долгоруковымъ, что бы чрезъ нихъ получить орденъ Св. Андрея, котораго онъ не могъ достать, какъ ни хлопоталъ о томъ, отправилъ Биленберга въ Вѣну для того только, что бы исходатайствовать у Императора фавориту и отцу его, титулъ князя Имперіи и герцогство Козельское въ Силезіи, которое было нѣкогда пожаловано князю Меншикову. Вратиславскій вздумалъ, что никто не отгадаетъ его; но я тотъ же часъ догадался, сказалъ ему откровенно, и опъ мнѣ признался

Но причина отправленія Мелезима была со-1729
всемь другая: съ годъ уже, какъ онъ влюбился
въ княжну Долгорукову, обрученную нынѣ съ
Государемъ; всѣ это знали, также какъ и то, что
онъ не нравился княжнѣ, и по етому графъ
Вратиславскій рѣшилъ выслать его, что бы онъ
не сдѣлалъ какого дурачества, которое надѣлало
бы много хлопотъ Его Сіятельству, изъ кото-
рыхъ онъ не вышелъ бы сухъ.

Декабря 21 получилъ я извѣстіе о заключеніи
мира въ Севиліи, между Королемъ, моимъ Го-
сударемъ, и министрами Ганноверскаго союза.
Тотчасъ отправился я съ сею новостію къ баро-
ну Остерману, который бывъ очень преданъ Ав-
стріи, сталъ обращаться со мною не съ такою
уже, какъ прежде, довѣренностію, а существо-
вавшая до сего между мною и Вратиславскимъ,
прекратилась совершенно; онъ даже старался
всѣми силами разстроить меня съ Дворомъ и фа-
воритомъ, въ чемъ и успѣлъ было на нѣсколько
дней. Надобно сказать, что въ бесѣдахъ моихъ
съ графомъ Вратиславскимъ, до обрученія Цар-
скаго, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Го-
сударь вступилъ въ бракъ съ княжною Долгору-
ковою, а я напротивъ того, всегда утверждалъ,
что это сбудется. По обрученіи, Вратиславскому
было досадно, что онъ ошибся, и онъ воспользо-
вался случаемъ поссорить меня съ фаворитомъ

1729 давъ ему подъ рукою знать, что уже полгода я ра-
спускаю по всей Москвѣ слухъ, будто князь Алек-
сѣй Долгоруковъ хочетъ насильно заставить Царя
жениться на его дочери. Фаворитъ сначала повѣ-
рилъ этому; но я, узнавъ о томъ, разувѣрилъ его
такъ, что онъ привязался ко мнѣ еще болѣе преж-
няго, и сталъ очень много презирать Вратислав-
скаго.

1730 До новаго года не произошло ничего любо-
пытнаго; но въ началѣ 1730, объявлено о брако-
сочетаніи фаворита съ дочерью покойнаго фельд-
маршала Шереметьева, которая была очень бо-
гата и очень хороша собою.

Также въ началѣ сего года пришло извѣстіе о
смерти славнаго князя Меншикова въ ссылкѣ.
Страшный урокъ для фаворитовъ; ибо Менши-
ковъ бывъ таковымъ и управляя Россіею деспо-
тически, вдругъ лишился и чести и имѣнія, и
былъ принужденъ кончить дни свои въ мона-
стырѣ на берегахъ Бѣлаго моря (10), гдѣ трудами
рукъ своихъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе.

Января 17, по старому стилю, день Крещенія,
было водосвященіе по обыкновенію, на кото-
ромъ Царь присутствовала лично.

Въ сей день Его Величество пожаловалъ своего
фаворита въ майоры гвардіи: это была послѣдняя
милость, оказанная симъ возлюбленнымъ Госуда-
ремъ.

Января 18, по утру, Его Величество почув-

ствовалъ въ себѣ лихорадку и не выходилъ изъ 1730 комнаты, а какъ болѣзнь не уменьшилась и въ слѣдующіе два дни, то стали догадываться, что она должна быть очень сильна.

Января 21 узнали, что Царь занемогъ оспою, которая высыпалась много, но тутъ же увидѣли, что она была злокачественна; однакоже на третій день, когда Его Величество пролежалъ въ сильной испаринѣ, то лихорадка прошла и по тому стали надѣяться, что онъ освободится отъ сей опасной болѣзни.

Съ 23 по 28 число оспа выступала сильно такъ, что всѣ считали, что Его Величество вышелъ изъ опасности; но вечеромъ 28 напала на него такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь, а какъ она не уменьшалась, то 29 числа его причастили Св. Таинъ.

Между тѣмъ Долгоруковы составили уже духовное завѣщаніе, по которому Царь долженъ былъ назначить своимъ преемникомъ на Престолѣ Принцессу, Его обрученную невѣсту; но когда бумагу егу поднесли Царю для подписанія; то въ немъ не было уже ни языка, ни силъ; и наконецъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе, въ долговременномъ безчувствіи, 30 числа въ 1 часъ и 25 минутъ по полуночи (41).

Такъ кончилъ жизнь свою Петръ II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ, 3 мѣсяца и 7 дней, владѣвъ:

1750 Россією 2 года, 8 мѣсяцевъ и 13 дней. Потеря его была невознаградима для Россіи, по тому что добрые качества сего Государя давали надежду на счастливое и славное царствованіе. Въ немъ было много ума, сметливости и скромности. Въ немъ не было замѣтно ни какой склонности къ какимъ либо порокамъ, а пльство, въ то время общее, со всемъ не было по его вкусу. Собою онъ былъ очень красивъ и росту чрезвычайнаго по своимъ лѣтамъ. Онъ хорошо говорилъ по нѣмецки, по латинѣ и по французски, и имѣлъ хорошіе понятія въ наукахъ; но сдѣлавшись Государемъ въ 11 лѣтъ, оставилъ со всемъ науки, а окружавшіе его Русскіе старались отводить его отъ чтенія, что бы онъ не научился. Онъ не имѣлъ еще столько твердости духа, что бы дѣйствовать по собственному побужденію, чемъ воспользовавшись князь Алексѣй Долгоруковъ, его гофмейстеръ, и сынъ его фаворитъ, дѣлали все по своей волѣ, и съ такимъ деспотизмомъ, что прочіе не слишкомъ много сокрушались о кончинѣ сего юнаго Государя. Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, его заставляли безпрестанно ѣздить на охоту, что бы удалить его отъ всѣхъ, и держали всегда въ своихъ рукахъ. Наконецъ заставили его согласиться на бракъ съ княжною Екатериною Долгоруковою; но это согласіе было принужденное, и многіе были такого

мнѣнія, что свадьбѣ никогда не бывать. Пра- 1730
вду сказать и то, что онъ ни мало не уважалъ
ее, и я самъ былъ свидѣтелемъ, что онъ едва на
нее взглядывалъ. Замѣчательно было то, что съ
самаго того дня, какъ онъ объявилъ о намѣреніи
своемъ вступить въ бракъ, то впалъ въ такую
задумчивость, что ничто болѣе его не развлекало,
и онъ даже говорилъ своимъ приближеннымъ, что
умреть скоро и что жизнь ему уже наскучила.

Наконецъ, Россія лишилась Петра II, кото-
рый, по видимому, могъ быть великимъ Госуда-
ремъ, если бы когда либо избавился отъ ига
Долгоруковыхъ. Съ нимъ кончилось мужское
поколѣніе дома Романовыхъ, царствовавшего 118
лѣтъ; ибо Царь Михаилъ Федоровичъ, дѣдъ Пет-
ра I, былъ избранъ на престолъ въ 1612 году.

Лишь только министры верховнаго совѣта уви-
дѣли, что Государь скончается непременно; то
собрались во дворцѣ съ знатнѣйшими вельмо-
жами и стали разсуждать о наследованіи престо-
ла. Мнѣнія раздѣлились на четыре стороны.

Первая сторона была Долгоруковыхъ, которымъ
хотѣлось возвести на престолъ обрученную пе-
вѣсту Царскую, для чего они и составили было
духовную, что однако же имъ не удалось, какъ
сказано выше, и по тому увидѣвъ, что противни-
ки сильнѣе ихъ, они отказались отъ своего на-
мѣренія.

1730 Вторая сторона была Царицы, бабки покойнаго Царя, которой дѣйствительно предлагали корону; но она отказалась подь предлогомъ глубокой своей старости и болѣзней.

Третія сторона желала видѣть на престолѣ Принцессу Елисавету, дочь Петра I.

Наконецъ четвертая старалась о Герцогѣ Голштинскомъ, мать котораго была старшею сестрою Принцессы Елисаветы.

Но обѣ послѣднія стороны были такъ слабы, что о предложеніи ихъ даже и не разсуждали.

Тутъ домъ Голицыныхъ, уважившій было во время владычества Долгоруковыхъ, поднялъ голову и въдумалъ ввести образъ правленія, подобный Англинскому. Князь Дмитрій Голицынъ, членъ верховнаго совѣта, заговорилъ первый, и къ нему пристали: братъ его фельдмаршалъ, Долгоруковы и большая часть бывшихъ въ собраніи, и такимъ образомъ положили избрать на престолѣ Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, дочь Царя Іоанна, старшаго брата Петра I; но съ тѣмъ, что бы она подписала условія, на которыхъ ее избрали.

Положивъ это, они ожидали кончины Государя, которая и послѣдовала 30 января, какъ я уже сказалъ, въ 1 часъ по утру, а въ 5 часовъ, верховный совѣтъ, сенатъ, коллегіи, весь генералитетъ и полковники, бывшіе тогда въ Москвѣ, собрались во дворцѣ.

Собрание открылъ, за отсутствіемъ государст- 1730
веннаго канцлера, страдавшаго простудою, князь
Дмитрій Голицынъ, рѣчью, въ которой сказалъ,
что послыку Богу угодно было отозвать къ се-
бѣ Государя Петра II; то надлежитъ подумать
о избраніи верховнаго главы для всей Россій-
ской Имперіи, а какъ вдовствующая Герцогиня
Курляндская одарена всеми добрыми качествами;
то, кажется, нельзя сдѣлать лучшаго выбора.

Это предложеніе было принято всеми съ гром-
нымъ одобреніемъ, и тутъ же было приказано
генераламъ объявить о семъ войску.

Вмѣстѣ съ нимъ были назначены три депута-
та для поѣздки въ Митаву, гдѣ они объявятъ
Герцогинѣ о избраніи ее на царство, и проводятъ
ее до Москвы. Депутатами были назначены: отъ
верховнаго совѣта, князь Василій Лукичъ Долго-
руковъ; отъ сената, князь Михаилъ Голицынъ,
сенаторъ и братъ князя Дмитрія Голицына, а
отъ войска, генераль-лейтенантъ Леонтьевъ (12).

Послѣ сего общаго собранія, верховный со-
вѣтъ собрался одинъ и составилъ статьи, кои
Царица должна была подписать прежде, нежели
приметъ престолъ. Сии статьи были вручены де-
путатамъ съ приказаніемъ объявить ей, что еже-
ли она не приметъ ихъ и не подпишетъ, то из-
браніе уничтожается. (13).

Депутаты отіавились того же вечера, а верхо-

1730 вный совѣтъ принялъ въ свои руки правленіе государствомъ и, своевольно, назначилъ въ свои члены фелдмаршаловъ, князей Голицына и Долгорукаго.

Объявленіе во всенародное извѣстіе о избраніи Герцогини на престолъ и моленіе о ней въ церквахъ, было отложено до тѣхъ поръ, пока получитя извѣстіе, что она подписала статьи.

Въ самый день кончины Царя, я потребовалъ почтовыхъ лошадей для курьера, котораго хотѣлъ отправить въ Испанію: но правительство не только отказало мнѣ въ выдачѣ подорожной; но не вѣлѣло ни кого пропускать за границу до 3 февраля.

Я забылъ сказать, что по избраніи новой Государыни, оберъ-церемоніймейстеръ ѣздилъ, отъ имени верховнаго совѣта, ко всемъ чужестраннымъ министрамъ съ извѣстіемъ о семъ и съ увѣреніемъ, что Ея Величество сохранитъ всѣ договоры, заключенныя ея предмѣстниками, и тѣже дружественныя сношенія съ нашими Государями.

Февралл 6 я видѣлся съ фаворитомъ Долгоруковымъ, который сказалъ мнѣ, что, по кончинѣ Царя, онъ ни во что болѣе не вступается.

Феврала 10 прискакалъ изъ Митавы курьеръ съ извѣстіемъ, что депутаты пріѣхали туда 5 числа и что Царица не только пріипла престолъ

но и подписала статьи, ей предложенныя. Эта 1730 вѣсть наполнила радостію всѣхъ тѣхъ, кои хотѣли управлять государствомъ, какъ республикою, и на другій день издали манифестъ о ея возшествіи на престоль съ повелѣніемъ молиться въ церквахъ о ея здравіи, и всѣ указы писать отъ ея имени (14).

Февраля 12 пріѣхалъ также изъ Митавы генералъ Леонтьевъ и былъ у всѣхъ первыхъ министровъ, послѣ чего было назначено собраніе верховнаго совѣта на слѣдующее утро. Въ это собраніе были приглашены первѣйшіе чиновники военные и гражданскіе, такъ что въ немъ находилось человѣкъ до 80.

Собраніе открылось чтеніемъ подписанныхъ Царицею статей, коихъ до того не сообщали ни кому (15). Послѣ сего князь Дмитрій Голицынъ сказалъ, что каждый изъ присутствующихъ можетъ свободно объявить свое мнѣніе, и тутъ же обратился къ генералу Ягужинскому, который въ ту пору стоялъ подлѣ самаго стола, сказалъ ему, что бы онъ взялъ статьи, прочелъ ихъ и, подумавъ, сказалъ то, что онъ думаетъ о нихъ. Ягужинскій смутился отъ сего предложенія и не зналъ, что дѣлать, а Голицынъ, замѣтивъ это, велѣлъ ему не выходить изъ комнаты. Отъ сего Ягужинскій поблѣднѣлъ, и тутъ Голицынъ подо-звалъ къ себѣ статсъ-секретаря Степанова, велѣлъ

1730 ему поговорить яснѣ съ генераломъ. Степановъ вывелъ Ягужинскаго въ ближнюю комнату, куда черезъ нѣсколько минутъ, пришелъ фельдмаршалъ князь Долгоруковъ съ однимъ майоромъ гвардіи, которому велѣлъ взять у генерала шпагу и отвести его въ дворцовую караульню, гдѣ не выпускать его изъ глазъ. Послѣ сего министры верховнаго совѣта объявили, что ежели кто изъ присутствующихъ желаетъ предложить что либо для лучшаго образа правленія, тотъ можетъ изложить это письменно, и мнѣніе его будетъ разсмотрѣно послѣ.

Причиною ареста Ягужинскаго былъ генераль Леонтьевъ. Сначала назначали было перваго для поѣздки въ Митаву; но, не знаю по чему, это перемѣнили. Ягужинскій былъ всегда приверженъ къ Царицѣ, и узнавъ отъ государственнаго канцлера, своего тестя, о статьяхъ, онъ отправилъ въ Митаву одного преданнаго себѣ челоуѣка, именемъ Суморокова, съ письмомъ къ Ея Величеству, которымъ умолялъ ее не налагать на себя ига, а быть твердою, и что онъ, съ своими друзьями, пожертвуетъ своею жизнію для возведенія ея на престолъ съ тѣмъ же самодержавіемъ, съ которымъ царствовали ея предшественники. Сумороковъ пріѣхалъ въ Митаву спустя пять часовъ послѣ депутатовъ, и князь Василій Долгоруковъ узнавъ о его пріѣздѣ, самъ отправился къ нему, арестовалъ его и отобралъ отъ него письмо Ягу-

жинскаго, послалъ въ Москву въ подлинникъ 1730 съ генераломъ Леонтьевымъ(16).

Объ арестъ Ягужинскаго велѣно было объявить по всей арміи, что сей генераль арестованъ за то, что писалъ къ Царицѣ письмо, противное пользамъ отечества и службѣ Ея Величества.

Вечеромъ того же дня были взяты подъ арестъ слишкомъ 30 человекъ; но людей незначительныхъ.

Февраля 14 Ягужинскаго разжаловали и сняли съ него орденъ св. Андрей.

Февраля 15, князь Черкасскій, въ слѣдствіе дозволенія, даннаго въ собраніи 15 числа, подалъ верховному совѣту мнѣніе, подписанное слишкомъ 390 человеками. Генераль Матишкинъ подалъ также свое, подписанное не болѣе, какъ 25 человеками. Князь Черкасскій подалъ свое мнѣніе для того только, что бы, пока оно будетъ разсматриваться, выиграть время и приготовить все то, что онъ замыслилъ въ пользу Царицы. Мнѣніе Матишкина состояло въ томъ, что бы всю власть вручить верховному совѣту; оно было составлено тѣми, кои держали сторону Долгоруковыхъ.

Февраля 20 явилось третіе мнѣніе, подписанное 15 человеками; говорили, что оно было написано княземъ Куракинымъ.

Но всѣ сіи три мнѣнія остались безъ разрѣше-

1730 нія отъ верховнаго совѣта, который заботился только о томъ, что бы въ немъ было не болѣе осьми человекъ, кои распоряжали бы всемъ, т. е., Долгоруковы и Голицыны.

Во ожиданіи пріѣзда Царицы, верховный совѣтъ и дворяство собирались каждый день; но никакъ не могли согласиться на новую систему правленія.

Наконецъ 21 февраля Царица пріѣхала и остановилась въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, гдѣ вознамѣрилась остаться до торжественнаго своего вѣзда въ Москву (17).

Февраля 22 тѣло покойнаго Царя предали землѣ съ величайшимъ великолѣпіемъ. Какъ скоро принесли его въ церковь, то Архіепископъ Новгородскій отслужилъ обѣдню, послѣ чего Царица бабка, Принцесса Елисавета и Герцогиня Мекленбургская, дали ему послѣднее цѣлованіе, а по томъ погребли съ обыкновенными обрядами (18).

Между тѣмъ новая Государыня жила въ Всесвятскомъ, и, казалось, была довольна, что вошла на престолъ; она даже повелѣла, что бы всѣ дѣла шли такъ точно, какъ она подписала въ Митавѣ. Но 23 числа сдѣлалось такое дѣло, которое заставило всѣхъ призадуматься. Вышедъ въ переднюю комнату, она велѣла позвать къ себѣ всѣхъ офицеровъ гвардіи Преображенскаго

полка, кои тутъ случились и сказала имъ, что 1750 поелику Богу угодно было призвать ее на престолъ, то она желаетъ быть ихъ полковникомъ, подобно своимъ предшественникамъ, и дала уже повелѣніе объявить о томъ. Всѣ офицеры принцали въ восторгъ отъ сихъ словъ и бросились лобызать руки новаго своего полковника, орошая ихъ слезами. Тотчасъ за сямъ, Ея Величество велѣла призвать къ себѣ кавалергардовъ, и сказала имъ тоже, послѣ чего была провозглашена полковникомъ гвардіи преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Такая рѣшимость удивила и поразила всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли видѣть ее самодержавною; ибо въ числѣ многихъ другихъ ихъ замысловъ, былъ и тотъ, что бы Царица не имѣла никакой власти надъ гвардіею; но когда она сдѣлала это, то всѣ замолки и даже восхваляли ее за это.

Февраля 25, прибыли въ Всесвятское, верховный совѣтъ, сенатъ, генералитетъ и дворянство. Князь Дмитрій Голицычъ говорилъ за всѣхъ и просилъ Ея Величество удостойтъ принятіемъ ордена Св. Андрея и быть гротмейстеромъ онаго, подобно своимъ предшественникамъ. Она приняла это милостиво, послѣ чего государственный канцлеръ, какъ старшій изъ кавалеровъ, взявъ знаки сего ордена, поднесъ ихъ Ея Величеству (19).

1730 Февраля 26, и прїѣхалъ къ Ея Величеству съ поздравленіемъ; во, какъ частный человѣкъ, и она приняла меня весьма милостиво.

Послѣ того, какъ я откланялся, Ея Величество изволила отправиться для торжественнаго вшествїа въ Москву. Духовенство, въ полномъ облаченіи, встрѣтило и привѣтствовало ее у городскихъ воротъ, а во время шествїа стрѣляли три раза изъ всей городской артиллерїи. Ея Величество проѣхала чрезъ трое тріумфальныхъ воротъ, нарочно для сего устроенныхъ съ величайшимъ великолѣпіемъ; на нихъ было множество надписей и іероглифическихкихъ изображеній (20).

Марта 1 Царица принимала всѣхъ министровъ, и мы принесли ей поздравленіе съ благополучнымъ пришествіемъ ея въ Москву.

Марта 3, всѣ войска и дворянство собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ и присягали. Главнѣйшая статья присяги состояла въ томъ, что бы быть вѣрнымъ Государынѣ и отечеству. Верховный совѣтъ составилъ было двѣ формы присяги: одну обыкновенную, а другую съ тѣмъ, чтобы быть вѣрнымъ Государынѣ и верховному совѣту; но сочинители послѣдней не осмѣлились предъявить ее (21).

Власть верховнаго совѣта, который вздумалъ было дерзновенно управлять по своей волѣ не только государствомъ Русскимъ, но и самою

Государынею, кончилась 8 марта, и къ счастью 1730
очень спокойно, хотя и надлежало было она-
саться какого либо смятенія. Я считаю не без-
полезнымъ описать подробно это великое собы-
тіе.

Князь Черкасскій всегда думалъ возвратить Ца-
рицѣ самодержавіе, съ которыми царствовали ея
предшественники. По сему дѣлу былъ онъ въ
согласіи съ Ягужинскимъ, и когда послѣдняго
арестовали, то онъ сильно вступился за него.
Черкасскій считался человѣкомъ совѣтливымъ
и большихъ способностей, въ чемъ дѣйстви-
тельно отдавали ему справедливость. Мало по малу
онъ приготовилъ многихъ для исполненія своего
намѣренія, не смотря на верховный совѣтъ,
который всячески старался привлечь его на свою
сторону; но сей честный человѣкъ никогда не
хотѣлъ согласиться на дѣлаемые ему предложе-
нія, такъ, что совѣтъ принялъ было намѣреніе
арестовать его и сослать въ Сибирь; во Черкас-
скій, узнавъ о томъ, рѣшился предупредить сво-
ихъ враговъ. Въ слѣдствіе сего, 7 числа онъ,
переговоря съ приверженными къ нему, коихъ
было слишкомъ 300 человѣкъ дворянъ, да сверхъ
того офицеры гвардіи, велѣлъ имъ собраться 8
числа, безъ шума, въ пріемныя дворцовыя ком-
наты. Они исполнили его, и Черкасскій пріѣхавъ
велѣлъ доложить Государынь, что онъ просить

*

1730 дозволенія предстать предъ нее. Царица уже знала о намѣреніи Черкаскаго, посредствомъ жены его. Ея Величество повелѣла позвать къ себѣ верховный совѣтъ, что бы въ присутствіи оваго принять дворянство, и когда последнее было введено, то Черкасскій подалъ слѣдующее прошеніе, которое Царица приказала ему прочитать въ слухъ.

«Всевысочайшая и Всемиловивѣйшая Государыня Императрица.

«Хотя Ваше Императорское Величество возсѣли на престолъ Россіи по волю Высочайшаго Царя Царей и по желанію всего народа; но Вашему Императорскому Величеству угодно было подписать условія, предложенныя верховнымъ совѣтомъ, чѣмъ засвидѣтельствовали Ваше благоволеніе къ сему Государству. Мы приносимъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за таковую великую милость, и не токмо мы, но и дѣти наши, будемъ навсегда обязаны сохранить чистосердечную признательность и чтить имя Вашего Величества,

»Не смотря однако же на это, Всемиловивѣйшая Государыня, въ сказанныхъ условіяхъ находятся вѣкоторыя статьи, кои заставляютъ народъ Вашъ опасаться бѣдственныхъ на будущее время происшествій, изъ которыхъ враги вашего отечества могутъ извлечь величайшую

«для себя пользу. Разсмотрѣвъ внимательно ус- 1730
«ловія, мы изложили на письмѣ мнѣнія наши,
«и съ достоюльнѣмъ почтеніемъ представили
«ихъ верховному тайному совѣту на разсмотрѣ-
«ніе, и просили, что бы послѣ сего, для блага и
«спокойствія всей Имперіи, была установлена, по
«большинству голосовъ, форма правленія наде-
«жная и твердая. Но, Всемилостивѣйшая Госу-
«дарыня, верховный тайный совѣтъ, не токмо
«не разсмотрѣлъ представленныхъ отъ насъ раз-
«личныхъ предположеній; но объявилъ намъ, что
«ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія Вашего
«Императорскаго Величества.

»По сему, зная врожденное милосердіе Вашего
«Величества и желаніе удостовѣрить всю свою
«Имперію въ своемъ благорасположеніи, мы дер-
«заемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, просить,
«дабы Вы соизволили повелѣть, что бы представ-
«ленные нами различные мнѣнія были разсмо-
«трѣны генералитетомъ и дворянствомъ, назна-
«чивъ для сего по одному или по два человека
«изъ каждаго семейства, и что бы, по обсужденіи
«всѣхъ статей, была установлена такая форма
«правленія, которая избрется большинствомъ
«голосовъ, и послѣ сего представлена на Высочай-
«шее Вашего Императорскаго Величества бла-
«гоусмотрѣніе.

«Мы объщаемъ Вашему Величеству всевозмож-

1730 ную вѣрность и употребимъ все усилія для «утвержденія благоденствія Вашего, почитаю «Васъ, какъ мать отечества, и хотя это прошеніе «подписано немногими, по тому, что мы боимся «сея собираться во множествѣ для подписанія «онаго, однакоже большая часть вашего дворянства «изъявила на то свое согласіе, въ доказательство «чего многіе подписали уже вышесказанные «мнѣнія. Москва, 25 февраля 1730 года.»

По прочтеніи сего прошенія, министры верховнаго совѣта просили Ея Величество войти въ ея кабинетъ для разсужденія; но герцогиня Мекленбургская, сестра ея, подошедъ къ ней, сказала, что тутъ разсуждать не о чемъ, а надобно подписать. Вдругъ въ залѣ поднялся большой шумъ, и Государыня, призвавъ къ себѣ караульнаго капитана, сказала ему, что находясь не въ безопасности, она приказываетъ ему, что бы онъ не повиновался никому, кромѣ генераль-лейтенанта Салтыкова, подполковника гвардіи и родственника Ея Величества. Послѣ этого, она, взявъ перо, подписала прощеніе дворянства, которое, поцѣловавъ ея руку, вышло въ другую комнату. Тамъ единогласно положили обличь Государыню самодержавіемъ, послѣ чего возвратясь просили новой аудіенціи. Государыня назначила ес послѣ полудни, и тогда, по собраніи всего дворянства, было представлено Ея Величеству слѣдующее

прошеніе, которое она велѣла прочесть въ слухъ 1730
князю Кантемиру.

«Всевысочайшая и Всемиловѣйшая Го-
сударыня.

«Вашему Императорскому Величеству благо-
«удно было, для величайшаго блага отечества,
«подписать наше прошеніе, и мы не находимъ
«словъ для выраженія Вашему Величеству бла-
«годарности нашей за сей знакъ Высочайшаго
«Ея благоволенія. Обязанность наша, какъ вър-
«ныхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Вели-
«чества, требуетъ отъ насъ не оставаться небла-
«годарными; и по сему мы являемся предъ Ваше
«Величество, съ величайшимъ благоговеніемъ, для
«изъявленія нашей признательности, и всепикней-
«ше просимъ соизволить принять самодержавіе,
«съ которымъ царствовали ваши предшественни-
«ки, и уничтожить условія, присланные Вашему
«Величеству отъ верховнаго совѣта и подписанные
«Вами. Всеподданнѣйше просимъ Ваше Император-
«ское Величество соизволить, вмѣсто *Верховнаго*
«тайнаго совѣта и *Высокаго* сената (22) учре-
«дить *Правительствующій* сенатъ такъ, какъ онъ
«былъ учрежденъ Петромъ I, дядею Вашего Вели-
«чества, составивъ его изъ 21 члена, и что бы те-
«перь и впредь, убылые мѣста въ етомъ прави-
«тельствующемъ сенатѣ, также губернаторы въ
«губерніяхъ и президенты въ коллегіяхъ, были

1730 «замѣщаемы людьми, избираемыми дворянствомъ
«по жребію, какъ то было установлено Петромъ
«І. Всенподданнѣйше просимъ, чтобы Ваше Вели-
«чество, въ слѣдствіе того, что подписать изво-
«кли, благоволили теперь же составить прав-
«леніе такъ, какъ оно должно оставаться на бу-
«дущее время.

»Наконецъ мы, всенижайшіе подданные Вашего
«Императорскаго Величества, надѣемся быть сча-
«стливыми при новой формѣ правленія и при
«уменьшеніи налоговъ, по врожденному Вашего
«Величества милосердію, и можемъ спокойно
«кончить жизнь свою у ногъ Вашихъ. Москва
«25 февраля 1730 года» (25).

Министры верховнаго совѣта, при чтеніи сего
прошенія, стояли, какъ пораженные громомъ, и
никто изъ нихъ не осмѣлился сдѣлать ни малѣй-
шаго движенія.

Тотчасъ за симъ Царица велѣла государствен-
ному канцлеру, который хотя и былъ членомъ
совѣта, но держался стороны дворянства, прине-
сти все бумаги, подписанныя ею какъ въ Ми-
тавѣ, такъ и въ Москвѣ, и когда онъ принесъ ихъ,
то Ея Величество изорвала ихъ въ присутствіи
всѣхъ, и тутъ дворянство и военные, съ громкимъ
кликомъ радости, стали цѣловать руки Госуда-
рыни, своей самодержавицы.

Немедленно за симъ Ея Величество приказала

генералу Чернышеву освободить изъ подъ стражи 1730 генерала Ягужинскаго, а фельдмаршалъ Долгоруковъ отдалъ ему шпагу и орденъ св. Андрея, при входѣ въ залу собранія, гдѣ Государыня всемиловѣйше допустила его къ своей рукѣ, изъявляя ему знаки своего благоволенія (24).

Послѣ сего Царица повелѣла князю Василю Долгорукову оставаться у себя дома, опредѣливъ на его мѣсто оберъ-гофмейстеромъ вышесказаннаго генерала Салтыкова. Долгоруковъ занималъ это мѣсто съ выѣзда изъ Митавы и обращался съ Царицею, какъ съ плѣнницею, что бы достигъ цѣли собственныхъ своихъ намѣреній. Онъ-то воспламенилъ верховный совѣтъ, котораго былъ членомъ, къ ограниченію власти Государыни такъ, что Ея Величество сдѣлалась бы не болѣе, какъ невольницею въ золотыхъ цѣпяхъ. Но мы скоро увидимъ, что неограниченное его высокомеріе было наказано по достоинству.

Въ тотъ же самый день государственный канцлеръ послалъ ко всемъ чужестраннымъ министрамъ съ объявленіемъ о томъ, что случилось, приглашая ихъ пріѣхать завтра во дворецъ для принесенія поздравленія Ея Величеству.

Такъ кончились всѣ замыслы министровъ верховнаго совѣта.

Все это дѣло было ведено Герцогинею Мекленбургскою, княгинею Черкасскою и ея сестрою,

1730 которыл одиѣ только могли говорить съ Императрицею въ то время, когда при ней не было никого.

Величайшимъ было счастиемъ, что происшествіе ето обошлось безъ кровопролитія, которое случилось бы на вѣрное, если бы министры верховнаго совѣта сдѣлали малѣйшее сопротивленіе и если бы Императрица вышла въ свой кабинетъ для разсужденія. Но вѣрно также и то, что за ето заплатили бы члены совѣта; ибо противъ нихъ было не только дворянство, но и всѣ военные, а ихъ было только пятеро, именно: фельд-маршалъ Голицынъ и братъ его Дмитрій, фельд-маршалъ князь Долгоруковъ и князья Василій и Алексѣй Долгоруковы. Государственный канцлеръ Головкинъ былъ на сторонѣ дворянства, а вице-канцлеръ баронъ Остерманъ притворился больнымъ и лежалъ въ постелѣ съ самага дня кончины Царя; но давалъ совѣты Царицѣ чрезъ свою жену, которая каждый день пріѣзжала ко Двору(25).

На слѣдующій день 8 марта, всѣ чужестранные министры, въ праздничныхъ кафтанахъ, были представлены Царицѣ и поздравили ее съ самодержавіемъ.

Марта 12 Ея Величество наградила князя Черкаскаго за оказанныя имъ услуги, пожаловавъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники, а чрезъ нѣсколько дней украсила его орденомъ св. Андрея.

Марта 15, Царица, обдумавъ хорошенько, на 1730 значила 21 сенатора, для составленія верховнаго судилища: Они были слѣдующіе: государственный канцлеръ графъ Головкинъ, фелдмаршалы князь Голицынъ, Долгоруковъ и Трубецкій, князь Дмитрій Голицынъ, князь Василій Долгоруковъ, вице канцлеръ баронъ Остерманъ, князь Ромодановскій, генераль Ягужинскій, князь Черкасскій, генералы: Чернышевъ, Ушаковъ, Молчановъ и Салтыковъ, князь Юсуповъ, князь Юрій Трубецкій, князь Борятинскій, князь Юсуповъ, генераль Сукинъ, статскій совѣтникъ Новосильцовъ и графъ Михаилъ Головкинъ.

Черезъ два дни послѣ сего, генераль Салтыковъ просилъ уволить его отъ присутствія въ сенатѣ, по причинѣ занятій его по званію оберъ гофмейстера, и его мѣсто въ сенатѣ занялъ князь Шаховскій.

Въ это же время Царица повелѣла сдѣлать новую присягу ей одной, какъ самодержицѣ все-россійской, что и было исполнено 16 числа (26).

Марта 17 Ея Величество составила свой Дворъ и всѣ удивились, что она назначила оберъ-гофмейстериною жену фелдмаршала Голицына, и камергеромъ сына сего, да князя Куракина, зятя его, тогда какъ князь Голицынъ съ своимъ братомъ были лвными поборниками власти верховнаго совѣта; но очень скоро я узналъ причину этого.

1730 При Дворѣ была партія нѣмецкая, пользовавшаяся всею довѣренностію Государыни, и ее составляли: баронъ Остерманъ, камергеръ Биронъ, любимецъ Ея Величества, и графъ Левенвольдъ, котораго она пожаловала въ оберъ-гофмаршалы. Они, какъ иностранцы, видя, что имѣли нужду въ подкрѣпленіи своей партіи кѣмъ либо изъ Русскихъ вельможъ, вѣдали сказать фелдмаршалу Голицыну, что ежели онъ пристанетъ къ нимъ, то они введутъ его опять въ милость, а отъ него желаютъ только того, что бы онъ поддерживалъ ихъ и жилъ съ ними въ согласіи. Голицынъ, отъ природы гордый, упорствовалъ нѣсколько дней; но наконецъ сдался и присоединился къ Нѣмцамъ, кои по томъ заступились за него такъ, что Ея Величество пожаловала жену, сына и зятя его, въ вышесказанные чины, а ему самому брилліантовый перстень въ пять или шесть тысячъ ефимковъ.

Въ тотъ же день Ея Величество нарядила комиссію для изтребованія отчета отъ князей Долгоруковыхъ, отца и сына, любимцевъ покойнаго Царя. Въ эту комиссію назначены: князь Юсуповъ и генералъ Ушаковъ. Не лзя вообразить себѣ, сколько они украли: не только они подобрали себѣ въ руки всѣ брилліанты несчастнаго Меншикова, а ихъ было очень много, но и всѣ казенные; лучшихъ лошадей съ придвор-

ной конюшни, серебро въ дѣлѣ, собакъ и нако- 1730
нецъ все то, что стоило чего нибудь. Коммисіа
объявила имъ, что, ежели они тотчасъ не возвра-
тятъ всего, то она приступитъ къ формальному
розыску. По этому они принуждены были от-
дать все, что накрали, а небольшія деньги, взя-
тыя ими въ казначействѣ, были имъ прощен-
ны.

Въ тотъ же день, марта 17, умеръ баронъ Аби-
хсдаль, оберъ-церемоніймейстеръ, послѣ двуне-
дѣльной болѣзни. Для меня это была величайшая
потеря, по тому что онъ былъ единственнымъ
миѣ утѣшеніемъ между людьми, незнающими
что такое дружба. Онъ былъ родомъ изъ Швей-
царіи, былъ очень умнъ, ученъ и имѣлъ чрезвы-
чайную память; словомъ, былъ отличный чело-
вѣкъ, добродѣтель, другъ своихъ друзей и не-
довѣрлялъ никому иначе, какъ узнавъ его хоро-
шенько, послѣ чего уже имѣлъ къ нему всю до-
вѣренность. Онъ былъ очень привязанъ къ служ-
бѣ своего Государя и приходилъ въ отчаяніе,
если дѣла шли нехорошо. Онъ пользовался об-
щимъ уваженіемъ и никогда ни о комъ не гово-
рилъ дурно. Словомъ, это былъ истинно чест-
ный человекъ и совершенно безкорыстный. Та-
ковъ былъ етотъ добрый и единственный другъ
мой въ Россіи, котораго я никогда не забуду.
Потеря его для меня тѣмъ чувствительнѣе, что

1730 онъ умеръ въ Калвинскомъ вѣроисповѣданіи, котораго былъ жаркимъ послѣдователемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего пріѣхалъ курьеръ изъ Персіи съ извѣстіемъ, что Тахмасъ, сынъ Софія, предметника похитителя престола Митивиса, провозглашенъ и признанъ въ Испагани законнымъ государемъ, а Ешрефъ удалился въ Кандагарскую область. По этому, Русское министерство стало ласкать Тахмасова посла болѣе прежняго и хотѣло вступить съ нимъ въ переговоры согласно съ прежними его инструкціями; но онъ отвѣчалъ, что по даннымъ ему повелѣніямъ, онъ обязапъ былъ трактовать съ Петромъ вторымъ, а теперъ ему надобно будетъ имѣть новое повелѣніе для вступленія въ переговоры съ министрами Царицы, да сверхъ того, когда онъ отправился изъ Персіи, тогда Государь его былъ изгнанникомъ, лишеннымъ престола; по теперъ дѣла совсемъ перемѣнились, и по тому онъ долженъ ждать новыхъ повелѣній. Не смотря однако же на это, онъ имѣлъ черезъ нѣсколько дней первую свою аудіенцію у Царицы и представилъ ей кредитивныя грамоты, кои привезъ съ собою на имя покойнаго Царя.

Марта 29, Царица въ первый разъ присутствовала въ сенатѣ и тамъ пожаловала въ сенаторы генерала Тараканова, на мѣсто князя Ромодановскаго, дяди Ея Величества, который умеръ 27 числа.

Апрѣля 1, Персидскій посолъ былъ на пер- 1730
вой своей аудіенціи и представилъ свои креди-
тивныя грамоты: вмѣстѣ съ симъ онъ просилъ
о назначеніи министровъ для переговоровъ съ
нимъ. При сей церемоніи не было ничего замѣ-
чательнаго, развѣ только то, что послѣ того,
какъ посолъ представилъ свои кредитивы Цари-
цѣ, стоявшей на престолѣ, всѣ Персіяне, съ нимъ
пріѣхавшіе, вошли для цѣлованія руки Ея Вели-
чества, оставя въ переднихъ комнатахъ, по обы-
чаю своей земли, свои туфли, что, по ихъ по-
вѣтіямъ, составляетъ знакъ почтенія и покорно-
сти. Кредитивы завернуты были въ богатую
Персидскую парчу, и посолъ представилъ ихъ
государственному канцлеру, который отвѣчалъ
ему, именемъ Царицы, въ выраженіяхъ, очень
лестныхъ для его Государя.

На другій день началась Свѣтлая недѣля, а
какъ въ постъ всѣ говѣли, то и не случилось ни-
чего замѣчательнаго; въ самый же день Пасхи
былъ пріѣздъ ко Двору для поздравленія Ея Вели-
чества.

Апрѣля 10, Ея Величество украсила своего
оберъ-гофмейстера Самтыкова орденомъ Св. Ан-
дрея.

Апрѣля 15, министры, Бланкенбургскій и Гол-
штинскій представили свои новыя кредитивныя
грамоты.

1750 Въ тотъ же день Ея Величество изволила дать великолѣпный обѣдъ офицерамъ полковъ гвардіи и оказала имъ честь обѣдать съ ними.

До обѣда, она пожаловала генерала Ушакова въ подполковники гвардіи Семеновскаго полка, а прежде онъ былъ майоромъ Преображескаго; но сей чинъ отняли у него Долгоруковы.

Наконецъ насталь день, ознаменовавшійся гибелью того несчастнаго дома, который имѣвъ въ виду примѣръ князя Меншикова, не умѣлъ воспользоваться онымъ, а поступалъ такъ, что пришелъ въ ненависть не только у дворянства, но и у народа. Апрѣля 19, князя Алексѣя Долгорукаго, съ женою, сыновьями и дочерьми, сослали въ его деревни; князя Василия арестовали; князя Михаила, брата фельдмаршала, сдѣлали губернаторомъ въ Астрахань; князя Ивана, брата Алексеѣва, губернаторомъ въ Вологду; князя Александра, губернаторомъ въ Алтырь, а князя Сергія сослали въ его деревни. Въ тотъ же самый день всѣхъ Долгоруковыхъ лишили чиновъ и орденовъ.

Тогда же было повелѣно генералу Бутурлину отправиться къ своей должности въ Дербентъ, а генераль Еропкинь былъ посланъ въ Гиллисскую область.

Мая 3, Ея Величество пожаловала княгиню Голицыну, жену фельдмаршала въ оберъ-гофмей-

стерины, какъ сказано выше, и штатсъ-дамами: 1730 баронессу Остерманъ, графиню Ягужинскую, княгиню Черкасскую, генеральшу Чернышеву, графиню Биронъ, графиню Головкину, Лопухину и Салтыкову. Тогда же изволила назначить къ себѣ шесть фрейлинъ. Никто изъ Долгоруковыхъ не удостоился сей чести и по тому Голицыны одержали здѣсь побѣду. Все это сдѣлали, какъ я уже сказалъ, графъ Левенвольдъ и графъ Биронъ.

Ся же оба Нѣмца ввели въ великую у Царицы милость барона Остермана, и всѣ трое вслѣчески старались обратить вниманіе Двора на графа Вратиславскаго и барона Мардефельдскаго, Прусскаго министра, между тѣмъ, какъ на меня едва смотрѣли, по сказанной выше причинѣ.

Мая 6 посланникъ Прусскій представлялся Царицѣ и извѣстилъ Ея Величество, что Король, его Государь, пожаловалъ графу Левейволду орденъ чернаго орла. Государынѣ угодно было самой украсить графа симъ орденомъ, и велѣвъ ему снятъ съ себя Александровскій, она надѣла на него Прусскій. Никто не удивился этой милости, по тому что графъ былъ всегда очень привязанъ къ Прусскому Двору, и задушевнымъ другомъ посланника, который видя, что онъ такъ силенъ у Русскаго Двора, исходатайствовалъ ему сей знакъ отличія, дабы еще болѣе привязать его къ сторонѣ своего Государя.

1730 Въ тотъ же день Ея Величеству угодно было пожаловать орденъ Св. Андрея графу Бирону, котораго за два дни до сего она сдѣлала своимъ оберъ-камергеромъ; но онъ отклонилъ отъ себя ету милость, а просилъ украсить симъ орденомъ г. Бракеля, великаго маршала Курляндскаго, и Ея Величество ту же минуту исполнила его прошеніе.

Мая 7 Царица пожаловала орденъ Св. Андрея фелдмаршалу Трубецкому.

На другій день 8, она пожаловала барону Остерману графское достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошую землю въ Лифляндіи.

Мая 9 совершилась коронація Государыни съ величайшимъ торжествомъ. Я не стану описывать сей церемоніи, по тому что она была така же, какъ и Петра II, съ тою только разницею, что была гораздо великолѣпнѣе.

Въ сей день Ея Величество оказала много милостей: пожаловала большую деревню фелдмаршалу князю Голицыну; произвела плтерыхъ въ генераль-анпеды, четверыхъ въ генераль-лейтенанты, троиухъ въ генераль-майоры, двоихъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, двоихъ въ тайные совѣтники, двоихъ въ статскіе совѣтники, да орденомъ Св. Александра генераловъ Сукина и Тараканова.

Мая 10, представлялись всѣ иностранные

министры, и Ея Величество приняла ихъ стоя на 1730 своемъ престолѣ; по правую сторону престола находились всѣ министры и вельможи Русскіе, а по лѣвую дамы. Признаюсь, что я въ жизнь свою не видывалъ такого великолѣпнаго Двора, каковъ былъ въ сей день Русскій.

Мая 12, Ея Величество изволила быть въ дворцовомъ саду въ предмѣстіи, называемомъ Нѣмецкимъ, куда пригласили всѣхъ чужестранныхъ министровъ. Тамъ былъ балъ и ужинъ, и Ея Величество изволила пить за здравіе Короля, моего Государя, такъ какъ именно сей день былъ днемъ Св. Филиппа, по старому стилю. Ея Величество, при семъ случаѣ, оказала мнѣ много чести, изволивъ публично благодарить меня за то, что я во всемъ поступалъ отлично.

Въ 11 часовъ вечера Ея Величество оставила садъ и осмотрѣла всѣ иллюминаціи, и когда подъѣхала къ моей; то еще изволила оказать мнѣ честь, приказавъ остановить свою карету у воротъ моего дома, гдѣ я стоялъ, и позволивъ мнѣ поцѣловать свою руку, благодарила меня еще разъ.

Отличіе, оказанное мнѣ Ея Величествомъ, произвело великую зависть въ министрахъ, приверженныхъ къ Вѣнскому Двору, и боясь, что бы я, вошедъ въ милость Царицы, не нанесъ много вреда ихъ интересамъ, они употребили всѣ усилія,

1730 что бы лишить меня благорасположенія Ея Величества. Но не зналъ, какимъ образомъ напасть на меня, они прибѣгли ко лжѣ, что и произвело желанное ими дѣйствіе; ибо вскорѣ замѣтилъ я великую перемѣну въ обращеніи Государыни со мною: каждый разъ, какъ я бывалъ у Двора, она принимала меня съ величайшимъ равнодушіемъ, а всѣ приближенные къ ней убѣгали отъ меня, какъ отъ заразы. Не смотря на все это, я не хотѣлъ оправдываться совершенно, предоставлялъ то времени, и дѣйствительно, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ случай оправдаться такъ, что Ея Величество убѣдился въ моей невинности, возвратила мнѣ свое благоволеніе, и я посрамилъ своихъ враговъ, какъ скажу послѣ.

Мая 14 былъ еще балъ и ужинъ во дворцѣ, и я никогда не видывалъ такого славнаго праздника и лучшаго ужина.

Наконецъ 16 число было послѣднимъ днемъ праздниковъ, данныхъ по случаю коронаціи Царицы. Сей день начался аудіенціею Персидскому послу и всѣмъ Азіятцамъ, бывшимъ въ Москвѣ: Армянамъ, Грузинамъ, Персіанамъ, Калмыкамъ, Татарамъ, Китайцамъ и Казакамъ. Послѣ етого выставили народу двухъ жареныхъ быковъ съ двумя фонтанами вина, и бросали ему деньги. За симъ былъ балъ и ужинъ, что продолжалось до двухъ часовъ. Столъ Ея Величества

быль устроень на тронѣ, и она изволила ужи- 1730
пать съ обѣими своими сестрами. Принцесса Ели-
савета и Принцесса Мекленбургская не присут-
ствовали на этомъ праздникѣ, по тому что были
опасно больны. Въ той же залѣ было пять сто-
ловъ, а всѣхъ кувертовъ 360. Все было устроено
съ величайшимъ великолѣпіемъ и порядкомъ.
Послѣ ужина всѣ вошли въ апартаменты Цари-
цы, откуда смотрѣли прекрасный фейерверкъ,
которымъ и кончились всѣ праздники.

Юня 4, Ея Величество изволила переѣхать въ
загородный дворець, называемый Измайловскимъ,
и осталась тамъ на все лѣто.

Выѣхавъ изъ Москвы, генераль Мамоновъ, ко-
торый по своему чину поручика кавалергардовъ,
ѣхалъ подлѣ кареты Ея Величества верхомъ,
быль пораженъ апоплексическимъ ударомъ, и
упалъ съ лошади замертво. Отъ сего происше-
ствія всѣ ужаснулись и Государыня очень пере-
пугалась.

Юня 22, графъ Вратиславскій получилъ изъ
Вѣны дипломъ на достоинство графа Св. Импе-
рин, для оберъ-камергера Бирона, которому онъ
и вручилъ его того же вечера, вмѣстѣ съ пор-
третомъ Императора, осыпаннымъ бриллиантами,
цѣною въ 12 тысячъ ефимковъ.

Въ тотъ же самый день Ея Величество пожа-
ловала новому графу одинъ городъ въ Лифля-

1730 дін, съ землями, къ нему прилегающими, что все стбитъ слишкомъ 60 тысячъ рублей.

По етому случаю я донесъ Королю, моему Государю, что Вѣискій Дворъ думаетъ только о раздачѣ въ Россіи милостей и подарковъ, между тѣмъ, какъ мы не дѣлаемъ ничего, и что нѣтъ возможности прервать союза между обоими Дворами иначе, какъ дѣлая тоже самое.

Юля 6 кончили совершенную гибель дома Долгоруковыхъ. Князь Алексѣй, отецъ обрученной невѣсты Петра II, былъ сосланъ со всею своимъ семействомъ на Березовъ островъ, гдѣ прежде его содержался несчастный Мевшиковт; князь Василій въ Соловецкій монастырь, лежащій на одной скалѣ Бѣлаго моря, и гдѣ не лзя прожить болѣе нѣсколькихъ лѣтъ, по тому что мѣсто ето очень нездорово, и гдѣ питаются только рыбою безъ хлѣба и вина. Князя Сергій и Иванъ, братья Алексѣевы, были сосланы, первый въ Ораніенбургъ, а второй въ Пустозерскъ, а князя Александра, другаго брата Алексѣева, послали служить лейтенантомъ морскимъ въ Каспійскомъ морѣ. Таковъ былъ трагическій конецъ етой вѣтви дома Долгоруковыхъ, которую любилъ Петръ II, и кажется, что наденіе оной было справедливымъ судомъ Божіимъ, для наказанія ихъ дурныхъ дѣлъ, безмѣрнаго высокомерія и тщеславія (27).

Юля 8 прїѣхалъ изъ Польши графъ Потоцкій, 1730 близкій родственникъ Царицы, которая приняла его очень милостиво и велѣла отвести ему комнаты во дворецъ. Онъ прїѣхалъ за тѣмъ, что-бы поздравить Ея Величество отъ примаса Польши, своего дяди, и что бы развѣдать о намѣренїяхъ Русскаго Двора относительно къ Польскимъ дѣламъ.

Юля 9, Ея Величество возложила орденъ св. Александра на князя Куракина, своего камергера, прежде бывшаго министромъ при Французскомъ Дворѣ.

Юля 11, получилъ я новыя кредитивныя грамоты, и хотя на другій же день сообщилъ копію съ оныхъ государственному канцлеру Головкину; но не могъ еще имѣть аудїенціи, по тому что 13 числа по утру Царица отправилась на богомолье въ Троицкій монастырь, лежащій въ 12 миляхъ отъ Москвы.

Она возвратилась 19 юли и на другій день государственный канцлеръ далъ мнѣ знать, что Ея Величество извоитъ принять меня 25, по утру, въ селѣ Измайловскомъ, куда я и прїѣхалъ въ назначенный часъ и былъ всденъ графами Бирономъ, оберъ-камергеромъ, и Левонвольдомъ, оберъ-гофмаршаломъ.

Августа 13, графъ Потоцкій откланялся Царицѣ, которая украсила его орденомъ Св. Андрея,

1730 а 14 числа онъ отправился въ путь на Гродненскій сеймъ.

Сентября 10 праздновали, по обыкновенію, день ордена Св. Александра, и мы всѣ кавалеры сего ордена имѣли честь обѣдать и уживать съ Ея Величествомъ, послѣ чего былъ сожженъ прекрасный фейсверкъ. Въ тотъ же день Государыня возложила сей орденъ на генерала Вейсбаха, который вмѣстѣ съ симъ получилъ повелѣніе ѣхать на Гродненскій сеймъ, въ качествѣ министра Ея Величества.

Въ это же время Ея Величество приказала сформировать третій полкъ гвардіи, который назвала Измайловскимъ, и полковникомъ онаго пожаловала генерала Левенвольда, а подполковникомъ генерала Кейта. Производство послѣдняго принесло мнѣ большое удовольствіе, по тому что я любилъ его душевно, да сверхъ того, по моему ходатайству, онъ былъ принятъ въ Русскую службу, два года тому назадъ.

Октября 12, Ея Величество опредѣлила генерала Ягужинскаго генералъ-прокуроромъ сената и въ тоже самое время повелѣла ему присутствовать при всѣхъ конференціяхъ по иностраннымъ дѣламъ, что много уменьшило кредитъ графа Остермана, который отъ сего пересталъ распорядить негоціаціями по своей волѣ, какъ дѣлалъ до сего. Ягужинскій, еще при Петрѣ I,

былъ уже генераль-прокуроромъ и всѣ были имъ 1730 довольны, и какъ скоро онъ снова вступилъ въ сію должность, то дѣла пошли очень скоро и къ общему всѣхъ удовольствію. Но всѣхъ болѣе былъ доволенъ я, по тому что сей генераль былъ всегда моимъ искреннимъ другомъ и оставался таковымъ до конца.

Въ тотъ же день Ея Величество пожаловала орденъ Св. Андрея графу Бирону, и етотъ случай показался мнѣ очень удобнымъ для принесенія моего оправданія. Пріѣхавъ къ нему 13 числа, я засталъ его одного, и поздравилъ его съ новою, полученною имъ милостію. Получивъ отъ него тѣже увѣренія въ пріязни, какіе онъ мнѣ дѣлалъ въ послѣдній разъ, я сказалъ ему, что полагаясь на его дружбу, хочу открыть ему свое сердце, и именно, что ему не безызвѣстна та ложь, которою нѣкоторые люди очернили меня въ глазахъ Ея Царскаго Величества, и что я могу доказать ему свою невинность въ короткихъ словахъ.

Во первыхъ, я никогда не былъ, какъ сказали, искреннимъ другомъ князя Василія Долгорукова, и первымъ его совѣтникомъ; ибо, не только я не имѣлъ съ нимъ ни какихъ связей во все то время, когда я былъ коротко знакомъ съ княземъ Иваномъ, фаворитомъ Петра II; но онъ вслѣски старался посорить насъ, въ чемъ и успѣлъ

1730 мѣсяца за четыре до кончины Царя, въ чемъ свидѣтельствуюсь графомъ Левенвольдомъ, оберъ-гофмаршаломъ, который по напрасну старался помирить насъ. Во вторыхъ, Царицѣ сказали, будто я сильно противился ея самодержавію, давая совѣты тѣмъ, кои хотѣли ее ограничить. На это скажу, что во все время, какъ спорили о семъ самодержавіи, я всячески удалился отъ сообщества Русскихъ, что бы не слышать даже и разговоровъ о семъ дѣлѣ, и что въ бесѣдахъ съ своими пріятелами, я всегда смѣлся надъ ихъ республиканскимъ жаромъ, считая его глупостію, и утверждалъ всегда, что всѣ споры кончатся объявленіемъ Царицы самодержавною, и что я всегда предувѣдомлялъ о семъ мой Дворъ, какъ могу доказать то копіями съ своихъ депешъ, кои представлю его сіятельству, прося его сдѣлать мнѣ милость повѣрить, что я еще не сшелъ съ ума, и что какъ для Короля, моего Государя, все равно, будетъ ли Царица самодержавною или нѣтъ; то я не такъ глупъ, что бы мѣшаться въ дѣло, которое до меня совсемъ не касается. Въ третьихъ, мои враги разсѣяли слухъ, будто бы я привязанъ къ графу Маврикію Саксонскому, хлопочу за него и постоянно переписываюсь съ нимъ. Не отрицаюсь, что я нахожусь съ нимъ въ дружескихъ связяхъ слишкомъ 15 лѣтъ; но эта дружба не такъ сильна, что бы я вздумалъ быть

его агентомъ, что не прилично ни моему званію, 1730 ни моему происхожденію; что въ дѣла графа Маврикія со всемъ не вступается Король, мой Государь, а я не таковъ, что бы захотѣлъ вмѣшаться въ нихъ, безъ повелѣнія Его Величества; что проѣзжая черезъ Данцигъ, я встрѣтился тамъ съ графомъ, который просилъ меня выхлопотать нѣсколько любовныхъ записочекъ, находившихся въ сундукѣ, который взяли у него въ Курляндіи и который находится въ Русской канцеляріи; что я нѣсколько разъ говорилъ о томъ графу Остерману, изъясняя, что не могу и не хочу говорить съ нимъ о дѣлахъ графа Саксонскаго, но прошу только о возвращеніи его любовныхъ записочекъ, кои совершенно неважны для Русскаго Государства; что хотя графъ Остерманъ и обѣщаль мнѣ всегда возвратить сіи записочки, но не исполнилъ своего обѣщанія, и что графъ Саксонскій раза три или четыре писалъ ко мнѣ о нихъ, но ничего не писалъ о другихъ какихъ дѣлахъ. Я прочелъ ему сіи письма, и клялся, что никогда не говорилъ о дѣлахъ сего графа, ни прямо, ни околичностями. Вмѣстѣ съ симъ я называлъ графу Бирону людей, разсѣлавшихъ сіи ложные обо мнѣ слухи, примолвивъ, что я всюду нахожу ядовитость и злость графа Остермана и другихъ, которыхъ я не хотѣлъ назвать по имени (т. е., графа Вратиславскаго,

1730 барона Мардефельдскаго и барона Крама), кои болелись, что если я удостоюсь получить благоволеніе Ея Величества; то они не могут успѣть въ своихъ замыслахъ; но что, благодаря Бога, я презираю такихъ враговъ и иду по стезѣ чести и истинны, не совращаясь съ нее, для ихъ удовольствія, и что въ егомъ именно состоитъ обязанность моего званія и происхожденія.

Наконецъ просилъ я графа довести все это до свѣдѣнія Государыни, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить Ея Величество, что ни одинъ изъ ея подданныхъ не уважаетъ и не любитъ ее болѣе меня.

Графъ Биронъ слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, и когда я пересталъ говорить, то сказалъ, что о всемъ томъ, что я говорилъ ему, онъ непременно донесетъ Государынѣ; при чемъ признался, что дѣйствительно старался вселить въ Ея Величество все то, что я говорилъ ему; но что онъ, по чести, можетъ увѣрить меня, что Ея Величество уже разувѣрилась на мой счетъ и уважаетъ меня такъ, что при всякомъ случаѣ говоритъ обо мнѣ съ отличіемъ; а что касается до него, то онъ былъ и хочетъ всегда быть моимъ другомъ и употребить, при етомъ случаѣ, все возможное, что бы доказать мнѣ это, присовокупивъ къ тому, почти со слезами на глазахъ, другіе выраженія его привязанности и почтенія ко мнѣ.

Отъ графа Бирона поѣхаль я къ графу Левен-1730
волду, моему истинному другу, пользовавшему-
ся всею довѣренностію Царицы и Бирона. Я го-
ворилъ ему тоже, что и послѣднему, а онъ обѣ-
щаль мнѣ стараться разувѣрить Государыню.

Октября 21 было погребеніе тѣла графа Васи-
лія Салтыкова, умершаго 18 числа. Онъ былъ
дядя Царицы, мать которой была его сестрою.
Его былъ очень хорошій человекъ и искренній
мнѣ другъ. Смерть его для меня была очень при-
скорбна, по тому что онъ не перемѣнился ко мнѣ
даже въ то время, когда всѣ отъ меня бѣжали.

Октября 28, Царица возвратилась въ Москву
изъ Измайловскаго и стала жить въ новомъ двор-
цѣ, который она построила, и который былъ
очень красивъ и убранъ великолѣпно.

На другій день 29, былъ я у графа Бирона,
для поздравленія его съ благополучнымъ воз-
вращеніемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что бы я пріѣхаль
во дворецъ въ три часа по полудни, по тому
что Государыня хотѣла говорить со мною.

Въ назначенный часъ я пріѣхаль во дворецъ
и она, пожаловавъ мнѣ поцѣловать свою руку,
приказала мнѣ идти за нею въ ея кабинетъ, вмѣ-
стѣ съ графомъ Левенволдомъ, который будетъ
между нами переводчикомъ. Вошедъ туда, Ея
Величество изволила сказать мнѣ, что она узна-
ла отъ оберъ-камергера графа Бирона, что я ду-

1730 мая, будто она не благорасположена ко мнѣ, и по етому она хочетъ успокоить меня на етотъ счетъ. Правда, что по прїѣздѣ ея въ Москву, говорили ей обо мнѣ дурно; что ето время было такое критическое, что она не знала, кто ей другъ и кто врагъ, и по тому была принуждена вѣрить всему, что нѣкоторые люди говорили ей обо мнѣ и о другихъ; но убѣдясь въ злости моихъ враговъ и въ моей невинности, она призвала меня къ себѣ, что бы лично самой засвидѣтельствовать мнѣ, какъ теперь она выведена изъ заблужденія, уважаетъ меня и увѣреть въ своемъ ко мнѣ благоволеніи.

Слова сіи привели меня въ такое восхищеніе, что я едва собрался съ духомъ отвѣчать на нихъ; но поцѣловавъ ея руку, я сказалъ, что почтеніе мое къ Ея Величеству было всегда неизмѣнно, и ничто не могло принудить меня сдѣлать что либо противъ ея особы; что я благодарю Бога, что могъ объяснить Ея Величеству истину, и никогда не забуду оказанной ею мнѣ чести. Къ етому примолвилъ я, что меня огорчаетъ только то, что я получилъ повелѣніе отъ Короля, моего Государя, выѣхать изъ Россіи; ибо ничто не принесло бы мнѣ такого утѣшенія, какъ прожить нѣсколько лѣтъ у ногъ Ея Величества. Она благодарила меня за ето, изъявивъ сожалѣніе, что я такъ скоро отъѣзжаю, и по томъ удалилась.

Враги мои узнавъ о томъ, что было на етой 1730 конференціи, чуть было не померли отъ бѣшенства, а особливо графы Остерманъ и Вратиславскій, кои, какъ я уже сказалъ, были главнѣйшими моими клеветниками. Сими оправданіемъ обязанъ я графу Бирону и генералу Левенволду, кои при семъ случаѣ оказали мнѣ всю свою дружбу и не успокоивались до тѣхъ поръ; пока не открыли всей лжи, разсѣльной на мой счетъ Австрійцами.

ХАРАКТЕРЫ ЛИЦЪ,

БЫВШИХЪ ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ.

Въ этомъ небольшомъ сочиненіи я опишу характеры главнѣйшихъ лицъ, коихъ я зналъ при Русскомъ Дворѣ, и постараюсь сдѣлать это съ величайшимъ безпристрастіемъ. Опишу также характеры чужестранныхъ министровъ, бывшихъ въ Россіи въ мое время, и могу увѣрить, что перомъ моимъ руководствовала истина, и что я лично зналъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ говорить буду. Начну съ Царя Петра II.

Петръ II былъ высокаго роста, красивъ собою и сложенъ хорошо; на лицѣ его видна была задумчивость; сложеніе крѣпкое, поступь величественная и сила необыкновенная. Хотя и трудно вато сказать что либо рѣшигельное о характерѣ 14 лѣтняго Государя; но можно было догадываться, что онъ будетъ вспыльчивъ, рѣшителенъ и, можетъ быть, жестокъ. Онъ не терпѣлъ вина *),

*) Сочинитель упоминаетъ это по тому, что въ то время неумѣренное употребленіе вина было общимъ порокомъ, не только въ Россіи; но и во всей Европѣ.

то есть, не любилъ ни въ болѣе подлежащаго, и весьма щедръ, такъ, что щедрость его походила на расточительность. Хотя съ приближенными къ нему онъ обходился ласково, однакоже не забывалъ своего высокаго сана и не вдавался въ слишкомъ короткія связи. Онъ быстро понималъ все; но былъ осмотрителенъ, любилъ народъ свой и мало уважалъ другіе. Словомъ, онъ могъ бы быть, со временемъ, великимъ Государемъ, если бы удалось ему поправить недостатокъ воспитанія, даннаго ему Долгоруковыми.

Ц А Р И Ц А А Н Н А .

Царица Анна была вдовствующею герцогинею Курляндскою, когда была возведена на престолѣ, и дочерью Царя Иоанна, старшаго брата Петра I. Она толста, смугловата и лице у нее болѣе мужское, нежели женское. Въ обхожденіи она пріятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щебра до расточительности, любитъ пышность до чрезмѣрности, отъ чего Дворъ ея великолѣпнѣе превосходить въ прочіе европейскіе. Она строго наблюдаетъ повинновеніе къ себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ; не забываетъ услугъ, ей оказанныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо помнитъ и нанесенныя ей оскорбленія. Словомъ, я могу сказать, что она совершенная Государыня, достойная долготнаго царствованія.

Великая Княжна Наталія.

Великая Княжна Наталія, сестра Петра II, была украшена всѣми возможными добрыми свойствами. Она не только не была красавицею, а на противъ дурна лицомъ, хотя и хорошо сложена; но добродѣтель замѣняла въ ней красоту: она была любезна, великодушна, внимательна, исполнена грацій и кротости, такъ, что всѣхъ привлекала къ себѣ. Она совершенно говорила на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, любила чтеніе и покровительствовала чужестранцамъ. Все это заставляло возсылать теплыя къ небу молитвы о ея долголетствіи; но Всевышнему угодно было отозвать ее къ себѣ, послѣ долговременной болѣзни, 3 октября 1728, на 15 году ея жизни. Смерть ея оплакали и Русскіе, и чужеземцы, знатные и бѣдные.

Принцесса Елисавета.

Принцесса Елисавета, дочь Петра I и Царицы Екатерины, такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая, и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности; но замѣтно нѣкоторое честолюбіе.

ГЕРЦОГИНЯ МЕКЛЕНБУРЖСКАЯ.

Герцогиня Мекленбургская, сестра Царицы Анны, чрезвычайно живаго характера, не имѣетъ скромности и откровенно высказываетъ все, что ей приходитъ въ голову. Она чрезвычайно толста

ПРИНЦЕССА ПАРАСКЕВІЯ.

Принцесса Параскевія, вторая сестра Царицы, отличается способностями, очень дурна лицомъ и худощава, здоровья слабаго.

Теперь пристуило я къ описанію характеровъ знатнѣйшихъ вельможъ и начну съ фаворита Царя Петра II.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ДОЛГОРУКОВЪ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ отличался только добрымъ сердцемъ. Государь любилъ его такъ ивжно, что дѣлалъ для него все, и онъ любилъ Государя также. Ума въ немъ было очень мало, а проницательности ни какой, но за то много спеси и высокомерія, мало твердости духа и никакого расположенія къ трудолюбію; любилъ женщинъ и вино; но въ немъ не было коварства. Онъ хотѣлъ управлять государствомъ, но не зналъ съ чего начать; могъ воспламениться жестокою ненавистію; не имѣлъ воспитанія и образованія; словомъ, былъ очень простъ.

Г р а ф ъ Г о л о в к и н ъ .

Графъ Головкинъ, государственный канцлеръ, старецъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ, осторожный и скромный; съ образованностію и здравымъ разсудкомъ, соединялъ онъ въ себѣ хорошія способности. Онъ любилъ свое отечество и хотя былъ привязанъ къ старинѣ; но не отвергалъ и введенія новыхъ обычаевъ, если видѣлъ, что они полезны; былъ привязанъ къ своимъ Государямъ, и его подкупить было невозможно, по сему-то онъ держался при всѣхъ Государяхъ и въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, по тому что упрекнуть его не лзя было ни въ чемъ.

Г р а ф ъ А п р а к с и н ъ .

Графъ Апраксинъ, великій адмиралъ, братъ Царицы, супруги Царя Θεодора Алексѣевича, старшаго брата Петра I. Съ величайшимъ усердіемъ служилъ онъ Петру I; имѣлъ посредственныя способности, былъ храбръ и рѣшительнъ, и довольно прозорливъ; но не выѣзжая никогда изъ своей земли, онъ не любилъ нововведеній, сдѣланныхъ Петромъ I до того, что не пожалѣлъ бы ничего, что бы возстановить старинныя обычаи. Иноземцевъ ненавидѣлъ смертельно и былъ очень корыстолюбивъ, за что чуть было не погибъ, но отдѣлался деньгами. Въ политическихъ

дѣлахъ былъ вовсе несвѣдущъ, и хотя былъ великимъ адмираломъ; но не зналъ даже первыхъ началъ мореходства.

Б А Р О Н Ъ О С Т Е Р М А Н Ъ .

Вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, родомъ Немецъ: отецъ его былъ лютеранскимъ пасторомъ въ одной Вестфальской деревушкѣ. Баронъ пріѣхалъ въ Россію въ очень молодыхъ еще лѣтахъ и выучившись основательно языку сей земли, досталъ себѣ мѣсто въ какой-то канцеляріи, гдѣ, по званію многихъ языковъ, былъ замѣченъ Петромъ I, который сталъ употреблять его, какъ переводчика. Остерманъ умѣлъ также обратиться на себя благоволеніе князя Меншикова, который вывелъ его такъ скоро, что онъ сдѣлался вице-канцлеромъ на мѣсто барона Шафрова, который также ему покровительствовалъ. По смерти Царицы Екатерины, Меншиковъ сдѣлалъ его наставникомъ и оберъ-гофмейстеромъ Петра II, и за это Остерманъ сталъ стараться о погибели своего благодѣтеля и скоро успѣлъ въ этомъ. Онъ имѣлъ всѣ пужныя способности, чтобы быть хорошимъ министромъ и удивительную дѣятельность. Онъ истинно желалъ блага Русской землѣ, но былъ коваренъ въ высочайшей степени, и религіи въ немъ было мало, или лучше, ни какой; былъ очень скупъ; но не любилъ взл-

токъ. Въ величайшей степени обладалъ искусствомъ пригворяться и съ такою ловкостію умѣлъ придавать лоскъ негнны самой явной лжѣ, что могъ бы провести хитрѣйшихъ людей. Словомъ, это было великій министр; но послѣку онъ былъ чужеземецъ, то не многіе изъ Русскихъ любили его, и по тому нѣсколько разъ былъ близокъ къ паденію, однако же всегда умѣлъ выпутываться изъ сѣтей.

Князь Дмитрій Голицынъ.

Князь Дмитрій Голицынъ, министръ верховнаго совѣта, былъ однимъ изъ числа тѣхъ стариковъ, которые покачивая головою, всегда говорили: «Къ чему всѣ сіи затѣи? развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ жилали наши отцы и дѣды, которые не пускали къ себѣ иноземцевъ!»

Впрочемъ онъ былъ человѣкъ свѣдущій; но чрезвычайно злый, несносно тщеславенъ и до невѣроятности гордъ.

Князь Василій Долгоруковъ.

Князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, также министръ верховнаго совѣта, былъ умелъ и не дурень собою. Онъ былъ посланникомъ въ Швецію, Данію, Польшу и во Францію, и встоду заслужилъ имя искуснаго и хитраго министра. Онъ очень хорошо говорилъ на многихъ языкахъ, и съ нимъ пріятно было провести время въ разго-

ворахъ; но вмѣстѣ съ симъ онъ очень любилъ взятки, не имѣлъ ни чести, ни совѣсти, и способъ былъ на все по корыстолюбію. Наконецъ, онъ понесъ достойную казнь за свои интриги: Царица сослала его на одинъ пустынный островъ Бѣлаго моря.

Князь Алексѣй Долгоруковъ.

Князя Алексѣя Долгоруковъ, второй наставникъ Царя Петра II, министръ верховнаго совѣта и отецъ фаворита, былъ ума очень ограниченнаго, и не зная никакихъ хорошихъ свѣтскихъ обращеній, былъ коваренъ и не терпѣлъ иностранцевъ; былъ рабомъ Двора, предавъ стариннымъ обычаямъ и набить тщеславіемъ до того, что вздумалъ возвести на престолъ дочь свою, заставивъ Царя Петра II жениться на ней. Но преждевременная смерть Государя разрушила его замыслы, а Царица Анна сослала его въ Сибирь, со всею его семействомъ.

Голицыны, Фельдмаршалъ.

Фельдмаршалъ князь Голицынъ, герой Россіи, былъ человекъ умный и благородный; очень хорошо зналъ военное искусство, былъ храбръ и любилъ войскамъ; смѣлъ, отваженъ и великодушенъ; иноземцевъ не любилъ; но не смотря на это отдавалъ справедливость достойнымъ изъ нихъ; знатные люди его боялись, а Петръ I

уважалъ. Словомъ, сто былъ истинно великій человекъ.

Долгоруковъ, фелдмаршалъ.

Фелдмаршалъ, князь Долгоруковъ, человекъ умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавшій военное искусство. Онъ не умѣлъ притворяться и часто доводилъ искренность до излишества; былъ отваженъ и очень тщеславенъ; другъ искренній, врагъ непримиримый; не лъзя сказать, что бы онъ ненавидѣлъ иностранцевъ, но и не жаловалъ ихъ слишкомъ. Онъ жилъ благородно и я по истинѣ могу сказать, что это такіи Русскій вельможа, который болѣе всѣхъ приносилъ чести своему отечеству.

Князь Михаилъ Долгоруковъ.

Князь Михаилъ Долгоруковъ, братъ фелдмаршала, былъ такіи тщеславный человекъ, какого я не встрѣчалъ никогда: для него все было бездѣлица; по вмѣстѣ съ симъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, что бы только достигъ до своей цѣли. Ума у него было не много; онъ лгалъ ужаснымъ образомъ; былъ коваренъ; не любилъ никого и скупъ до чрезвычайности; словомъ, въ немъ не было ничего путнаго.

Санига, фелдмаршалъ.

Фелдмаршалъ Санига, Полякъ, не отличался ни чѣмъ, кромѣ личной храбрости; по о воспе-

номъ искусствѣ не имѣлъ и начального понятія; ума въ немъ не было ни крошки; онъ былъ зло-памятенъ и горячъ, коваренъ и способенъ на все, лишь бы только достигъ до своего намѣренія; напивался каждый день.

Трубецкій, Фелдмаршалъ.

Фелдмаршалъ князь Трубецкій былъ очень простъ и тщеславенъ, впрочемъ человекъ добрый, онъ заикался.

Брюсъ, Фелдмаршалъ.

Фелдмаршалъ Брюсъ родился въ Москвѣ; отецъ его былъ Шотландецъ. Онъ служилъ съ величайшимъ отличіемъ и Петръ I очень уважалъ его; одаренный большими способностями, онъ хорошо зналъ свое дѣло и Русскую землю, а неукоризненнымъ ни въ чемъ поведеніемъ, онъ заслуживалъ общую къ себѣ любовь и уваженіе

Князь Черкасскій.

Князь Черкасскій, человекъ благородный, умный, образованный лучше многихъ своихъ соотечичей, отличавшійся безкорыстіемъ и любившій иностранцевъ; но робкій и перъшительный.

Графъ Биронъ.

Графъ Биронъ, обер-камергеръ и любимецъ Царницы Анны, родомъ Курляндецъ, долго служившій Ея Величеству съ величайшимъ вѣрно-

стію. Въ обращеніи онъ былъ весьма вѣжливъ; имѣлъ хорошее воспитаніе; любилъ славу своей Государыни и желалъ быть для всѣхъ пріятнымъ; но ума въ немъ было мало и по тому позволялъ другимъ управлять собою до того, что не могъ отличать дурныхъ совѣтовъ отъ хорошихъ. Не смотря на все это, онъ былъ любезенъ въ обращеніи; наружность его была пріятна; имъ владѣло честолюбіе, съ большею примѣсью тщеславія.

Графъ Левенвольдъ, старшій.

Графъ Левенвольдъ старшій, генераль-лейтенантъ, полковникъ третьяго гвардейскаго полка, родомъ Лифляндецъ: человекъ одаренный способностями, храбрый, отважный и живой. Онъ любилъ славу своей Государыни и пользовался особенною довѣренностію Ея Величества; но Русскіе ненавидѣли его за то, что онъ старался употреблять всюду иностранцевъ. Страшный игрокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скряга, онъ любилъ вѣтки; но впрочемъ былъ такой человекъ, съ которымъ можно было совѣтоваться.

Графъ Левенвольдъ, младшій.

Графъ Левенвольдъ, младшій братъ вышесказаннаго, оберъ-гофмаршалъ, былъ такого дурнаго характера, какихъ я встрѣчалъ мало. Счастіемъ своимъ онъ былъ обязанъ женщинамъ. Ни что не останавливало его въ достиженіи его намѣре-

нія, и онъ не пощадилъ бы лучшаго своего друга и благодѣтеля, если бы видѣлъ для себя какую либо изъ того пользу. Честолюбіе его и тщеславіе простиралось до высочайшей степени. Регинъ въ немъ совсемъ не было и едва ли онъ вѣрилъ въ Бога, одна только корысть управляла имъ; онъ былъ лживъ и коваренъ. Всѣ вообще его ненавидѣли. Но вмѣстѣ съ симъ, онъ былъ ловокъ въ обращеніи, хорошо служилъ и умѣлъ давать блестящіе при Дворѣ праздники; наконецъ въ немъ былъ умъ и красивая наружность.

ГЕНЕРАЛЬ ВЕЙСБАХЪ.

Генераль Вейсбахъ, Нѣмецъ, не дальнаго ума. Онъ считалъ себя величайшимъ полководцемъ; но другіе не только не говорили о немъ, а напротивъ имѣли дурное мнѣніе, какъ о его храбрости, такъ и о его опытности. Онъ былъ скупъ и тяжелъ въ обращеніи, а впрочемъ честный человѣкъ.

ГЕНЕРАЛЬ БОНЪ.

Генераль Бонъ, также Нѣмецъ, генераль отъ инфантеріи, служилъ долго и порядочно зналъ свое дѣло; человѣкъ честный, но чрезвычайно робкій, если боялся навлечь на себя неудовольствіе Двора. Въ обращеніи онъ былъ остороженъ и холоденъ со всѣми, а съ офицерами своими поступалъ съ неизъяснимою надмѣнностію.

ГЕНЕРАЛЬ ЛАССИ.

Генераль Ласси, генераль отъ инфантеріи, родомъ Ирландецъ, зналъ свое дѣло въ совершенствѣ; его любили и онъ былъ человекъ честный, неспособный сдѣлать ничего дурнаго и вездѣ пользовался бы славою хорошаго генерала.

ГРАФЪ МИНИХЪ.

Графъ Минихъ, Нѣмецъ, служилъ генераломъ отъ артиллеріи: онъ очень хорошо зналъ военное дѣло и былъ отличнымъ инженеромъ; но самолюбивъ до чрезвычайности, весьма тщеславенъ, а честолюбіе его выходило изъ предѣловъ. Онъ былъ лживъ, двусуденъ, казался каждому другомъ, а на дѣлѣ не былъ ни чѣмъ; внимателенъ и вѣжливъ съ посторонними, онъ былъ неспособенъ въ обращеніи съ своими подчиненными.

ГЮНТЕРЪ, ГЕНЕРАЛЬ.

Генераль Гюнтеръ, Нѣмецъ, былъ генераломъ отъ артиллеріи: дѣло свое зналъ очень хорошо; былъ честный человекъ, надежный и постоянный другъ своимъ друзьямъ; но врагъ непримиримый и весьма мстительный; онъ былъ уменъ и очень уважаемъ отъ Русскихъ.

МАТЮШКИНЪ, ГЕНЕРАЛЬ.

Генераль Магюшкинъ, генераль отъ инфантеріи, служилъ очень хорошо и порядочно зналъ

свое дѣло; человекъ добродѣтельный и совершенно честный.

Г р а ф ъ Я г у ж и н с к і й

Графъ Ягужинскій, генераль отъ кавалеріи и оберъ-штабмейстеръ, родомъ Полякъ, и очень низкаго происхожденія. Пришедъ въ Россію въ молодыхъ очень лѣтахъ, онъ принялъ Русскую вѣру и такъ поправился Петру I, что сей Государь любилъ его нѣжно до самой своей смерти. Онъ не слишкомъ много зналъ военное дѣло, да и самъ не скрывалъ этого; но былъ человекъ умный, способный, смѣлый и рѣшительный. Полюбивъ кого одинъ разъ, онъ оставался ему искреннимъ другомъ, а если дѣлался врагомъ, то явнымъ. Говорили, будто онъ лживъ; но я не замѣтилъ въ немъ этого порока. Рѣшась на что-либо, онъ былъ твердъ въ исполненіи онаго, и къ Государямъ своимъ былъ весьма привязанъ. Но если случалось ему выпить лишній стаканъ вина; то онъ могъ надѣлать множество глупостей; однако же послѣ, оставивъ эту дурную привычку, онъ сдѣлался совсемъ другимъ. Словомъ, это былъ одинъ изъ способнѣйшихъ людей въ Россіи.

Ч е р н ы ш е в ъ , г е н е р а л ѣ .

Генераль отъ инфантеріи Чернышевъ, былъ умень, храбръ и служилъ хорошо; но былъ чрезвычайно скупъ и лживъ, и нелюбилъ иноземцевъ.

Князь Юсуповъ.

Князь Юсуповъ, генералъ отъ инфантеріи, татарскаго происхожденія, родной братъ котораго былъ въ то время еще магометаниномъ: человекъ хорошій, хорошо служившій и довольно хорошо знавшій свое дѣло; онъ былъ покрытъ ранами; любилъ чужеземцевъ, весьма привязанъ къ своему Государю; словомъ, былъ однимъ изъ тѣхъ людей, кои идутъ прямою дорогою; но сильно любилъ пить.

Ушаковъ, генералъ.

Ушаковъ, генералъ отъ инфантеріи, человекъ храбрый, исполненный чести, чрезвычайно привязанъ къ своему Государю; сердце у него доброе.

Салтыковъ, графъ.

Графъ Салтыковъ, генералъ отъ инфантеріи и оберъ-гофмейстеръ, человекъ весьма хорошій. Онъ служилъ очень хорошо и былъ весьма храбръ; хотя умъ у него былъ небольшой, но онъ зналъ свое дѣло.

Мамоновъ, генералъ.

Мамоновъ, генералъ отъ инфантеріи: человекъ храбрый, умный и рѣшительный; служилъ хорошо и былъ хорошій офицеръ; но былъ золъ и коваренъ, и все его боялись.

Б а р о н ъ А б и с д а л ь .

Баронъ Абисдаль, оберъ-церемоніймейстеръ, родомъ Швейцарецъ; человекъ чрезвычайно умный, съ большими свѣдѣніями и удивительной памяти. Онъ былъ остороженъ; честный человекъ; любилъ своихъ друзей и не довѣрялъ тѣмъ, коихъ дружба казалась ему сомнительною; по предавался неограниченно тѣмъ, которыхъ зналъ за честныхъ людей, и кои полагались на его довѣренность. Онъ былъ очень привязанъ къ службѣ своего Государя и уважаемъ всѣми. Ни о комъ не говорилъ онъ дурно, и по негнѣ былъ такимъ человекомъ, котораго называютъ честнымъ и некорыстолюбивымъ.

Вотъ характеры знатнѣйшихъ людей, съ которыми я былъ знакомъ при Русскомъ Дворѣ. Теперь я скажу свое мнѣніе о всѣхъ чужестранныхъ министрахъ, кои тамъ были въ одно со мною время.

Г р а ф ъ В р а т и с л а в с к і й .

Графъ Вратиславскій, посолъ Императора, происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ домовъ Богемскихъ. Долгое время былъ онъ министромъ при Ратисбонскомъ сеймѣ, а по томъ посломъ въ Польшу, откуда былъ перемѣщенъ въ Россію, по смерти графа Рабутинскаго. Но не лзя было выбрать человека къ етому Двору, хуже его. Рус-

скіе люблять, что бы чужестранные министры были вѣжливы, щедры и жили великолѣпно, а въ графѣ не было ни одного изъ сихъ качествъ. Хотя онъ и твердилъ о своемъ великолѣпнн; но жилъ такъ, что всегда замѣтна была какал-то скупость. Онъ безпрестанно хвастался добротою своего сердца; но я не зналъ человѣка лживѣ его: болтунь до того, что не позволялъ никому сказать слова и не слушалъ того, что ему говорили. Воспитанія не имѣлъ ни какого, и по тому обращался очень невѣжливо со всѣми, даже съ дамами. Онъ былъ очень пристрастенъ и метителенъ; ума въ немъ было мало, а самолюбіе несносное. Я не зналъ человѣка, которъй такъ легко довѣрялъ бы всякому. Словомъ, онъ скорѣе способенъ былъ забавлять дѣтей сказками старухъ, чемъ быть министромъ, и кажется, что друзья графа Рабутинскаго послали его въ Россію для того только, что бы увѣковѣчить тамъ память послѣдннго, котораго поведеніе и искусство были удивительны.

Баронъ Мардефелдскій, старшій.

Баронъ Мардефелдскій старшій былъ десять лѣтъ Прусскимъ полномочнымъ министромъ въ Россіи: былъ очень уменъ, рисовалъ отлично и очень хорошо игралъ на лютнѣ, и могъ бы считаться любезнымъ и пріятнымъ въ обществѣ человѣкомъ, если бы все это не потемннлось

множествомъ его недостатковъ. Душа въ немъ была такая корыстолюбивая, что онъ изъ денегъ готовъ былъ пуститься на все. Религiн въ немъ не было никакой, и не смотря на это, онъ былъ непримиримый врагъ католицизма. Миѣ не случалось видѣть человѣка, который бы такъ былъ увѣренъ въ успѣхъ всего, чего ни пожелаетъ, и по етому легкомыслию онъ разсѣвалъ такiя новости, коихъ основанiемъ было одно только его желанiе, что бы онъ были справедливы. Онъ былъ золь и лживъ, неспособенъ дѣлать никому добра; но очень склоненъ надѣлать много зла, не только умышенно, но и по тому, что управлялся во всемъ пристрастiемъ. Самолюбiе его было ужасно, и ему ничто не казалось хорошимъ, кромѣ того, что было сдѣлано имъ самимъ или отверженными къ нему. Словомъ, можно сказать, что онъ былъ любезный повѣса, любившiй забавляться и хорошо покушать.

Баронъ Мардефельдъ, младшiй.

Баронъ Мардефельдъ, племянникъ и преемникъ вышесказаннаго, былъ человѣкъ умный, но очень злый, не имѣвшiй ни какой чести. Онъ велъ очень дурную жизнь: любилъ играть и проигрывалъ болѣе, чемъ могъ заплатить; не имѣлъ ни малѣйшей способности быть министромъ, и обладалъ всѣми пороками своего дяди, не имѣлъ хорошихъ его качествъ.

Л Е Ф О Р Т Ъ .

Г. Лефортъ, чрезвычайный Польскій посланникъ, родомъ Женевецъ и племянникъ славнаго Лефорта, любимца Петра I. Это былъ весьма хорошій человекъ, неспособный ни къ чему такому, что могло бы занять его характеръ. Онъ былъ совершенно безкорыстенъ и готовъ жертвовать всею для своихъ друзей; очень хорошо зналъ все, что дѣлалось; и за все это его уважали при Дворѣ. Но хотя онъ былъ и не глупъ; но о дѣлахъ говорилъ такъ дурно, какъ будто ни одно не бывало у него въ рукахъ. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ и онъ жилъ довольно хорошо.

В е с т ф а л е н ь .

Г. Вестфаленъ, чрезвычайный посланникъ Дацкій; былъ уменъ, опытенъ и имѣлъ много познаній; человекъ очень честный, ни мало неспособный къ дурнымъ какимъ дѣламъ и очень привязанный къ службѣ своего Государя; но самолюбіе и тщеславіе его были неспособны. Безпрестанно занятый величествомъ своего Короля, онъ думалъ, что все Государя должны уступать его Государю. Онъ обсуживалъ все и выводилъ важные заключенія изъ пустяковъ, случавшихся при Дворѣ или между дипломатическимъ корпусомъ. Онъ жилъ очень уединенно, и рѣдко ѣзжалъ на чужіе обѣды для того, что бы не быть принужденнымъ звать къ себѣ другихъ.

Б а р о н ь Ц е д е р к р е й ц ь .

Баронъ Цедеркрейцъ, чрезвычайный посланникъ Шведскій, былъ очень красивый мужчина. Онъ слѣдовалъ за Карломъ XII во всѣхъ его походахъ, былъ честный человѣкъ и любилъ своихъ друзей; но былъ не дальняго ума и легко позволялъ себѣ обманывать. Жена его, которая управляла имъ совершенно, была коварна, тщеславна и скупа.

Д и т м а р ь .

Г. Дитмаръ, преемникъ Цедеркрейца, человѣкъ былъ не глупый и хороший; былъ не словоохотенъ, зналъ хорошо Русскій языкъ и его любилъ всѣ.

Б а р о н ь С т а м б к е н ь .

Баронъ Стамбкенъ, посланникъ Голштинскій; былъ человѣкъ весьма разсудительный, писалъ удивительно хорошо; но говорилъ дурно. Онъ былъ остороженъ, ученъ и скромнень; служилъ хорошо своему Государю, жилъ благородно и выпивалъ каждый день. Впрочемъ онъ любилъ своихъ друзей и былъ неспособенъ сдѣлать что либо дурное.

Г р а ф ь Б о н д е .

Графъ Бонде, преемникъ вышесказаннаго, былъ такой глупецъ, какихъ я встрѣчалъ рѣдко: невѣжда, тяжелъ въ обращеніи, надоедавшій своими вопросами и со всемъ тѣмъ думавшій, что

въ немъ много ума. Онъ былъ золь и скупъ, такъ что изъ денегъ готовъ былъ сдѣлать всякую подлость; словомъ, ето былъ человѣкъ безъ всякихъ достоинствъ.

ГЕНЕРАЛЬ ТЕССИНЬ.

Генераль Тессинъ, также министръ Голштинскій, очень отличался отъ своего товарища; въ немъ было много ума. Получивъ хорошее воспитаніе, онъ былъ любезенъ, веселъ, очень откровененъ и неспособенъ ни къ какой подлости; словомъ, человѣкъ совершенный во всѣхъ отношеніяхъ и хорошій министръ.

ДЕДЬЕ (De Dieu).

Г. Дедье, чрезвычайный посланникъ Голландскій, не имѣя ни способностей, ни ума, ни достоинства, былъ невѣжда, дурно воспитанъ, тяжелъ въ обращеніи, и настоящій Голландецъ.

БАРОНЪ АССЕБУРГЪ.

Баронъ Ассебургъ, посланникъ Волфенбюттельскій, молодой человѣкъ, знатнаго происхожденія былъ умнъ, остороженъ, скромнъ и исполненъ чести и добрыхъ качествъ, и при томъ любезенъ въ обращеніи и умѣлъ быть хорошимъ другомъ.

БАРОНЪ КРАМЪ.

Баронъ Крамъ, посланникъ Бланкенбургскій, походилъ на обезьяну и былъ настоящій педантъ; всегда погруженный въ политику, онъ каждый

день ходилъ по министрамъ, что бы думали, что онъ трактуеть о дѣлахъ. Онъ былъ не глупъ; но лживъ, хотя почти плакалъ о всякой бездѣлицѣ. Онъ считалъ себя за величайшаго министра въ Европѣ, хотя могъ быть только хорошимъ школьнымъ учителемъ.

Б а р о н ъ О с т е р м а н ъ.

Баронъ Остерманъ, посланникъ Мекленбургскій и братъ вице-канцлера, былъ величайшій глупецъ; но не смотря на это, считалъ себя человѣкомъ съ величайшими способностями. Онъ всегда говорилъ загадками; жилъ очень уединенно и его никто не уважалъ.

Г о г е н ц о л л е р н ъ.

Г. Гогенцоллернъ, резидентъ Императорскій, былъ человѣкъ честный, добросердечный; но глупый, не знавшій ничего, и пьяница. Но, не смотря на это, онъ хорошо зналъ Русскую землю.

В и л д е.

Г. Вилде, резидентъ Голландскій, изъ Амстердамскихъ купцевъ, не имѣлъ ни ума, ни достоинства, и скорѣе былъ купцемъ, нежели министромъ. вмѣстѣ съ симъ онъ былъ скупъ и служилъ посмѣшищемъ для Двора, также какъ и его жена, которая прежде была у него кухаркою.

ПРИМЪЧАНІЯ.

I (стр. 2). О болѣзненныхъ припадкахъ, отъ которыхъ скончалась Им. Екатерина I, архіатеръ (т. е. лейбъ-медикъ) Блюментростъ сообщилъ Россійскому министерству слѣдующее описаніе. «ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, 10 числа апрѣля впала въ горячку, отъ которой въ седьмой день, т. е., 16 числа, чрезъ кризисъ облегченіе имѣла, и потому нѣсколько дней надежду имѣла къ выздоровленію; но по томъ кашель, который она и прежде сего имѣла, токмо не весьма великой, сталъ умножаться, такожде и фебра (лихорадка) приключилась и въ большее безсильство приходитъ стала, и признакъ объявила, что нѣсколько поврежденія въ легкомъ быть принадлежало, и мнѣніе дало, что въ легкомъ имѣеть быть фомика (нарывъ), которая за четыре дня до ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА смерти явно оказалась, поспеже, по великомъ кашлѣ, прямой гной, въ великомъ множествѣ, почала ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО выплевывать, что до ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА кончины не преставала, и отъ той фомики, 6 дня Мая, съ великимъ покоемъ престаивалась.»

2 (стр. 3). Духовное завѣщаніе, или, по тогдашнему, тестаментъ, заключалось въ слѣдующихъ статьяхъ:

- I. Великому Князю Петру Алексѣевичу быть наследникомъ, и
- II. Пользоваться всѣми правами и преимуществами, какими пользовались и Мы.
- III. Въ правленіе ему вступить не прежде, какъ на 16 году возраста своего.
- IV. Во время Его малолѣтства правленіе поручить: двумъ Нашимъ Принцессамъ, Герцогу и прочимъ членамъ Верховнаго Совѣта, который долженъ состоять не болѣе, какъ изъ 9 особъ.
- V. Совѣту сему имѣть полную власть, равную Государской, кромѣ того только, что онъ ничего не можетъ перемѣнить въ наследіи престола.
- VI. Все должно быть рѣшено по большинству голосовъ, а особо никто приказать не можетъ ничего.
- VII. Великому Князю присутствовать при разсужденіяхъ совѣта; но, по окончаніи регентства, онъ не можетъ требовать ни отъ кого отчета въ произведенныхъ дѣлахъ.
- VIII. Если Великій Князь безъ наследниковъ преставится; то имѣть по немъ Цесаревна Анна, съ своими десцендентами, по ней

Цесаревна Елисавета, съ ея десцендентами, и по томъ Великая Княжна и ея десценденты, наследовать. Однако же, мужеска пола наследники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ, и никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не Греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ.

- IX. Каждая изъ Принцессы, въ вознагражденіе за исключеніе изъ наследіи своего родителя, сперхъ приданаго, состоящаго въ 300 тысячахъ рубляхъ, должна получить наличными деньгами одинъ миліонъ рублей, который будетъ имъ выплачиваемъ мало по малу во время малолѣтства Великаго Князя, съ тѣмъ; чтобы ни оиъ, ни супруга его, не могли уже послѣ никогда требовать того обратно. Сверхъ того, обѣ Принцессы получаютъ для себя и для фамиліи своей все наше движимое имѣніе, какъ то: драгоценныя каменья, золото, серебро и екипажи, принадлежащія собственно Намъ, а не казнѣ; недвижимое же Наше имѣніе и земли, принадлежавшія Намъ до вступленія на престолъ Всероссійскій, должны быть, по всей справедливости, раздѣлены, составляющими регентство, между прочими ближайшими родственниками Нашими.

- X. Во время регентства каждой Принцессѣ выдавать сверхъ вышеписаннаго, по 100 тысячъ рублей ежегодно.
- XI. Принцессѣ Елисаветѣ вступить въ бракъ съ Герцогомъ Шлезвикъ-голштинскимъ, Епископомъ Любскимъ, на что и даемъ Мы Наше материнское благословеніе.
- XII. Принцессамъ Нашимъ и составляющимъ регентство стараться также соединить бракомъ Великаго Князя съ одною изъ княженъ, дочерей князя Меншикова.
- XIII. Все то, чемъ пользовался уже Его Королевское Высочество Герцогъ, ни когда не можетъ быть требовано отъ него назадъ, ниже въ счетъ поставлено.
- XIV. Все сіе, по кончинѣ Нашей, должно быть обнародовано, подтверждено присягою и строжайше соблюдено; сопротивляющійся сему наказанъ да будетъ, какъ измѣшникъ, въ чемъ потребовать гарантіи отъ Римскаго Императора.
- XV. Вся фамилія Наша должна жить между собою въ согласіи, страшась, въ противномъ случаѣ, подвергнуться материнскому Нашему проклятію. Великому Князю не оставлять Голштинскаго Дома, пока сохранится въ немъ потомство Наше; достигнувъ же совершеннолѣтія, долженъ Онъ исполнить

все, что можетъ еще недоставать къ тому, что Нами здѣсь выше упомянуто.

XVI. Въ случаѣ, если Принцессы отсюда отъѣдутъ, дать имъ свободный пропускъ, а для Голстинскихъ министровъ купить приличный домъ, свободный отъ всѣхъ обывательскихъ повинностей.

Подписано: Екатерина.

Учинено въ С. Петербургѣ

1727 года мая 6 дня.

Его духовное завѣщаніе заимствовано мною изъ имѣющихся у меня выписокъ. Въ нихъ также подъ 19 мая сказано слѣдующее: «Предъ выходомъ изъ собранія, занечатана, при всѣхъ членахъ совѣта, духовная Императрицы Екатерины I, малою печатью Г. канцлера, и пакетъ сей положенъ въ шкатулу, гдѣ хранятся государственныя печати; ключъ отъ оной канцлеръ взялъ къ себѣ, приложивъ и къ шкатулкѣ свою же печать и поставивъ ее въ лучшей шкафъ изъ имѣющихся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.»

Но въ тѣхъ же выпискахъ, составлявшей оныя замѣчаетъ слѣдующее: «Отъ нѣкоторой особы, все «вѣроятіе заслуживающей, и занимавшей одну «изъ первѣйшихъ въ государствѣ степеней, сказано мнѣ, что Императрица Анна Иоанновна, по «возшествіи на престолъ, приказала: *подлинное* «завѣщаніе *сжечь*, и что канцлеръ графъ Голов-

«кинъ оставилъ у себя съ онаго списокъ, на которомъ своею рукою отмѣтилъ о сожженіи подлинника. Но какъ и сего въ дѣлахъ нѣтъ; то статьи изъ тестамента, здѣсь помѣщенные, переведены изъ книги, известной подъ заглавіемъ: «Supplement au corps diplomatique, par Rousset, том II, part. II, pag. 488.

3 (стр. 4). Причины, заставившія Герцога Голстинскаго и супругу его выѣхать изъ Россіи, обстоятельно описаны въ сочиненіи К. И. Арсеньева.

4 (стр. 4). Настоящая исторія опалы Дивіера съ товарищами была слѣдующая. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Меншикова, которая вышла за него совершенно противъ воли своего брата, отъ чего сдѣлалась между ими смертельная ненависть. Во время жизни Петра Великаго они не могли вредить другъ другу; но послѣ Его кончины, Меншиковъ, сдѣлавшись самовластнымъ тѣмъ сильнѣе поразилъ своего врага. Вотъ какъ происходило это дѣло, которое я заимствую изъ имѣющихся у меня выписокъ.

Меншиковъ, своимъ самовластіемъ, сдѣлался ненавистнымъ для всѣхъ. Сверхъ того Дивіеръ, съ нѣкоторыми другими, былъ употребленъ Петромъ Великимъ по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича, и по тому они боялись, что бы сынъ его, сдѣлавшись Императоромъ, не погубилъ ихъ, и его

опасеніе заставило ихъ помышлять о средствахъ лишить Его наслѣдства. Они воспользовались отъѣздомъ Меншикова въ Курляндію, и стали внушать Императрицѣ, что для усовершенія юнаго Царевича въ наукахъ, необходимо нужно отправить его въ чужіе краи, полагая, что если бы въ это время Екатерина кончила жизнь свою; то имъ можно бы было возвести на престолъ, не Петра, находящагося за границею, а Герцогиню Голстинскую Анна Петровну. Но какъ при этомъ они знали, что Меншиковъ возвратясь, легко можетъ уничтожить ихъ замыслы, то и старались чернить его въ глазахъ Императрицы, что имъ и удалось; ибо и сама Государыня тяготилась уже властію, которую позволила имѣть надъ собою Меншикову, и подписала указъ арестовать его прежде, нежели онъ возвратится въ Петербургъ. Но счастье и тутъ помогло своему баловню: графъ Бассевичъ, министръ Герцога Голстинскаго, вздумалъ спасти его; не большого труда стоило ему убѣдить своего Государя вступить за Меншикова, а Герцогу столь же легко было склонить и Екатерину.

Меншиковъ, возвратясь въ Петербургъ, узналъ о злоумышленіи на него Дивіера съ товарищами, и искалъ случая низвергнуть ихъ въ ту яму, которую они для него копали; наконецъ, случа сей предсталъ.

Въ апрѣль 1727, Екатерина впаала въ жестокою болѣзнь. Почувствовавъ облегченіе, она узнала, что всѣ пріѣзжавшіе ко Двору вельможи, были въ превеликой печали, кромѣ Дивіера, который былъ отъменно весель, шутилъ, смѣялся, и даже не оказывалъ Царевнамъ должнаго (*рабскаго*) респекта. Правда ли это была, или нѣтъ; но ей такъ сказали, и весьма естественно, что его воспалило ее гнѣвомъ. Она подписала 26 апрѣля указъ о составленіи комисіи для произведенія слѣдствія о продерзостяхъ, злыхъ совѣтахъ и намѣреніяхъ Дивіера, и къ тому, по изустному ея повелѣнію, было прибавлено слѣдующее: «И кромѣ того, во время Нашей, по волѣ Божіей, прежестокон болѣзни, многимъ грозилъ онъ Дивіеръ и напоминалъ съ жестокостію, чтобъ всѣ его боялись.» На слѣдующій день, князь Меншиковъ доставилъ въ комисію записку и пункты, по которымъ надлежало допросить Дивіера. Записка эта начиналась слѣдующими словами: «Понеже объявили Намъ Ихъ Высочества Государыни Цесаревны, что сего мѣсяца 16 числа, во время Нашей, по волѣ Божіей, жестокой болѣзни *параксизимусъ*, всѣ доброжелательные Наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Девіеръ, въ то время будучи въ домѣ Нашемъ, не токмо не былъ въ печали, но и веселился. . . » За симъ описываются его преступленія: 1) пла-

кавшую Софью Карлусовну вертѣль вмѣсто танцевъ и говорилъ: не надобно плакать; 2) въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадивъ съ собою Всликаго Князя шепталъ ему: поѣдемъ со мною въ коляскѣ; будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой; 3) Царевнѣ Аниѣ Петровнѣ, бывшей въ безмѣрной печали, онъ, сидя на той же кровати, сказалъ смѣясь: о чемъ печалишься? выпей рюмку вина. Рейхсмаршалъ генералъ-фелдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь, видя такіа Дивіеровы злые поступки, сказалъ Ихъ Высочествамъ, чтобъ онъ его не слушали, а былъбъ всегда при матушкѣ съ нимъ, свѣтлѣйшимъ княземъ вмѣстѣ.

Меншикову казалось, что слѣдствіе надъ Дивіеромъ идетъ медлѣнно и при томъ видя, что въ жизни Императрицы не было ни какой надежды, онъ поднесъ ей, 5 мая, къ подписанію слѣдующій указъ: «Сочинивъ по дѣлу Антопа Дивіера и его сообщниковъ экстрактъ и положивъ сентенцію, соотвѣтственно воинскимъ регламентамъ и указамъ, представить все то на другій день, т. е., 6 числа, а буде нѣкоторые сообщники не были еще допрашиваны, таковыхъ за краткостію времени допросить послѣ.»

Императрица скончалась на другій же день, т. е., 6 мая, около 9 часовъ по полудни; по сентенціи надъ Дивіеромъ и его сообщниками;

вѣролтно, была приведена въ исполненіе еще по утру, а по восшествіи на престолъ Петра II былъ изданъ, 26 мая, манифестъ о томъ, что «открылись такіе мятежники, которые тайнымъ образомъ совѣщались противу устава и соизволенія Императрицы Екатерины I о наследованіи Россійской короны царствующему Императору» и вымыслили всякіе коварства, какимъ бы образомъ не только до сего законнаго наследства его не допустить и отлучить въ чужіе края; по каждый изъ нихъ избиралъ наследника по своей волѣ. Въ семь сонмищъ приличились: Антонъ Дивіеръ, Петръ Толстой, Иванъ Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ; а генераль-лейтенантъ Андрей Ушаковъ слыша такіа слова отъ Скорнякова-Писарева не донесъ о томъ, гдѣ надлежитъ. Сверхъ того оказались виновными: Александръ Нарышкинъ и князь Иванъ Долгоруковъ въ томъ, что старались пренятствовать сватовству Императора на княжнѣ Мещниковой. Въ наказаніе за такіе злые умыслы повелѣно: Дивіера и Толстова лишитъ чиновъ и чести, данныхъ деревень и дворовъ, и послать: Дивіера, бивъ кнутомъ, въ Сибирь, а Толстова съ сыномъ Иваномъ, заключить въ Соловецкій монастырь; Бутурлина, лиша всѣхъ чиновъ, послать въ дальнія его деревни; Скорнякова-Писарева, лишивъ чина и чести, и бивъ кнутомъ, послать въ ссылку.

ку, а данныя деревни и дворы у него взять; кплзи Ивана Долгорукаго отлучивъ отъ Двора и унизл чиномъ, записать въ полевые полки; Нарышкина лишить чина и сослать на житье въ деревню; Андрея же Ушакова опредѣлить къ другой командѣ.» См. Полное собраніе законовъ, VII, нум. 5084.

5 (стр. 4). Изъ вышеприведеннаго теста-мента Екатерины I видно Ея желаніе, что бы дочь Ея Принцесса Елисавета вступила въ бракъ съ Герцогомъ, Епископомъ Любскимъ; но онъ умеръ въ Петербургъ 19 мая 1727, отъ оспы.

6 (стр. 5). Въ числѣ сихъ великановъ, было нѣсколько Русскихъ, коихъ Петръ I прислалъ Королю. Меня увѣряли, что потомство ихъ и теперь живетъ въ Потсдамѣ, особою слободою, сохранил православную вѣру, хотя по Русски уже не говорить.

7 (стр. 48). Среди хаотическаго состояніи Двора Петра II, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, внукъ Кирила Полуехтовича, родители второй супруги Царя Алексѣя Михайловича, держалъ себя независимымъ отъ всѣхъ тогдашнихъ партій и считалъ ниже своего достоинства спорить о первенствѣ, которое принадлежало ему по праву рожденія. Дѣйствительно, Нарышкины, со времени Петра Великаго, пользовались при Дворѣ преимуществами, предоставляемыми

обыкновенно Принцамъ крови и вообще считались членами Царскаго Дома. По сему-то, кажется, Дюкъ Лирійскій титулуется сказаннаго Нарышкина графомъ. По симъ родственнымъ отношеніямъ Александръ Львовичъ позволялъ себѣ говорить съ Им. Петромъ съ полною откровенностію и свободою, и смѣло укорялъ его.

Долгоруковы, противъ которыхъ откровенность Нарышкина была направлена прямо, успѣли избавиться отъ него: въ ноябрѣ 1728, было ему повѣлено оставить Москву и жить въ подмосковныхъ его деревняхъ. Нарышкинъ, раздраженный опалою, не переставалъ и въ ссылкѣ говорить о неурядкахъ правительства и говорилъ не только по прежнему свободно, но даже дерзко, какъ горько обиженный и безвинно страдающій. Въ то время, какъ Государь забавлялся охотою близъ села Чашникова, гдѣ жилъ Нарышкинъ, предложено было Александру Львовичу свиданіе съ Императоромъ и доставлялся случай примириться съ нимъ, и испросить прощеніе; но онъ съ презорствомъ отвергъ его предложеніе. Такое явное неуваженіе къ Высочайшей власти и дерзкія слова Нарышкина, переданныя Государю, подвергли его суду по законамъ. Онъ былъ призванъ въ верховный тайный совѣтъ и былъ въ опасности подпасть пыткѣ; но Государь, какъ сказано въ Высочай-

шей резолюціи 14 января 1729, по примѣрной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указалъ опое дѣло розыскомъ (т. е. пыткой) вести, и чтобъ оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не могло разгласиться и въ народъ разсѣяно быть, чего ради указалъ: послать Нарышкина въ дальнюю его деревню безвыходно, въ слѣдствіе чего онъ былъ отправленъ на житье въ Шацкую его деревню. Впрочемъ надобно замѣтить, что допросъ Нарышкину и судъ надъ нимъ производился не въ полномъ собраніи Совѣта, а только двумя членами, Остерманомъ и княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгоруковымъ. По свидѣтельству лицъ, прѣкосновенныхъ къ дѣлу Нарышкина, и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ, Долгоруковы показали себя, при семъ случаѣ, не только злобными и мстительными; но и готовыми посягнуть на чужое достояніе, или преступнокрыстными: они, чрезъ агентовъ своихъ, велѣли сказать Нарышкину, что *когда де онъ отдастъ имъ двѣ вотчины свои: Покровское да Кунцово, то де будетъ по прежнему въ Москвѣ*. Нарышкинъ съ негодованіемъ отвергнулъ постыдное предложеніе и отъ того остался въ опалѣ до самой смерти Петра II: (Арсеньевъ).

8 (стр. 57) См. выше №. 7.

9 (стр. 68). Обрядъ обрученія Им. Петра II съ княжною Долгоруковою происходилъ 30

ноября слѣдующимъ образомъ. Описаніе его заимствовано изъ современныхъ извѣстій.

За день передъ тѣмъ, къ сему торжеству званы были, чрезъ гофмаршала Щепелева, Ея Величество вдовствующая Царица, Госуларыня бабка Его Императорскаго Величества, а Ихъ Высочества: Принцесса Елисавета, Герцогиня Мекленбургская, Принцесса Парасковія, и Ея Высококняжеская Свѣтлость Принцесса Мекленбургская, черезъ Императорскаго камеръ-юнкера; но Принцессы фамилія Долгоруковой и ближніе высокіе сродники отцовою и матерней стороны, для препровожденія Принцессы невѣсты изъ Головинскихъ палатъ ко Двору, были званы чрезъ ихъ собственнаго шталмейстера; также и всѣ прочія знатныя особы обоюга пола, какъ Русскія, такъ и иностранныя, приглашены были въ два часа по полудни обыкновеннымъ образомъ. По прїѣздѣ ихъ во дворецъ, дамы были введены въ апартаменты большой залы и стали по правую руку, а кавалерамъ указаны антикамеры Его Величества.

Опредѣленный для сего торжества большій залъ во дворцѣ былъ убранъ слѣдующимъ образомъ:

Посреди онаго лежалъ большій Персидскій шелковый подножный коверъ, на верхнемъ концѣ котораго стоялъ четверугольный столъ, по

*

крытый золотою парчею, а на немъ лежалъ ковчегъ, въ которомъ былъ св. крестъ; тутъ же, были поставлены двѣ золотыя тарелки, на которыхъ обручальные перстни благословлены быть имѣли. Передъ симъ столомъ, на коврѣ держали за штанги шесть генераль-майоровъ, нарядный, но серебряной парчѣ золотомъ богато вышитый болдахинъ, подъ которымъ Императорское обрученіе отправляться имѣло. Сіи генераль-майоры были: князь Борятинскій, Вендигеръ, Бибиковъ, Измайловъ, Кейтъ, и оберъ-комендантъ Московскій Еропкинъ.

По правую сторону лежалъ такой же долгій шелковый, подножный коверъ, на которомъ Его Величества креслы стояли, а болѣе стульевъ на сей сторонѣ не было.

По лѣвую сторону лежалъ такой же коверъ, на которомъ стояли въ рядъ два зеленыя бархатныя, золотомъ вышитыя кресла, и четыре также вышитыя стула; но сіи послѣдніе немного назадъ отодвинуты были. Кресла были: для Ея Величеста вдовствующей Государыни бабки, и для Ея Высочества Императорской Принцессы невѣсты, а четыре стула: для Ихъ Высочествъ: Принцессы Елисаветы, Герцогини Мекленбургской, Принцессы Парасковіи и Ея Высоконкляжеской свѣлости Принцессы Мекленбургской. За сими стояли, въ другомъ, третьемъ и четвертомъ

ряду, нѣсколько дюжинъ стульевъ для ихъ свѣтлостей: Принцессиной матери, Принцессиныхъ сестеръ и другихъ сродственныхъ Принцессъ, и для другихъ дамъ.

А когда всё ко Двору съѣхались, тогда поднялся его свѣтлость оберъ-камергеръ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, оной Принцессы невѣсты братъ, яко Императорскій, къ сей церемоніи учрежденный принципиальный комисаръ, со свитою Императорскихъ камергеровъ и Императорскихъ знатныхъ каретъ и служителей, въ Головинскій домъ, гдѣ Принцессы фамиліи Долгоруковой въ собраніи были, для препровожденія Императорской Принцессы невѣсты къ сему торжеству.

А когда его свѣтлость оберъ-камергеръ туда прибылъ, тогда онъ, вышедъ изъ кареты, пошелъ въ комнаты и объявилъ причину своей присылки, при томъ просилъ Принцессу къ походу, и сведши ее на низъ, проводилъ до кареты, а самъ былъ въ своей каретѣ. Послѣ сего похода начался слѣдующимъ образомъ:

1. Шли двѣ Императорскія кареты цугами, въ которыхъ сидѣли господа камергеры.
2. Императорская карета цугомъ, для его свѣтлости камергера.
3. Четыре Императорскіе скорохода.
4. Два придворные фурьера верхами.

5. Императорскій шталмейстеръ Кошелевъ верхомъ одинъ.
6. Ея Высочества гвардія гренадеровъ вер-
хами.
7. Четыре Императорскіе постильона.
8. Для привезенія опредѣленная карета цу-
гомъ, въ которой Ея Императорское Высо-
чество, а на противъ ихъ свѣтлости: Прин-
цесса мать и сестры сидѣли. Напередѣ сто-
ли 4 Императорскіе пажа, а назади ѣхалъ
камеръ-пажъ верхомъ, а по сторонамъ шли
6 Императорскихъ гайдуковъ и лакеи, всѣ
въ уборной ливрѣ.
9. Позади слѣдовали прочія придворныя ка-
реты съ Принцессами Долгоруковой фами-
ліи такимъ образомъ, что ближайшіе срод-
ники передъ взяли.
10. Дамы отъ свиты Ея Высочества, которыя
ея придворный штатъ сочиняютъ.
11. Напоследокъ порожнія кареты.

Сей походъ чинился чрезъ такъ называемый
Салтыковъ мостъ, большею улицею въ Нѣмецкой
слободѣ, ко Двору.

И когда сіе шествіе приближалось, то гоф-
маршалъ и оберъ-церемоніймейстеръ, оба съ сво-
ими чиновными тростями, при провозженіи Им-
ператорскихъ придворныхъ кавалеровъ, пошли
въ комнату дамскую, и просили Ея Величество

вдовствующую Государыню бабу, дабы она, купно съ Принцессами крови и прочими дамами изволила идти въ обручальную палату, и когда сіе учинено и назначенные мѣста заняты стали, тогда они, такою же церемоніею, пошли съ большой лѣстницы на шпъ, для приѣма Принцессы невѣсты.

Его свѣтлость Г. оберъ-камергеръ вывелъ ее изъ кареты и взявъ подъ руку проводилъ въ верхъ, а вахта подняла ружье на караулъ, безъ барабаннаго боя.

И какъ скоро она изволила войти въ залу; то учиненъ избранный концертъ на оркестрѣ, въ которое время, когда Принцесса невѣста въ свое мѣсто вступила, оберъ-камергеръ, камергеры и придворные кавалеры, подъ препровожденіемъ гофмаршала и оберъ-церемоніймейстера, пошли въ покои Его Императорскаго Величества, для приведенія онаго также въ то собраніе.

За Его Императорскимъ Величествомъ слѣдовали: ихъ свѣтлости, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, оберъ-камергеръ, генераль-фельдмаршалъ князь Долгоруковъ и другіе знатные сей фамиліи, также ихъ сіятельство и превосходительство, Г. государственный канцлеръ и вице-канцлеръ, и прочіе знатнѣйшіе, и вступили въ залу при боѣ на литаврахъ и играніи на трубахъ.

Когда Его Величество изволилъ войти и стать передъ своими креслами, то музыка престала и церемонія слѣдующимъ образомъ началась:

Его свѣтлость Г. оберъ-камергеръ привелъ Ея Высочество Принцессу, свою сестру, подъ балдахинъ, и когда сіе учинено, то Его Величество изволилъ стать подлѣ се на правой сторонѣ, а при Немъ Его оберъ-гофмейстеръ, его превосходительство Г. баронъ фонъ Остерманъ. Потомъ служащій архіепископъ Новгородскій, по прочтеніи молитвы, присгупилъ къ столу и перстни обоихъ Высокихъ обручальниковъ, каждый на особливой золотой тарелкѣ, положилъ, и потомъ паки предъ столомъ ставъ, оные перстни, по обычаю Греческой церкви, благословилъ, а послѣ, паки подошедъ, обмѣненные перстни вручилъ, по чемъ пѣніе учинено и нѣкоторыя молитвы чтены.

И потомъ Его Величество, внѣ балдахина, на Его Императорское, а Принцесса на ея мѣсто препровождены, и публичныя поздравленія, при цѣлованіи рукъ, начались, въ которомъ времени били въ литавры и троекратная пушечная пальба съ болверковъ учинена.

Его Величество изволилъ церемоніально повести Принцессу невѣсту за руку въ свои апартаменты, и имъ послѣдовали: Императрица Государыня бабка, Императорскія Принцессы, и ихъ

высокіе сродники, гдѣ поданъ былъ сигналъ для зажженія фейерверка; оный зѣло изрядно окончился. Такожъ и прензрядныя иллюминаціи, внутри и внѣ Дворца, состоящія во многихъ тысячахъ фонарей различныхъ цвѣтовъ, которые были зѣло изрядно устроены, предивный видъ казали.

По окончаніи фейерверка начался балъ въ большой залѣ, при которомъ и Ея Величество Императрица Государыня бабка, для показанія сердечнаго своего удовольствія, присутствовать изволила. Между тѣмъ при нѣкоторыхъ столахъ, по соизволенію, кушали, а на другихъ играли.

И когда балъ (который не такъ долго, какъ обыкновенно, продолжался) окончился, тогда Приицесса невѣста еще съ большимъ торжествомъ, нежели какъ привезена, паки назадъ провозжена, а именно: въ каретѣ о осьми коняхъ, при томъ было 8 верховыхъ, 6 нажей, 8 гайдукъ, 8 кавалегардовъ верхами. Ея Высочество въ каретѣ при себѣ никого не имѣла. При походѣ, отъ гвардіи были барабаны, и возвратный походъ съ тѣмъ же провожаніемъ воспріялъ. И тако оный высокопріятный вечеръ счастливо окончился.

10 (стр. 74). Тутъ или описка или ошибка. Меншиковъ умеръ не на берегахъ *Благо* моря, а *Ледовитаго*, въ городѣ Березовѣ.

11 (стр. 72). Въ выпискахъ, имѣющихся у меня, записано слѣдующее:

« Генваря 12, по случаю болѣзни Императора оспою, приказано: отправить изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ ко всѣмъ Россійскимъ при чужеземныхъ Дворахъ министрамъ слѣдующее о томъ извѣстіе:

« Объявляется вамъ чрезъ сіе, для извѣстія «вашего, что понеже Его Императорскому Величеству, всемилостивѣйшему Государю нашему, «въ 7 сего мѣсяца, малый жаръ со рвотою приключился, и по томъ, въ послѣдующіе дни у «Его Величества знакъ оспы явился, которал «такъ и выходитъ начала, что, по мнѣнію докторовъ и по всякой надеждѣ и виду, Его Величество, Божіею помощію, счастливо и безъ «страха, отъ оной освободится; того ради, за «потребно разсуждено, васъ о семъ благовременно «увѣдомить, дабы вамъ при тамошнемъ Дворѣ, «ежели тамо о семъ вѣдомости произойдутъ, пристойнымъ образомъ оное сообщить можно «было, и ежели тамо, гдѣ вы обрѣтаетесь, о семъ «неосновательныя и сему противныя вѣдомости «разгласятся, тобъ вы оныя надлежащимъ образомъ опровергать въ состояніи были.»

Генваря 25, по случаю болѣзни Императора, отправлено вновь къ Россійскимъ въ чужихъ

крякъ министрамъ, вторичное извѣщеніе о миновавшей отъ оспы большей опасности:

«На прошлой почтѣ, о немощи Его Императорскаго Величества, нашего всемилостивѣйшаго Государя, уже объявлено, что у Его Величества оспа счастливо и безъ знака особенной опасности оказывался начала; но потомъ оно такъ продолжалось, что она оспа нынѣ совершенно выступила и уже созрѣла. И тако, за Божіею помощію, Его Императорскаго Величества состояніе въ очевидное влщшее исправленіе приходитъ и, по разсужденію докторовъ, и по всѣмъ человѣческимъ видамъ, надѣяться можно, что въ нынѣшній, яко девятый день отъ начала болѣзни, наибольшая опасность минула, къ чему всещедрый Богъ свою дальшую помощь и сильное благословеніе, даровать да благоволитъ.»

«Генваря 19, по полуночи, въ три четверти перваго часа, скончался отъ оспы Россійскій Императоръ Петръ II, сподобясь предъ кончиною Святыхъ таинъ и муропомазанія.»

12 (стр. 76). Въ имѣющихъ у меня выпискахъ, составлявшей оныя, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «По силѣ духовнаго завѣщанія Екатерины (см. выше), на Россійско-Императорскую корону имѣлъ тогда неотрицаемое право наследный Принцъ Шлесвикъ-Голштинскій Карлъ Петръ Улрихъ (сынъ покойной Герцогини Анны,

дочери Петра I); но члены верховнаго тайнаго совѣта самовластно присвоили себѣ право располагать престоломъ и приступили къ избранію. Прежде всѣхъ нѣкто предложилъ избрать вдовствующую Царицу Евдокію Феодоровну; но старость ея, образъ жизни монашеской и самыя несчастія, при жизни супруга ея воспослѣдовавшія съ нею, отклонили сіе предложеніе общимъ при произнесеніи имени ея, молчаніемъ. Все вниманіе избирателей обратилось тогда на послѣднія отрасли Императорскаго въ Россіи поколѣнія. Старшая дочь Царя Іоанна Алексѣевича, Мекленбургская Герцогиня Екатерина Іоанновна, не избрана для того, что имѣла супругомъ иностранца, который будучи неспокойнаго нрава, могъ по случаю разстроенныхъ дѣлъ своихъ въ Германіи, вовлечь Россію въ разорительную войну. Младшую сестру ея, Великую Княжну Прасковью Іоанновну, признали неспособною правительствовать по слабости ея здоровья. Дщерь Петра Великаго Цесаревна Елисаветъ Петровна, сама не приложила попеченія воспользоваться своимъ правомъ на корону по завѣщанію Пресвѣтлѣйшей Матери своей и, не имѣвъ на своей сторонѣ старыхъ вельможъ, обойдена была, по ихъ произволу, за молодостію лѣтъ ея. Герцогу Голштинскому не захотѣли вручить скипетра, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ Россія не

принуждена была воевать съ Датскимъ Королемъ за Шлезвигъ, и чтобъ не быть подъ игомъ Голстинцевъ, а особливо у министра графа Бассевича, который въ царствованіе Екатерины I, умѣлъ сдѣлаться для всѣхъ несноснымъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта приведены будучи въ заблужденіе примѣромъ Швеціи, и руководствуясь болѣе всего частными выгодами своими, предприняли ограничить самодержавную въ Россіи власть, дабы чрезъ то умножить свою. Выборъ ихъ рѣшился на вдовствующей Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, средней дочери Царя Іоанна Алексѣевича, въ томъ чялнн, что она, за неожиданное сю возвыщеніе, также охотно пожертвуетъ монархическимъ преимуществомъ, какъ и Королева Елсонора.»

Въ выпискахъ генваря 19, т. е., самаго дня кончины Императора, записано слѣдующее:

»Въ 5 часу того же утра разосланы были повѣстки ко всѣмъ, обрѣтающимся въ Москвѣ, воинскимъ и статскимъ чинамъ до полковника, что бы непремѣнно черезъ два часа явились въ собраніе Совѣта, гдѣ и пробыли они до исхода 10 по полуночи, послѣ чего, по древнему обыкновенію, для всенароднаго извѣстія о преставленіи Государя, ударено было трижды въ большій успѣнскій колоколъ.

»Въ Совѣтѣ присутствовали тогда: канцлеръ

графъ Головкинъ; дѣйствительные тайные совѣтники: князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и два генераль-фельдмаршала: князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Володимировичъ Долгоруковъ.

»Послѣ сего чрезвычайнаго собранія приказано было дать язъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ паспортъ отправленнымъ отъ Верховнаго Совѣта: члену онаго князю Василью Лукичу Долгорукову; тайному совѣтнику и сенатору князю Михаилу Михайловичу Голицыну, и генераль-майору Михаилу Леонтьеву, для нѣкоторыхъ дѣлъ въ столичный Курляндскаго княжества городъ Митаву.»

13 (стр. 76). Въ выпискахъ сказано: «Оригинальныхъ бумагъ о ихъ комисіи, въ архивѣ не находится, а осталась одна только слѣдующая собственноручная князя Долгорукова записка: «Роспись письмамъ, отправленнымъ со мною въ Митаву: 1) письмо къ Государынѣ; 2) кондиціи Россійскому правленію; 3) инструкціи, почему поступать; 4) копія съ письма, писаннаго къ Государынѣ и 5) цыфирналъ азбука.»

Кондиціи, предложенныя Императрицѣ, состояли, по удостовѣренію иностранныхъ писателей, въ слѣдующихъ 7 статьяхъ.

1) Que l'IMPERATRICE ne règnerait que par les délibérations du conseil souverain.

2) Que de son chef Elle ne ferait ni la guerre ni la paix;

3) Qu' Elle ne mettrait aucun impot et qu' Elle ne disposerait d'aucune chose de conséquence;

4) Qu' Elle ne punirait de mort aucun gentilhomme sans être auparavant convaincu de son crime;

5) Qu' Elle ne confisquerait non plus des biens de personne;

6) Que Sa Majesté ne pourrait ni disposer de terres appartenantes à la couronne, ni les aliéner;

7) Qu' Elle n'aurait pas la liberté ni de se marier, ni se choisir un successeur, sans demander sur tous ces points l'agrement du Conseil Souverain. (*)

Что касается до *Инструкци*, то оною пове-

(*) Это взято изъ известнаго сочиненія Манштейнова, стр. 36 и изъ *Mercurie historique et politique*, Avril, p. 425, 426. Но по запискамъ Дюка Лирійскаго, кондиціи состояли изъ 11 статей. Недостающія противъ Манштейна 4 статьи суть слѣдующія: 1) Le grand conseil sera composé de 8 membres qui gouverneront la monarchie; 2) Que la czarine ne pourra pas donner un emploi qui soit au de là du grade de colonel; 3) Que les gardes et l'armée entière dépendraient du grand conseil; 4) Que la czarine ne pourrait donner aucun emploi de la cour, soit à un russe ou à quelqu' étranger sans avoir préalablement consulté le grand conseil. Манштейново известіе напечатано также въ сочиненіи Мальгина: *Зерцало Россійскихъ Государей* (СПБ.), стр. 564. 565.

лвалось: объявивъ Государыни о Ея избраніи, предложить упомянутыя кондиціи и убѣждать къ принятію оныхъ. Между прочимъ упомянуто было и о томъ, чтобъ она не изволила брать съ собою въ Москву камеръ-юнкера своего Бирона.

Послѣ сего, января 22, Совѣтъ опредѣлилъ: отправить ко всѣмъ, при чужестранныхъ Дворахъ обрѣгающимся министрамъ Россійскимъ, окружное письмо о кончинѣ Петра II, и о избраніи на престолъ Анны Иоанновны. Письмо это, подписанное канцлеромъ и вице-канцлеромъ, содержало въ себѣ слѣдующее:

«Вамъ уже прежде сего чрезъ двѣ отходящія «отсюда почты дано знать, какимъ образомъ «Его Императорское Величество, нашъ всемило- «ствѣйшій Государь, заболѣлъ оспою, которая «не токмо счастливо и по желанію вышла; но и «до 12 дня отъ начагія сей болѣзни, по общему «докторовъ разсужденію и по всему человѣче- «скому виду, ни какой опасности и страха во все- «дражайшемъ Его Величества здравіи, не явилось; «но въ прошедшее воскресенье, въ 18 день сего «мѣсяца, нечаянно, къ Его Величеству такой жес- «ткою жаръ приступилъ и съ часу на часъ та- «кимъ образомъ умножался, что по полудни въ «1 часу, къ неопisanному сокрушенію и печали «всѣхъ вѣрныхъ Его Величества подданныхъ и все- «го Государства, отъ сего временнаго житія, по

«соизволенію Божескому, отъде и преселися въ
«вѣчное блаженство.

«И понеже послѣ такого нечальнаго случая, отъ
«владѣющихъ Всероссійскихъ Государей мужеска-
«го пола никого не осталось, того ради, по еди-
«ногласному всѣхъ чиновъ совѣту, и по желанію,
«и всенародному согласію, на Россійскій пре-
«столь въ Императрицы избрана крови Импера-
«торской высокодостойныя и блаженныя памя-
«сти Великаго Государя Царя Іоанна Алексѣевича,
«самодержца всероссійскаго, дочь, великая Го-
«сударыня, Цесаревна и вдовствующая Герцогиня
«Курляндская Анна Іоанновна, къ которой, ради
«объявленія о томъ и для прпровожденія въ пу-
«сти сюда, сего 19 отправлены въ Курляндію: дѣй-
«ствительный тайный совѣтникъ князь Василій
«Лукичъ Долгоруковъ, тайный совѣтникъ князь
«Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, да генераль
«маіоръ Леонтьевъ. И понеже до прибытія Ея
«Величества сюда, формальная нотификація о
«томъ учинена быть не можетъ, того ради, имѣ-
«ете вы, по полученіи сего, немедленно испроси
«партикулярную аудіенцію, о томъ Его Величе-
«ству донести и при томъ наилучшимъ образомъ
«обнадежить, что сей случай въ имѣющейся меж-
«ду Ихъ Величествъ дружбѣ и обязательствахъ
«ни какой отѣвы не учинить, но со стороны
«всероссійскаго Государства ненарушимо и не-

«премѣнно всегда содержаны будутъ. А коего времени, Богу изволившу, Ея Величество Государыня Императрица, сюда изъ Курляндіи прибыть и на престолъ вступить, изволитъ, то формальная о томъ нотификація отъ Ея Величества прислана бытъ имѣеть.

«Что же надлежитъ до интересовъ государственныхъ, и въ томъ вы поступать имѣете по прежнимъ, отправляемымъ къ вамъ Указамъ безъ всякой отмены. И какъ сія вѣдомость при Дворѣ принята, и что происходитъ будетъ, о томъ имѣете вы коллегію иностранныхъ дѣлъ доносить.»

Генваря 28, Верховный Совѣтъ письмомъ къ князю Долгорукову просилъ его: «когда Ея Величество изволитъ подписать, по прошенію ихъ, отправленное съ нимъ къ подписи Ея Величества извѣстное письмо; то оное, ни мало не удержавъ прислать къ нимъ въ Москву, съ Г. Леонтьевымъ. При семъ Совѣтъ увѣдомлялъ, что они здѣсь, ко входу Ея Величества всякое приуготовленіе чинять на двое, и въ цвѣтномъ и въ черномъ, для того, что Его Императорское Величество, блаженныя памяти Петръ II, еще не погребенъ, и учинять оный входъ тогда, какъ Ея Величество, при сближеніи своемъ, за потребно разсудитъ изволитъ.»

14 (стр. 78): »Инваря 30, Верховный Совѣтъ

получилъ изъ Митавы слѣдующее отъ князя Долгорукаго доношеніе, писанное 26 числа:

«Пріѣхали мы въ Митаву 25 сего мѣсяца, въ 7 часу по полудни, и тогожь числа донесли Ея Величеству Государынь Императрицъ, въ началѣ о прѣставленіи Его Императорскаго Величества, а потомъ, что избрали Ея Величество на Россійскій престолъ, и просили, чтобъ изволила подписать посланныя съ нами кондиціи. Ея Величество изволила печалиться о прѣставленіи Его Величества, а по томъ, по челобитью нашему, повелѣла, тѣ кондиціи передъ собою прочесть и выслушавъ изволила ихъ подписать своею рукою тако: «По сему обѣщаюеь все, безъ всякаго извѣтїя содержать. АННА.» Тѣ подписанныя кондиціи мы удержали и привеземъ ихъ съ собою, а съ курьеромъ не послали за опасностію, чтобъ какимъ несчастіемъ въ дорогъ не утратились.

«Ея Величество намѣрена отсюда идти сего мѣсяца 28 или конечно 29 числа, и въ пути медлить не изволитъ. Для проѣзда Ея Величества чрезъ Ригу приказалъ я [князь Долгоруковъ] генералу Лессію стрѣлять изъ пушекъ и полки гарнизонныя поставить въ строй. О въѣздѣ же Ея Величества въ Москву, зело нужно мнѣ въдать: публичнѣй ли будетъ и съ какою церемонією? о томъ буду ожидать отвѣта.

«Государыня изволила требовать десяти ты-

*

«сячь рублевъ на всякіе расходы и на подъемъ, «и я, по Ея Указу, послалъ письмо къ оберъ-синектору Ильѣ Исаеву въ Ригу, чтобы тое «сумму выдалъ тому, кому Ея Величество при- «нять повелить.»

По прочтеніи сего доношенія, члены Совѣта немедленно отправили въ Митаву курьера съ двумя рескриптами къ князю Долгорукову. Первымъ они просили его о скорѣйшей присылкѣ подписанныхъ кондицій съ генераль-маіоромъ Леонтьевымъ или съ кѣмъ другимъ. При второмъ доставили ему росписаніе о мѣстахъ, гдѣ будутъ заготовлены лошади для шествія Императрицы.

15 (стр. 78). Леонтьевъ привезъ съ собою подписанныя Императрицею кондиціи, при слѣдующемъ доношеніи князя Долгорукаго:

«Вчерашняго числа доносили мы въ Верховный «Тайный Совѣтъ о пріѣздѣ нашемъ въ Митаву и «что посланныя съ нами кондиціи Ея Величество «Государыни Императрица подписать изволи- «сла, а нынѣ оныя кондиціи, за собственнымъ Ея «Величества подписаніемъ отправили въ Верхов- «ный Тайный Совѣтъ съ генераль-маіоромъ Ми- «хайломъ Леонтьевымъ, при чемъ же вложено «письмо Государыни Императрицы, которое из- «волила писать въ Верховный Тайный Совѣтъ въ «отвѣтъ на присланное съ нами къ Ея Величест- «ву изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта письмо о из-

«Брани Ея Величества на Россійскій Престолъ.
«Генваря 28 дня 1730.»

Высочайшій рескриптъ Тайному Совѣту былъ
слѣдующій:

«Любезновѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, при-
«сутствующимъ въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ,

«Отправленные отъ васъ, любезновѣрные Намъ
«тайный дѣйствительный совѣтникъ и членъ
«Верховнаго Тайнаго Совѣта, князь Василій Дол-
«горуковъ, да тайный совѣтникъ и сенаторъ
«князь Михаилъ Голицынъ, и генераль маіоръ
«Леонтьевъ, 25 числа сего мѣсяца пріѣхавъ къ
«Намъ въ Митаву горестную и неонисанную
«объявили Намъ печаль о преставленіи Его Им-
«ператорскаго Величества Петра II, Нашего лю-
«безнѣйшаго племянника и Государя. Мы, какъ
«по близости крови, такъ и по всеѣмъ Его Вели-
«чества благосклоннымъ къ Намъ поступкамъ,
«признаваемъ тос печаль за крайнее Божеское
«наказаніе Нашей фамиліи и всеѣмъ Россійскаго
«варода праволюбщимъ дражайшее свое отече-
«ство. По томъ, вышенамянутые отправленные
«къ Намъ отъ васъ особы, объявили Намъ, что,
«по сонзволенію всемогущаго Бога, который ток-
«мо единъ державы и скиптры Монарховъ опредѣ-
«ляетъ, избраны Мы на Россійскій прародите-
«лей Нашихъ престолъ, и хотя Я рассуждала,

«какъ тяжело есть правленіе толь великой и сла-
внѣйшей Монархіи, однакоже повинуясь той боже-
ской волѣ и прося Его создателя помощи, къ
тому же не хотѣя оставить отечества Моего и
вѣрныхъ Нашиихъ подданныхъ, намѣрилась, при-
нять державу того государства и правительст-
вовать, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ, чтобы
всѣ Наши подданные, какъ мірскіе, такъ и ду-
ховные, могли быть довольны. А понеже, къ то-
му Моему намѣренію потребны благіе совѣты,
какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того
для, предъ вступленіемъ Моимъ на Россійскій
престолъ, по здравомъ разсужденіи, избрѣли
Мы за потребно, для пользы Россійскаго госу-
дарства и къ удовольствованію вѣрныхъ Нашиихъ
подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть го-
рячесть и правое Наше намѣреніе, которое Мы
имѣемъ къ отечеству Нашему и вѣрнымъ На-
шимъ подданнымъ, и для того, елико время Наше
допустило, написавъ, какими способами Мы то
правленіе вести хотимъ, и подписавъ Нашею
рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ,
а сами сего мѣсяца въ 29 день конечно изъ Ми-
тавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ,
пойдемъ. Впрочемъ общаемъ вамъ, и всѣмъ
Нашимъ подданнымъ, Нашу Монаршескую ми-
лость, которую по прибытіи Нашемъ, дѣйстви-

«стельно показатъ хощемъ, и всѣхъ вастъ вручаемъ всемогущему Богу. Дано въ Митавѣ 28 Генваря 1730 года (*).

Всѣ сіи присланныя изъ Митавы бумаги были прочтены въ собраніи Совѣта 2 Февраля.

16 (стр. 80). О семъ происшествіи записано въ выпискахъ монахъ 2 Февраля, что князь Долгоруковъ прислалъ слѣдующее особое доношеніе:

«Увѣдали мы, что вчерашняго числа пріѣхалъ въ Митаву съ Москвы Петръ Спиридоновъ г. Сумароковъ и живетъ здѣсь тайно. А спосже, при отъѣздѣ нашемъ съ Москвы, не столько пріѣзжіе и почты всѣ удержаны, того для мы его Сумарокова нашедъ, допрашивали, и стѣ распросныя рѣчи за его рукою, и найденныя у него писма, и его Сумарокова оковавъ, спослали съ генераль-маіоромъ Михайломъ Леонтьевымъ, и приказали сіе доношеніе и его Сумарокова, объявить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Генваря 28 дня 1730 года.»

Составитель выписокъ дѣлаетъ при семъ случаѣ слѣдующіе замѣчанія:

«Не смотря на заставы, около Москвы разставленныя, дабы никто прежде отправленной въ Митаву депутациі не предъувѣдомилъ Госу-

(*) Сей Высочайшій рескриптъ напечатанъ также въ Сказаніи о родѣ князей Долгоруковыхъ, стр. 253.

дарыню о избраніи Ея на Престоль и о всемъ происшедшемъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ; но посланный въ ту же самую ночь отъ графа Ягужинскаго адъютантъ Сумароковъ доѣхалъ туда безпрепятственно. — Графъ Ягужинскій, какъ называютъ, писалъ къ Императрицѣ, чтобъ Она дозволила поспѣшить отъѣздомъ своимъ изъ Митавы, и склонилась на все требованное Совѣтомъ условія, а онъ, между тѣмъ, обѣщалъ приложить попеченіе о умноженіи числа своихъ единомышленниковъ, увѣрилъ Императрицу, что тестъ его, канцлеръ графъ Головкинъ, уже на сторонѣ Ея, и что по приѣздѣ въ Москву, все кончится по желанію.

Февраля 4 отпраленъ къ князю Долгорукову въ дорогу съ курьеромъ слѣдующій рескриптъ:

«Сего настоящаго февраля 2 дня прибылъ сюда генералъ-маіоръ Г. Леонтьевъ и привезъ, къ не-«описанной намъ радости, отъ Ея Императорскаго «Величества милостивѣйшее къ намъ писаніе отъ «28 миноваго генваря, купно съ подлинными «кондиціями, за подписаніемъ собственныя Ея «Величества руки. И мы, воздавъ всевышнему «Богу благодареніе за толикую Ея Величества къ «намъ и ко всему государству показанную ми-«лость, созвали, какъ синодъ, такъ сенатъ и ге-«нералитетъ, и то Ея Величества милостивѣйшее «писаніе и кондиціи всемъ прочли, которыя,

«такожь, съ великимъ Богу благодареніемъ, оную Ея Величества милость приняли.

«Онъ же Г. Леонтьевъ отдалъ намъ вашего сіятельства два писанія отъ тогожь 28 минувшаго генваря, и при одномъ допросъ Сумарокова, изъ котораго усмотрѣли о дѣйствіяхъ Ягужинскаго, и онаго, тогожь времени, при собраніи всѣхъ заарестовали, и которые знали, съ чѣмъ онъ Сумароковъ отъ Ягужинскаго отправленъ, взяли за карауль, между конми здѣсь не явился Воинъ Корсаковъ, сказали, что поѣхалъ въ Новгородскія свои деревни, и мы вчерашняго дня, отправили съ нарочно посланнымъ указъ въ Новгородъ къ губернатору, что бы онъ, по полученіи того указа, тотчасъ въ ту его деревню послалъ кого изъ офицеровъ съ солдаты, или, гдѣ сыскать его можно, велѣлъ взять подъ крѣпкій карауль и отдать въ содержаніе генералъ-маіору Порошину, и ни кого къ нему не допускать; и буде явится у него какія письма, отобрать и запечатавъ прислать въ Верховный Тайный Советъ, о чемъ вашему сіятельству даемъ знать ради вашего извѣстія, дабы вы, къ предосторожности потребныя мѣры взять изволили.

«Изъ письма вашего сіятельства отъ 29 дня усмотрѣли, что путешествіе Ея Императорскаго Величества въ Москву имѣеть быть въ скоромъ

«времени, того ради просимъ ваше сіятельство, «сложить Ея Величеству, дать намъ знать, гдѣ со- «изволить, по прибытіи, остановиться: въ Ни- «кольскомъ ли, или въ Всесвятскомъ, или, для «близости, въ слободахъ въ Земляномъ городѣ? «а между тѣмъ, въ тѣхъ мѣстахъ дворцы, гдѣ «лучшіе сыскать можно, приказали осмотрѣть и «приготовить.

«О похоронахъ тѣла Его Императорскаго Ве- «личества хотя и обнадеживаютъ насъ, что мо- «гутъ управиться къ 15 числу сего мѣсяца; одна- «кожь чтобъ къ тому времени управились, на- «дѣяться не можно.

«Генераль-маіоръ Леонтьевъ, по желанію ва- «шего сіятельства, отправленъ къ вамъ по преж- «нему.

«При томъ просимъ ваше сіятельство по ча- «сти насъ увѣдомлять о благополучномъ здра- «віи нашей всемилостивѣйшей Государыни, и «сколь скоро ожидать намъ прибытія Ея Величе- «ства.»

Вашего сіятельства, доброжелательные слуги:

Подписали: Князь Михайла Голлицынъ.

Князь Василій Долгоруковъ.

Князь Дмитрій Голлицынъ.

Князь Алексѣй Долгоруковъ.

Такимъ образомъ верховный тайный совѣтъ получивъ кондиціи, подписанныя Ея Император-

скимъ Величествомъ, издавъ того же 4 февраля, отъ своего имени, слѣдующій манифестъ.

«Понеже по волю всемогущаго Бога, всепре-
«свѣтлѣйшій, державнѣйшій, Великій Государь,
«Петръ II, Императоръ и Самодержецъ Всерос-
«сійскій, болѣзнулъ оспою, генваря отъ 7 дня, отъ
«временнаго въ вѣчное блаженство, тогожь ген-
«варя 18 числа, въ 1 часу по полуночи, оты-
«дѣ, и сія горестная всему Государству Его Им-
«ператорскаго Величества кончина пресѣкла на-
«слѣдство Императорскаго мужскаго колѣна,
«того ради общимъ желаніемъ и согласіемъ всего
«Россійскаго народа, на Россійскій Император-
«скій престоль избрана по крови Царскаго колѣ-
«на тетка Его Императорскаго Величества, Госу-
«дарыня Царевна Анна Іоанновна, дщерь Великаго
«Государя Царя Іоанна Алексѣевича. Чего ра-
«ди къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ
«изволила Россійскій престоль принять, отпра-
«влены съ прошеніемъ: дѣйствительный тайный
«совѣтникъ князь Василій Лукничъ Долгорукій, да
«сенаторъ тайный совѣтникъ князь Михайло
«Михайловичъ Голицынъ, да генералъ-маіоръ Ми-
«хайло Леонтьевъ, по которому прощенію Ея
«Императорское Величество всемилостивѣйше
«соизволила, и нынѣ обрѣтается въ пути. И для
«того сямъ объявляется, чтобъ всякаго чина лю-
«ди, какъ духовнаго, такъ воинскаго и граждан-

«скаго, о томъ вѣдали и о воспріятіи Ея Императорскимъ Величествомъ Россійскаго престола «Бога благодарили. А какъ Ея Императорское «Величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о приво- «дѣ къ присягѣ, отъ Ея Императорскаго Величе- «ства указы выданы будутъ впредь немедленно.»

На другій послѣ сего день, 5 февраля, Верховный Тайный Совѣтъ опредѣлилъ: объ Императрицѣ въ церквахъ Бога молить при возношеніи Ея имени; въ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ и во великихъ публичныхъ бумагахъ писать и въ печатяхъ титулъ изображать точно такимъ образомъ, какъ было при Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

17 (стр. 81). Императрица, прибывъ 16 февраля въ подмосковное село Чашниково, была тамъ встрѣчена тремя членами синода и тремя сенаторами, и имѣла тамъ обѣденный столъ. Во Всесвятское прибыла того же числа, въ 3 часу по полуночи, и тамъ, отъ герцогини Мекленбургской и Царевны Параскевѣи Юаншовны, приняла первая поздравленія съ счастливымъ прибытіемъ.

18 (стр. 82). Тѣло въ Бозѣ почившаго Императора предано землѣ 11 февраля въ соборной церкви Архистратига Михаила.

19 (стр. 82). Въ тотъ же самый день, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта и прочія звантѣйшія

особы, ѣздили во Всесвятское для отданія Императрицъ поклоновъ.

20 (стр. 83). Торжественное вшествіе Императрицы въ Москву производилось по слѣдующему, предварительно въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ апробованному церемоніалу:

Отъ триумфальныхъ воротъ, которые отъ Землянаго города, даже до тѣхъ триумфальныхъ же воротъ Воскресенскихъ, которыя у Китая города, по обѣ стороны улицы, стояли армейскій полки, а именно: первый и второй Московскіе, Копорскій, Выборгскій, Воронежскій, Вятскій, Сибирскій и Бутырскій:

Лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій полки стояли въ Китаѣ, на Красной площади, отъ Воскресенскихъ воротъ, также и въ Кремлѣ, даже до большаго Успенскаго собора.

При входѣ Ея Императорскаго Величества, маршъ отправился слѣдующимъ образомъ:

1. Гранодерская рота Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка ѣхала конницею.

2. Шли кареты порожнія генеральскихъ и знатнаго шляхетства персонъ съ ихъ служители въ либиреѣ, цугами, а именно всѣхъ 21 карета.

3. ѣхали въ своихъ каретахъ о шести возникахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта министры и прочія знатнѣйшія особы, въ цвѣтномъ богатомъ платьѣ, а именно:

Тайные дѣйствительные совѣтники:
Князь Михайло Володимировичъ Долгорукій.
Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій.
Князь Михайло Михайловичъ Голицынъ.
Генераль-фельдмаршалъ:
Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой.
Князь Василій Володимировичъ Долгорукій.
Князь Михайло Михайловичъ Голицынъ.
Государственный канцлеръ
графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ.
Грузинскій Царь
Вахангъ Леоновичъ.

И того 8.

4. Ея Императорскаго Величества 4 лакея пѣшками.

5. Ея Императорскаго Величества 7 каретъ цугами: кучера и форреты въ либиретъ съ золотыми позументъ; на лошадяхъ шоры вызолоченные. Изъ оныхъ въ трехъ каретахъ сидѣли Ея Императорскаго Величества три дамы.

6. Знатное шляхетство и офицеры, по рангамъ верхами, 21 человекъ, надъ которыми команду имѣлъ генераль-маіоръ князь Шаховской. А за тѣмъ съ шляхетствомъ въ замкъ ѣхалъ генераль-маіоръ Петръ Измайловъ.

7. Передъ кавалергардією, генераль-лейтенантъ и отъ кавалергардіи лейтенантъ Дмитрій-

евъ-Мамоновъ; а впереди кавалергардин трубачи и литаврщики и ихъ заводныя лошади.

8. Два камеръ-фурьера верхами; лакеевъ 12 пѣшками.

9. Арановъ и скороходовъ 4.

10. Карета большая о 9 лошадяхъ съ богатыми уборами, въ которой Ея Императорское Величество сидѣть изволила. Подлѣ всякой лошади той кареты было конюшенныхъ служителей въ либирѣхъ, пѣшихъ по одному человѣку; кучеръ и форрейторъ въ либирѣхъ бархатной съ пезументомъ золотымъ.

По сторонамъ той Ея Императорскаго Величества кареты шло гайдуковъ пѣшихъ 6, да ѣхали верхами, съ правую сторону: дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, а за нимъ генераль-маіоръ Леонтъевъ; съ лѣвую сторону: тайный совѣтникъ князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, а за нимъ генераль-маіоръ Шуваловъ.

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой; за нимъ караульные кавалергарды.

11. Въ заключеніи марша слѣдовала гранодерская рота лейбъ-гвардин Семеновскаго полка.

12. Сенаторы Высокаго Сената и коллежскіе члены, которые не были въ оной церемоніи, также офицеры, которые въ команды, для встрѣчи Ея Императорскаго Величества, были

при большомъ Успенскомъ соборѣ, въ цвѣтномъ же платьѣ.

13. Знатныя дамы ожидали Ея Императорскаго Величества пришествіа въ помянутомъ соборѣ, въ цвѣтномъ же платьѣ, въ робахъ, а у кого робовъ не было, тѣ въ самарахъ.

14. Когда Ея Императорское Величество, изволила придти къ Земляному городу, тогда палили изъ 71 пушки, а когда Ея Императорское Величество приближалася къ Бѣлому городу, тогда палили изъ 85 пушекъ.

15. При приходѣ Ея Императорскаго Величества въ городъ Китай, встрѣчали Ея Императорское Величество, у воротъ Воскресенскихъ, Архіереи и прочія духовныя особы, съ честнымъ крестомъ и со святыми иконы.

16. Когда же Ея Императорское Величество прибыла въ городъ Кремль и изволила идти, для отправленія Господу Богу молитвы, въ большой Успенской соборѣ, и при вступленіи Ея Величества въ оный палили изъ 101 пушки, да изъ мѣлкаго ружья стоящія полки отъ того собора до Землянаго города, по обѣ стороны улицы бѣглымъ огнемъ троекратно.

17. По томъ Ея Императорское Величество изволила изъ онаго Успенскаго собора ходити, для моленія жъ, въ другій соборъ Архангельскій, гдѣ погребены предки Ея Величества, такожде

и недавно преставившійся блаженнои памяти Его Императорское Величество.

А изъ того собора соизволила Ея Императорское Величество пойтить, при провожденіи всѣхъ здѣшнихъ главныхъ и прочихъ знатныхъ особъ мужеска и женска пола, во Дворъ Императорскій въ апартаменты Ея Императорскаго Величества.

18. Во время шествія Ея Императорскаго Величества въ Москву, улицы всѣ усыпаны были пескомъ и противъ всякаго двора поставлены елки, и по ночамъ, чрезъ три дни, отъ 15 по 18 число февраля, и чрезъ всѣ тѣ три дни, употреблено здѣсь платье у всѣхъ цвѣтное.

21 (стр. 83). Въ выпискахъ моихъ записано: «Февралл 20, по формѣ изданной Верховнымъ тайнымъ Совѣтомъ, началась прежде въ большомъ Успенскомъ, а потомъ и во всѣхъ соборахъ, присяга Императрицѣ Аннѣ Юановнѣ и *Государству*, отъ членовъ Совѣта и отъ всѣхъ военныхъ, придворныхъ и статскихъ чиновъ, и продолжалась токмо до полудня 24 числа.»

22 (стр. 88). Петръ Великій, учредивъ сенатъ, далъ ему титулъ *Правительствующаго*, послѣду онъ содѣлалъ его средоточіемъ всѣхъ государственныхъ властей, высшимъ трибуналомъ суда и расправы и администраціи. Екатерина I, учредивъ Верховный Тайный Совѣтъ, подчинила ему

Сенатъ оставивъ его только высшимъ судебнымъ трибуналомъ, и по тому вмѣсто *Правительствующаго*, повелѣла называть его *Высокимъ*.

23. (стр. 89). Сочинитель *Сказанія* о родѣ князей Долгоруковыхъ пишетъ (стр. 235), что прошеніе дворянства было сочинено княземъ Антиокомъ Каптемиромъ, по донесенію князей Черкасскихъ. Вообще подробности сего важнаго происшествія, въ *Сказаніяхъ* описаны нѣсколько иначе (стр. 121, 122).

24. (стр. 90). О семъ спасительномъ для блага Россіи происшествіи, записано въ монхъ выпискахъ слѣдующее:

«Февраля 25, по сдѣланной повѣсткѣ, собрались послѣ полудня, въ Кремлевскій дворецъ, всѣ государственныя чины, какъ то: члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, генералитетъ, гвардіи оберъ-офицеры; всѣ штатскіе, и знатнѣйшее дворянство, и бывъ допущены къ Императрицѣ, провозгласили Ее самодержицею всероссійскою, безъ всякаго ограниченія власти, при чемъ кондиціи, Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ предложенныя къ подписанію Ея Величества, были торжественно уничтожены.

«Первое употребленіе самовластия своего, Императрица оказала надъ арестованнымъ отъ Совѣта генераломъ Ягужинскимъ, приказавъ освободить его, съ прежнею честію.

«По случаю сего сложень былъ трауръ на три дни и происходило торжество, колокольнымъ звономъ и иллюминаціями ознаменованное.

«Февраля 26, отъ канцлера графа Головкина отправлены циркулярныя письма ко всемъ Россійскимъ въ иноземныхъ государствахъ министрамъ, уведомляющія ихъ, что 25 сего мѣсяца Императрица, по прошенію Россійскихъ чиновъ и дворянства, слѣдуя примѣру предковъ своихъ, совершенное самодержавіе воспріять позволила.

«Февраля 27, отправлено въ большомъ Успенскомъ соборѣ, и во всехъ Московскихъ соборахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, молебное Господу Богу пѣніе, въ возблагодареніе за врученіе Императрицѣ самодержавія.

25 (стр: 94). Я нашелъ въ своихъ бумагахъ слѣдующую очень любопытную записку, не знаю кѣмъ писанную:

«Долгоруковы строго наблюдали, что бы никто изъ знатныхъ людей не имѣлъ къ Ней доступа и не говорилъ съ Нею наединѣ, также надзирали и за ихъ сношеніями съ Нею. Но это затрудненіе преодолѣно было слѣдующимъ образомъ.

«Штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожденная Трубецкая, была употреблена для узнанія мыслей знатныхъ людей скрытнымъ

*

«образомъ, для чего она ко многимъ прѣѣзжала «по ночамъ.

«Когда желаніе всѣхъ, что бы Императрица «быть самодержавною, открылось; тогда сочине- «но было къ ней прошеніе о принятіи самодер- «жавія и подписано множествомъ знатныхъ людей.

«Императрица увѣдомленія о семъ получала «такимъ образомъ:

«Каждый день приносили къ Ней младенца «Биророва сына, котораго Она отменно любила; «ему клали за пазуху записки о успѣхахъ сего «дѣла, и Императрица относивъ сего младенца на «рукахъ въ свою спальню, прочитывала ихъ.

«Когда дѣло приведено было уже къ оконча- «нію, Новгородскій архіепископъ Теофанъ, въ «знакъ усердія, поднесъ Ея Величеству столо- «вые часы, которые Она принимаетъ отрицалась; «но оны убѣдиль се принять ихъ. По томъ Она, «взявъ Биророва сына, прочла за платье у него «положенную записку, и узнала, что въ тѣхъ «часахъ подъ доскою положенъ планъ, который «прочитавъ, вышла, въ назначенный день, въ «тронную залу и, противъ чаянія Долгоруко- «выхъ, взошла на тронъ, и тутъ множество зна- «тныхъ особъ поднесли Ей прошеніе о принятіи «самодержавія.

«Она тронута бывъ толь лестнымъ для Нее «усердіемъ, хотѣла было поклономъ изъявить

«свое удовольствіе; но помянутая штатсъ-дама «удержала Ее за платье.»

О важныхъ происшествіяхъ, по кончинѣ Петра II послѣдовавшихъ, Архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ оставилъ намъ весьма любопытное описаніе, которое сообщаю я здѣсь въ приложеніи. Его описаніе приложено къ имѣющимъ у меня разнымъ выпискамъ.

26 (стр. 91). Февраля 28 выданъ былъ слѣдующій манифестъ:

«По благополучномъ и счастливомъ Нашемъ «прибытіи въ Москву и вступленіи на Россійскій престолъ, вѣрные Наши подданные, какъ «духовные, такъ и свѣтскіе, всѣ въ вѣрности «Намъ и государству присягу чинили. Но понеже, потомъ, вѣрные жъ Наши подданные, всѣ «единогласно насъ просили, дабы Мы самодержавство въ Нашей Россійской Имперіи, какъ «издревле прародители Наши имѣли, воспріять «соизволили, по которому ихъ всевышайшему «прошенію, Мы то самодержавство воспріять и «соизволили, и для того вновь присягу сочинить «и въ печать издать повелѣли, по которой да «имѣютъ всѣ вѣрные Наши подданные, какъ «духовные, такъ и свѣтскіе, въ Москвѣ присутствующіе, и во всей Нашей всероссійской «Имперіи обрѣтающіеся, въ вѣрности своей къ «Намъ, яко самодержавной Государынѣ, прися-

«гать и на томъ слово и крестъ цѣловать и ко-
«оной подписываться.»

Верховный Тайный Советъ уничтожень мани-
фестомъ Ея Императорскаго Величества 4 марта,
и возстановлень Правительствующій Сенатъ на
томъ же самомъ основаніи, какъ былъ при Пе-
трѣ Великомъ.

27 (стр. 103). Избраніе на престолъ Им. Анны
Иоанновны и послѣдовавшій за тѣмъ происше-
ствіи, описаны, хотя кратко, но довольно вѣрно,
въ книгѣ: Сказанія о родѣ Князей Долгоруко-
выхъ (Спб. 1840), стр. 115—122:

Долгоруковы сами ископали себѣ пронасть,
въ которую послѣ были низвергнуты. Дюкъ Ли-
рійскій говоритъ только о началѣ ихъ оналы; но
по выѣздѣ его изъ Россіи, постигла ихъ совер-
шенная гибель. Біографъ рода князей Долгору-
ковыхъ пишетъ (стр. 125), что важнѣйшею при-
чиною ихъ гибели былъ страхъ Бирона, что
бы князь Василій Лукничъ, государственнымъ
своимъ умомъ, князь Сергій Григорьевичъ, ди-
пломатическими дарованіями, и князь Василій
Владимировичъ, вліяніемъ на войско, не умень-
шили къ нему Бирону довѣренности Императри-
цы.

Эта догадка кажется основательною, принявъ
въ соображеніе, что ни одинъ изъ Долгоруко-
выхъ, при возвращеніи Государынь самодержа-

вія, не подвергся смертной казни, а всѣ они были сосланы или въ *честную* ссылку, а кто именно и куда, показано въ *Сказаніяхъ*, стр. 123. Но послѣднюю чашу бѣдствій испили они чрезъ девять лѣтъ, по слѣдующему, какъ говоритъ сочинитель *Сказаній*, случаю:

Въ 1759 году Императрица вспомнила о дарованіяхъ князя Сергія Григорьевича, жившаго въ опалѣ въ Ораніенбургѣ (Рязанской губерніи) и познамѣрилась употребить его по дипломатической части. Разумѣется, что стр. не понравилось Бирону, и онъ рѣшился нанести послѣдній ударъ всему дому Долгоруковыхъ. Подьячій Тишинъ, подкупленный Бирономъ, закричалъ слово и дѣло, и главнѣйшіе изъ Долгоруковыхъ, кромѣ Алексѣя Григорьевича, отца обрученной певѣты Петра II, умершаго въ Березовѣ, были свезены изъ разныхъ мѣстъ, въ Новгородъ, гдѣ произведенъ былъ надъ ними (какъ сказано въ *Сказаніяхъ* стр. 124), судъ Шемякинскій, въ слѣдствіе котораго, 8 ноября 1759, Василій Лукичъ, Сергій Григорьевичъ, съ братомъ своимъ Иваномъ, лишены головы, а Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ Петра II, былъ четвертованъ.

Биронъ, избавясь отъ главнѣйшихъ изъ Долгоруковыхъ, не оставилъ въ покоѣ и остальныхъ. Несчастная певѣта Петра II, и сестры ея, Елена и Анна, томившіяся въ Березовѣ, были

заключены въ разные монастыри. Братья ел:
кильзъ Алексѣй, отправленъ въ Камчатку служить
матросомъ; князей Николая и Александра нака:
зали кнутомъ, урѣзали имъ языки и сослали
ихъ въ работу вѣчно, перваго въ Охотскъ, послѣ:
дняго въ Камчатку.

Сочинитель *Сказаній* говоритъ на стр. 163,
что одному только Николаю былъ урѣзанъ языкъ,
не извѣстно за что.

Причиною сей казни былъ тотъ же подъачій
Тишинъ, который донесъ, будто они говорили
важныя, злодѣйственныя, непристойныя слова.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О важныхъ происшествіяхъ, послѣ кончины Императора Петра II воспослѣдовавшихъ, Новгородскій Архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ оставилъ намъ описаніе весьма любопытное въ разсужденіи разныхъ особенностей и минутныхъ дѣйствій, которыя при тогдашнемъ переворотѣ, не избѣгли отъ его проницанія. Сей славный витія своего времени повѣствуетъ о семъ тако:

Преставился Петръ второй 1730 года Генваря 18 дня, во второмъ часу по полуночи, по учиненномъ ему, (какъ въ Греческой Церкви обычно) отъ трехъ Архіереевъ елеосвященіи, меньше часа; и пребыли Архіереи въ палатахъ до кончины его; были тамже Верховнаго Совѣта члены, такожъ и изъ сената и генералитета не малое число.

И тогда князь Василій Владимировичъ Долгорукій, именемъ прочихъ, просилъ Архіереевъ помѣшкать немного, внушалъ, что тамъ же скоро имѣеть быть совѣтованіе о избраніи Г о с у д а р я поваго; но скоро потомъ возвратись къ нимъ сказалъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось, къ

надходящему дню, и въ палатахъ Верховнаго Совѣта, быть всѣхъ членовъ собранію въ 10 часу по полуночи, куда и они Архіереи изволили бы прибыть сами и другихъ бы, какъ Архіереевъ, такъ и Архимандритовъ, съ собою привели, понеже сіи были синодальные. И тако Архіереи, всякъ во своя отошли.

Но уже въ самомъ семъ поступкѣ нѣкая была хитрость; ибо, по отшествіи Архіереевъ, Верховники (*) и другіе начальники тамже остались, и додго разглагольствованіе было о наследникѣ Государя, съ немалымъ разгласіемъ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, невѣсть новопреставльшагося Государя родитель, дочервь своей скиптра домогадеа, которой его дерзости, яко весьма несчастной, многіе удивились. Но онъ, властолюбіемъ ослѣпленный, не устыдился показать и въкое письмо, яко бы Петра II, завѣтъ, прежде кончины своей, отъ него написанный, которымъ будто бы Онъ державы своей наследіе невѣствъ Екатерины укрѣпилъ, Дивное всемъ стало князь Алексеєво безстудіе [кромя однихъ, чаю, свойственниковъ его] и на требованіе, яко весьма непристойное и смѣха достойное, никто не посмотрѣлъ, понеже отнюдь не могло быть въролтно, дабы учившалъ то Государь,

(*) т. е. члены Верховнаго Тайнаго Совѣта.

до болѣзни своей, отрокъ, крѣпкимъ составомъ цвѣтущій и толь сильное имѣющій здравіе, что многолѣтнаго весьма житія надежду подавало: какъ же бы онъ могъ и подумать о близкой себѣ смерти, не то, чтобы пещися и промышлять, чему быть по кончинѣ своей? а когда пришла ему болѣзнь [которая не болѣе дванадцати дней удручал его, умертвила], во все то время дѣлали ему потѣшку скорого къ первому здравію возвращенія, не то, чтобы ему о будущей смерти повѣщать, хотя бы и подлинно вѣдано, что ему прочее живу не быть.

Но отверженіи же того домогательства, требованіе другихъ господъ мнѣніи.

Разные были голоса, однако же цвѣ фамиліи Государя не выходили.

Нѣкто приговаривалъ и за бабкую Петра II, не давно изъ заточенія освобожденною; но сіе прочіе судили яко непристойное и происшедшее отъ челоуѣка, корыстей своихъ ищущаго, самымъ молчаніемъ притушили.

А когда произнеслось имя Анны, вдовы Курляндской Герцогини, дщери Іоанна Царя, большаго Петра I брата, купно съ нимъ до кончины своей царствовавшаго, между Екатериною и Параскевіею Царевнами средніи сестры, тотчасъ чудное всѣхъ явилось согласіе, которому спорить не посмѣли и оныя, коимъ завладѣли и, по

миѣнію ихъ, неотъемлемая уже, въ рукахъ была высочайшая власть, а тогда отъ нихъ уходила.

О перемѣнѣ формы или образѣ царствованія, чего нѣцыи изъ оныхъ господъ и прежде сего желали и желанія утанть въ себѣ не могли, (какъ уже ясно о томъ покажется), въ семь же тогда собраніи, хотя не при всѣхъ, но по выходѣ оттуда многихъ прочихъ, говорено, и что о томъ умышлено, ниже сего извѣстно будетъ.

Когда день насталъ и великое всѣхъ штатовъ множество въ Верховный Совѣтъ собралось, куда и Синодальные и другіе прочіе Архіереи и Архимандриты прибыли, и великій канцлеръ въ слухъ предложилъ, что Верховный Совѣтъ, Курляндской Герцогинѣ Царевнѣ Аннѣ, Россійскую корону должну быть усматриваетъ; но требуетъ и всѣхъ, всего отечества лице на себѣ являющихъ чиновъ, согласіе, тотчасъ всѣ въ единъ голосъ изволеніе свое показали, и ни одинаго не было, который бы хотя мало задумался. Первый же Архіерей, имянемъ всѣхъ отъвѣтствовалъ, сказалъ, что не только, какъ онъ, такъ и вся братія его на то согласуются; но и желаютъ, тотчасъ въ престольной церкви, при всенародномъ присутствіи, торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемилостивому Богу за толикос, полученное отъ него дарованіе; но, когда сей Архіерей оное слово произнесъ, непріятно то стало верховнымъ госпо-

дамъ: отrekli и быть тому тогда не приговорили, что, ясно весьма нечаянное, подвигло всѣхъ до великаго удивленія. И тако, великій соборъ распущенъ.

Стали же многіе разсуждать: какаѣ бы то была отъ Верховныхъ причина отлагать оное благодарственное молебствіе? И кто легко и скоропостижно разсуждаетъ, сію того вину быть думаль, что еще неизвѣстно, созволить ли Царевна Анна царствовать; но осторожнѣйшія головы глубочай нѣчто проницали и догадывалися, что господа Верховные нный нѣкій отъ прежнего видѣ царствованія устроили, и что на noctномъ ономъ многочисленномъ своемъ бесѣдованіи, сократить власть царскую и нѣкими вымышленными доводами акибы обуздать и, просто рѣши, лишить самодержавія затѣяли. Если же и о согласіи Царевны Анны надлежитъ сомнѣваться; то сомнительства сего тожъ причиною, то есть, поощеръ ли Государыня Анна прикасаться за умаленную предковъ своихъ державу. И догадъ сей, какъ былъ неложный, скоро самимъ дѣломъ ясно показалось.

Здѣже, впервыхъ надобно, кажется, изъяснить: кто они и сколько ихъ было, которыхъ въ повѣсти сей нарицаемъ *Верховными*.

При Императрицѣ Екатеринѣ, сверхъ установленнаго Петромъ I Сената, новсе и отъ Сенату

высшее правительство учреждено, и украшено оною особливимъ именемъ: *Верховный Совѣтъ*. Сіе же собраніе, въ томъ вѣщше отъ Сената имѣло силу, что и пѣкую власти часть, у Сената отнятую; приняло къ себѣ, и что большую важность возымѣло, однако же, что ни хотѣлъ бы Верховный оный Совѣтъ вновь уставить, повеленъ былъ сдѣлать то безъ изволенія Императрицы. А когда ее не стало, а насталъ Петръ II, дванадцятилѣтній тогда отрокъ, тогда Верховный Совѣтъ получивъ себѣ, по своему мнѣнію, совершенную и свободную власть, и могъ и дерзалъ дѣлать, что хотѣлъ, да и тогда еще, правительство оное не могло ничего учинить безъ воли князя Меншикова, который его членъ былъ, наипаче, когда сей дочь свою Петру II въ невѣсту отдалъ публичнымъ обрученіемъ. Всѣхъ Совѣта того членовъ 9 человекъ было, а по изгнаніи въ ссылку Петра Толстаго, потомъ же Меншикова, собраніе оное умалилось, а послѣ того новымъ прибавленіемъ стало въ числѣ осмилчномъ; именно же сіа были:

Великій канцлеръ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, первый;

Другій, неизвѣстнаго почитай порядка, князь Дмитрій Михайловичъ,

Да братъ его князь Михайло Михайловичъ, фельдмаршалъ; Голицыны.

Князь Василій Лукичъ,
Князь Василій Володимировичъ,
Князь Михайло Володимировичъ,
Князь Алексѣй Григорьевичъ,
И сін 4' единой фамиліи Долгорукіе'.

Одинъ еще изъ націи нѣмецкой, Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Добавилъ бы число Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, адмиралъ; но не стало его тогда, когда еще не все здѣ упомятыи, къ оному правительству причтены были.

Именованные же Долгорукии, каковое ни заседали мѣсто въ томъ собраніи, однако же другихъ товарищей своихъ весьма были сильнѣйшии, имѣя основаніе на сродникѣ своемъ князь Алексѣй Григорьевичъ, который въ рукахъ своихъ имѣлъ Петра II, и Его же Государя, по всякому примѣру Меншикова, приводилъ къ понятію въ жену дочери своей, уже и обрученія совершеніемъ, и потому одинъ онъ Верховнаго Совѣта сильнѣйшій сталъ.

Еще же и сынъ его, князь Иванъ Алексѣевичъ, о которомъ въ народѣ слухъ обносился, что въ великой у Петра II милости, много Долгорукихъ фамиліи придавалъ возможности. Но скоро явилось, что Иванъ сей пагубу, паче нежели помощь роду своему приносилъ, понеже бо и природою былъ злодерзостень, и еще къ тому, толи-

кимъ счастьемъ надменный, и ни о чемъ, якобы себѣ не доводилось, не думалъ, не только весьма всѣхъ презиралъ, но и многимъ зѣло страхъ задавалъ, однихъ возвышая; а другихъ низлагая, по единой прихоти своей, а самъ на лошадахъ, окружась драгунами, часто по всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный; скакалъ; но и по ночамъ въ честные дома всакивалъ гость досадный и страшный, и до толикой продерзости пришелъ, что кромѣ зависти, нечальной славы, уже и праведному всенародному ненавидѣнію, какъ самаго себя, такъ и всю фамилію свою, аки бы нарочно подвергалъ.

Да и прочіи Долгоруки, хотя по внѣшнему обходительства виду, будто бы и умѣренными являлись, однакоже дѣлами своими въ великое властолюбіе подозрѣніе приходили. Основаніе или корень такового ихъ безпамятства было то, что возмечтали, будто бы Царская фортуна, чрезъ уготовляемое Петра II съ Екатериною ихъ бракосочетаніе, въ дома ихъ переселилась. Нѣкоторые же изъ нихъ, поострѣе разсуждающіи; хотя уже о событіи желаній своихъ и несомнѣваясь, однако же промышляя, дабы отнюдь ни что не осталось, что намѣренію ихъ могло бы препятствовать, различныхъ хитростей употребляли: ревность къ православію показуя, бабу Государеву обогащевал, товарищей своихъ, да

не своей крови, притворными ласканьями себя привлекала.

Но больше всего возымѣли попеченіе, какъ бы Голицыныхъ примирить и присоюзить къ себѣ, понеже между двѣма сими фамиліями наслѣдныя зависти, и ненависти, и ссоры, и вражды, изъ давнихъ лѣтъ, даже до того времени были, что всему Русскому народу извѣстно и несомнительно. Начали же Долгорукіе все къ тому употреблять способности: часто пріѣзжать къ Голицынымъ и ихъ къ себѣ призывать, просить же и увѣщавать прилежно перестать бы обѣимъ сторонамъ отъ прадѣднаго соперничества, и взаимныя распри, яко отечеству зѣло вредныя упразднить; и со временемъ того dospѣли, что Голицыны съ Долгорукими, прельщены ли или опасны будучи, въ союзъ вошли и за одно стали. Слухомъ же обвостился, будто сіе дружество, и обѣихъ сторонъ присягою утверждено; но то же де само, во время опасной болѣзни Петра II, и вѣщше укрѣпить Долгорукіе потщились. Но уже пора на первое возвратиться.

Тѣмъ же то Верховныи господа, собравъ первѣе по кончинѣ Петра II, какъ уже выше показано, Совѣтъ, когда Царевнѣ Аннѣ Императорская власть, согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, присуждена стала, многихъ домой отпустили, а сами совѣтовали, какъ бы власть Госуда-

реву сократить, и нѣкими установленіями мало-сильнѣе учинить? на что наипаче Долгорукіе настояли, показуя видѣ, будто они народной нѣкоей пользѣ служатъ, а самымъ дѣломъ, желая получить себѣ хоть часть Царской власти, когда цѣлой той достигъ не могли. Сіе коварство ихъ по тому не тайно, что они не думали вводить народное владѣтельство (кое обычно вольною республикою называютъ); но всю владѣніи крайнюю силу осьмочисленному своему Совету учреждали, который владѣніи образъ, въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарѣшисъ владѣтельствомъ избранныхъ, гречески аристократіа; но развѣ сковническимъ тиранствомъ или насильствомъ, которое олигархія у Еллиновъ именуется, *vide latin.*

Еще же и другое умышленіе Долгорукихъ было. Другихъ они друзей своихъ надеждою только, якобы общаго съ собою корыстованія тѣшили на время, а имѣли намѣреніе и оныхъ изъ общества своего выключить.

Сіи же всемогущей оной затѣйки ухищренія не трудно будетъ познать читателю, когда изъ разныхъ воспослѣдовавшихъ дѣла сего обстоятельство, такъ и изъ мастерства, котораго господа сіи, въ произведеніи умышленій своихъ, употребляли, что слѣдующее сказаніе ясно покажетъ.

И вопервыхъ, когда верховные оные господа

благодарственному, какъ выше сказано, молеб-
ствию быть не повелѣли, и тѣмъ самымъ у лю-
дей умныхъ вошли въ подозрѣніе, еще и сами
торопясь затѣйки свои, какъ бы возможно про-
извести скорѣе въ дѣло, аки бѣ нарочно, таин-
ство свое открыли.

На другій день, по представленіи Государе-
вомъ, отправили въ Курляндію князь Василья
Лукича Долгорукова, придавъ ему двоихъ буд-
то бы товарищей (одинъ же изъ нихъ былъ
Голицынъ, князь Михайло Михайловичъ мень-
шей); но съ такою скоростію, что на разстав-
ленныхъ нарочно для того частыхъ подводахъ,
казалось, лѣтели они паче, нежели ѣхали. Тща-
лись же то предъ всѣми угаить, но тотчасъ по
всему городу вѣдомо учинилось. Въ то же вре-
мя, по всѣмъ дорогамъ, которыми можно бы ко-
му въ Курляндію пробираться, крѣпкія заставы
расположили, давъ онымъ солдатамъ указъ, дабы
оттуда въ Москву ѣдущихъ пропускали, а отъ
Москвы туда шествующихъ удерживали бы, и
письма бы у нихъ обирали. И отъ такового ихъ
дѣйствія, не токмо догадливые люди, но и ту-
пые просголюдины, явно уже видѣть могли, что
господа Верховныи затѣиваютъ, и не трудно бы-
ло разумѣть, что они вымышленный для себя
новый царствованія порядокъ хотятъ Госуда-
рынъ поднести именемъ всего народа, аки бы

*

всенароднымъ согласіемъ утвержденный. Опасалась же и боясь, дабы отъ кого увѣдомлена Государыня, коварства ихъ не познала, старалась такимъ-то обереженіемъ, чтобъ она о томъ знать не могла, пока мѣсть сама въ руки ихъ не достанется. Многіе же и проклинали таковой поступокъ, яко къ презлѣйшему обычаю образецъ, что они такъ дѣлали съ ожидаемымъ Государемъ своимъ, какъ по нуждѣ дѣлають съ наступающимъ непріателемъ.

Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе: куда не прійдешь, къ какому собранію ни приставешь, не ино что было слышать, только горестныя нарѣканія на осьмеричныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе, и вездѣ, въ одну почитай рѣчь, говорено, что если по желанію господь оныхъ сдѣлается, отъ чего бы сохранилъ Богъ, то крайнее всему отечеству настоще бѣдство. Самимъ имъ Господамъ не льзя долго быть въ согласіи: сколько ихъ есть числомъ, чуть не толико лвится атамановъ межуособныхъ браней, и Россія возымѣтъ скаредное лице, каково имѣла прежде, когда на многая княженія расторгнена бѣдствовала. И не ложныя, по моему мнѣнію, были таковыя гаданія, повеже Русскій народъ таковъ есть отъ природы

своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ а если каковое нибудь иное владѣніе, правило воспріиметь, содержаться ему въ цѣлости и благодати отнюдь не возможно. Но о семъ, намѣреніе наше есть особенныя доказательства написать.

Между тѣмъ произошло въ слухъ, что другій родился союзъ, осьмоличному союзу противный, Знативъшии, сирѣчь, изъ шляхетства, сноситься и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать Верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить; и для того по разнымъ домамъ, да ночью порою собирались.

Я, въ то время, всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать: что сія другая компанія придумала и что та къ намѣренію своему усмотрѣла? И скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣють. «Одно дерзкое: на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто «свое соберутся, напасть незапно оружною рукою, и если не похотятъ отстать умысловъ «своихъ, смерти всѣхъ предать.» Другое мнѣніе кроткое было: «Дойти до нихъ въ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны; всѣмъ извѣстно, что они строятъ; не малая вина, однимъ и «не многимъ, государетва составъ передѣлывать; и хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожь скрывать то предъ другими, а

«наипаче и правителствующимъ особамъ не со-
общать, неприятно то и смраднѣ пахнетъ.» Оба
же мнѣнія сіи не могли произойти въ согласный
приговоръ: первое, яко лотое и удачи неизвѣ-
стной, а другое, яко слабое и недѣйствительное
и своимъ же головамъ бѣду наводящее; и такъ
нѣкоего другаго средства искать надлежало.

Досталъ же я и о томъ еще вѣдомости, что
сіи Верховниковъ супостаты и между собою
не единопучины были; но весьма противнаго хо-
тѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ тѣзились, старое и
отъ прародителей воспріятное государства прави-
ло удержатъ непремѣнно, а другіе, да еще силь-
пѣйшіи, тогожде хотѣли, что они ихъ въ друже-
ство свое не призвали. И потому не трудно было
миѣ прорицать, что сіи Верховныхъ против-
ники ничего не сдѣлаютъ. И по истинѣ, все ихъ
дѣйствіе, день по дни, знатно простывало.

Хотя же и другая сія факція зѣло старалась
собраніе свое утаивать, и одинъ другаго заклю-
ная, дабы нишкнуть о семъ, и всѣ великія на
себя налагали клятвы, если бы кто вынести совѣ-
ты дерзнулъ; однако же отъ Верховниковъ ута-
иться не могли. Были въ толикомъ множествѣ,
понеже до 500 человекъ себѣ исчисляли, непосто-
янные и вѣроломные; были таковыя, которые
одинъ у одного, а другіе у другаго изъ Верхов-
ныхъ имѣли, или искали милости и призрѣнія,

или инымъ какимъ образомъ порабощенныи. Которые крѣпко хранили тайну, тѣи тщательно искали провѣдаты: кто именно предатель? О нѣкоторыхъ извѣстны стали; но тотъ укрывался, инако на посѣщеніе сужденъ.

Не безъ страха же было Верховныхъ, когда еще не знали они, какъ дремливо было противниковъ дѣйствию; но когда сіи узнали, показывали себя жестоко грозныхъ и яростныхъ; парочно отъ нихъ разсѣвался слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ, и что мятежныи ихъ сонмища Верховному Совѣту гораздо вѣдомы, и что непокойныи оныи головы судятся, яко непріатели отечествіи, и скоро пошлется, или уже и послано, ловить ихъ за арестъ, и что дурно они на множество свое уповають, понеже въ числѣ Верховныхъ и главныи полководцы обрѣтаются, и что ни кому изъ нихъ утаиться и избѣжать бѣды не лъзя, понеже не многіе пойманныи покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и лвится кто каковой казни достойны будутъ.

И хотя таковыи вѣсти пошептомъ въ народѣ обносилися, однако же толикій страхъ дѣлали новымъ союзникамъ, что многіе изъ нихъ, особливо маломощныи, и въ домѣхъ своихъ пребывать опасались; но съ мѣста на мѣсто переходя, въ притворномъ платьѣ и не въ своемъ ямни, по ночамъ только, куда кого позывала нужда, перебѣгали.

Однакоже Верховники, поражая страхомъ соперниковъ своихъ, и сами еще не ощущали въ себѣ безстрашія. Смущала ихъ злая совѣсть, и что неизвѣстно было, чѣмъ окончится дѣло ихъ, толь дерзновенное. Начали же призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ противной компаніи и принимать съ ласкосердіемъ, и къ общему сословію преклоняты, ротся и присягая, что они за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся, и жаловались, что напрасно то въ грѣхъ имъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщили, подавъ тому вину, что хотѣли они первѣе искутить и отвѣдать, какову себе покажетъ на ихъ предложеніе избираемая Государыня, а то увѣдавъ, имѣютъ они намѣреніе, всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится къ пользѣнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщавая скоро то учинить, и себя, яко невинныхъ, предъ всѣми оправдать. Таковыя Верховныхъ выправки, кто изъ опасныхъ и нескоровѣрныхъ мужей слышалъ, вѣдалъ, что то обманное ловительство; но другіе, и числомъ множайшіи, сими плѣнницами уловлены остались.

Когда же тако, чрезъ двадцать дней, а не больше, съ обою сторону рѣзлично мятется, а мы, что то со временемъ хочетъ быть, ожидаемся, и се во вторый день февраля, посланныи отъ Верховнаго Совѣта по Сенаторскимъ, Архіе-

рейскимъ и прочихъ чиновъ домамъ, разносятъ повѣстки, что Верховный Совѣтъ на утренній день всѣхъ въ собраніе призываетъ (нарочно удерживаясь отъ нарѣчія, указываетъ и указъ ихъ, словомъ призыву умягчивал); тіи же вѣстники и привносили собранія того вину, будто о государственномъ установленіи совѣтовать будутъ.

Чудно же, воистину, сказать, каковыя многихъ явились тогда разгласія! Одни, да и множайшая часть, говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ Верховный Совѣтъ раскаялся и хочетъ просить себя въ томъ прощенія, какъ то члены его, въ недавнихъ разговорахъ и обѣщались. А другіе всѣ иное помышляли, и какъ самъ они къ собранію призыва не любили, такъ и всѣмъ ходить туда весьма не совѣтовали, прилѣжно внушая, что новая то Верховниковъ хитрость, и злое изорѣтеніе, какъ бы имъ прочіихъ или къ согласію затѣскъ своихъ сильно понудить, или противящихся себя вдругъ придавить. Въ тотъ же день нѣкая тайная носилась поговорка, будто изъ Курляндіи пришло письмо въ Верховный Совѣтъ, и когда сіе опаснѣйшіи оныя услышали, и паче тщились всѣхъ отъ повѣщеннаго собранія отводить, ибо они присматриваясь тогда, каковымъ лицомъ являютъ Верховники, примѣчали, что не только сами они, но и слуги ихъ необычно

веселы и радостны были, и потому не было уже сомнительно, что ухищреніе Верховниковъ удалось, и Анна Государыня ложнымъ, якобы всего народа имнемъ, сведена, на подложные ихъ договоры пристала. И сей многихъ догадъ непогрѣшительный былъ; но большая часть перемогла лучшую.

Въ третій день февраля, превеликое множество къ назначенному мѣсту собралось, гдѣ, когда ожидается, что таковое къ совѣтованію отъ Верховниковъ произнесется, тогда они, указавъ молчаніе, повелѣли читать присланное изъ Курляндіи письмо, и дѣломъ явилось сущее то, что опаснѣйшіи проприцами: было то посланіе Императрицы Анны.

Ни кого, почитай, кромѣ Верховныхъ, не было, кто бы таковая слушавъ, не содрогнулся, и саміи тѣи, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдныя ослики; шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И не мѣла было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ стѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа Верховные тихо нѣчто одинъ другому шептавали, и остро глазами посматривая притворялись, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ и печальной вещи, удивляются.

Одинъ изъ нихъ только, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, часто похаркивалъ: «Видите же, какъ милостива Государыня! и какого мы хотъ все надѣлись, таковое она показала отечеству нашему благодареніе! Богъ ее подвинулъ къ писанію сему: отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!» Сія и снмъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно все молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: «для чего никто ни единого слова не проговорятъ? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и итъ де ничего другаго говорить, только благодарить толь милосердой Государынь!» И когда иъкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: «Не вѣдаю де и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло Государынь такъ писать!»; то на его слова ни отъ кого отвѣта не было.

По томъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей братіи дано было время поразсудить о томъ свободѣе. И на то соизволили Верховныи, желал паче отпустить прочъ уирямыхъ и себя отъ страха свободить, нежели вмѣнял то въ пользу свою.

Архіерси же Синодальныи учили помогаться, что бы больше не отлагал, собраться и совершить благодарственное молебствіе, чему уже и не спорилъ никто.

Повелѣлъ же Синодъ діакономъ возносить Государыни имя съ полною Монаршескою титулою, самодержавіе въ себѣ содержащую, что и сдѣлано. Да тожь Верховнымъ весьма не любо стало, и калясь, что о томъ прежде запомитовали посоветоваться, и когда, въ тотъ же день Синодъ посылалъ во вся страны письменная титулованія Государыни формы, посылали и они; но титулы самодержавія, ужь прежде оброченной, перемѣнить не посмѣли.

И изъ онаго времени видѣть было, что всякаго почитай чина и званія люди, якобы дряхлы и задумчивы ходили и будто нѣчто глубоко размышляли. И не мощно было иначе поступать, у кого здравый смыслъ и разумъ былъ! понеже, хотя затѣйка Верховныхъ господъ и не тайна была, однако же никто не надѣялся, дабы они отважились такъ рабскіе и тѣсныя владѣнія уставы на Императрицу накинуть.

Надлежитъ же сіе вѣдать, что сія епистолиа въ Москвѣ соплетена была и князь Василиемъ Лукичемъ въ Курляндію отвезена и подложена Государынѣ для подписанія, а дабы Государыня не отрѣклась подписать, князь оный Василій неслыханною лежею заклинался, что то требованіе есть отъ всехъ чиновъ и общее всего народа. И о семъ изъ устъ самой Императрицы, по пріѣздѣ Ея въ Москву, извѣстно стало.

Въ 10 день феврала получена вѣдомость, что Государыня отъ Москвы уже не далеко.

И скоро по томъ отъ чина Церковнаго три Архіереи; да три Сенатора отъ гражданскаго, на встрѣчу Ея Величества выправлены. Да и тутъ жалостное нѣчто и примѣчашя достойное явилось. Когда оныя Сенаторы и Архіереи, по опредѣленію Верховнаго Совѣта, именемъ всѣхъ чиновъ, Императрицу привѣтствовать, въ дорогу наряжались, нужда имъ была требовать пашпорты отъ Верховнаго Совѣта, и получили. А когда доѣхали до заставы, понеже еще далече того мѣста была Государыня, тогда капитанъ, заставу держащій, съ объявленіемъ отъ нихъ пашпорта, какъ самихъ господъ, такъ служителей считалъ и по томъ далѣ шествовать пропустилъ. Вместе ли и совокупно Сенаторы къ Государыни, которая тогда въ селѣ Чашникахъ остановилась, прибыли, или порознь и особно, я о томъ не извѣстенъ и не провѣдалъ, яко не нужнаго, а о семъ отъ вѣкинхъ изъ свиты князя Василія Лукича послѣ я увѣдомился, что когда, какъ Архіерей, такъ и Сенаторы, Государыню привѣтствовали, тогда оный князь Василій весьма прилежно на глаза ихъ и на руки, и отъ головы до ногъ, присматривался, и на вся ихъ движенія, именования, остро наблюдалъ. Толико, сирѣчь, трусливо и опасно было оное властолюбивое шатавіе! а

правиламъ политическимъ сходна ли была хитрость оная, инымъ на разсужденіе оставляю.

Еще же и сего проронить не надобѣ, что когда нѣкии изъ правительствовавшихъ откланяся Государынѣ, прежде Ея похода къ Москвѣ, возвращались и зѣло скоро бѣжали, и уже три версты пробѣжали, тогда Государыня, изъ квартиры выѣхавъ, тотчасъ ихъ миновала и не задолго изъ глазъ вышла. И въ томъ бо господа оныя имѣли попеченіе, чтобъ елико можно спѣшить, которое попѣшеніе такъ жестокое было, что въ десять дней (а если нужныя въ Ригѣ, Псковѣ, въ Новгородѣ и въ Твери остановки выключить, то развѣ въ восемь дней) больше тысячи верстъ убѣгли съ немалымъ здравіемъ Государыни нарушеніемъ.

И того же дни прибыла Императрица въ село Всесвятское, семь верстъ отъ Москвы разстояніемъ, и здѣ, для успокоенія, остановясь, приказала: Петра II, до своего въ городъ вшествія, погребенію предать, что воутріе и совершилось.

Но и тутъ приключилось нѣчто не простое и такое, что трудно сказать, удивленію ли паче, или смѣху оное подлежить. Двадцатаго дня февраля, на всходѣ солнца, всѣ чины въ домѣ преставльшагося Государя сошлись; но долго ничего не дѣлано и невѣдомо, чего ожидали. Мы думали, что къ церемоніи оной не все изго-

товлено, однакожь ничего, чтобъ неготово было, усмотрѣть не могли, и когда нѣкто изъ знатныхъ особъ, стуживъ долгимъ сѣденіемъ, спросилъ у единого дѣйствія того управителя: для чего походъ до селъ не начинается? онъ ему отвѣщаль, что еще дожидались отъ Верховнаго Совѣта опредѣленія: гдѣ и какъ быть въ церемоніи покойнаго Государя невѣсть, а она де требуетъ себя, какъ мѣста, такъ и наряда и всей славы Императорской. И то многіе слыша, великимъ негодованіемъ возронтали, браня и проклиная необычное людей тѣхъ безстыдіе и ничего дожидаться не веля, устроились всѣ къ погребальному походу, въ которомъ мечтанная она Императрица нигдѣ не явилась. Велкъ же можетъ тутъ видѣть, что князь Алексія, его помянutoй невѣсты родителей, и другихъ ихъ сродниковъ, сіе дѣльце было, и что они видя себѣ отнятое, которое мечтали въ рукахъ своихъ имѣть, монаршее скипетро, не оставляли ничего, чтобъ ни показалось къ высокости ихъ угодное. Прежде уже мы показали, какъ безстыдно князь Алексій оный показывалъ хартію, якобы прямой завѣтъ, отъ Петра II написанный, а когда то не удалось, то избрали они Императрицу, да безъ власти и силы, чтобъ сами всемъ завладѣли и они бы дѣломъ царствовали, а Государыня царскимъ бы только имеемъ тѣшилась. Но дабы и видѣ Царской не

весьма отъ дома ихъ отлучался, сію-то штучку употребить затѣяли, понеже еслибъ Екатерина ихъ въ погребальномъ церемоніаль Императорское мѣсто заняла, сдѣлали бы оную, если не равною самой Государынѣ; то хотя вгоростепенною, да еще, чаю, и на томъ бы не остановились.

Того же февраля въ день, который воскресный былъ, Императрица Анна въ Москву вошла съ великою славою, да сама не имѣла, чемъ веселиться, и многіе о бѣдномъ Ея состояніи тужили и печалились. Когда вошла въ домъ Царскій, тотчасъ узнали, что она якобы полонена и заключена въ честную тюрьму. И не льзя было Ей иначе думать, понеже князь Василій Лукничъ Долгорукій, который изъ Курляндіи привезъ Ее въ Москву, у самыхъ дверей свѣтлицъ, ко пребыванію Ей уготовленныхъ, занялъ себѣ другія свѣтлицы такъ, что никому не возможно было достигнуть до Государыни безъ его позволенія, да и кого допускалъ, за тѣмъ и самъ вхаживалъ, и ни кто отнюдь, ниже сестры Ея Величества неволень былъ, что ни есть поговорить, развѣ присутствующу и слышашу ему.

Между же тѣмъ Верховные господа прежнюю присяги форму, которою народъ на вѣрность Государю своему себе облизуетъ, перемѣни, новую выковали, вымаравъ многіи, какъ обноси-

лось, рѣчи, самодержавію служащія, и по томъ всѣхъ чиновъ созвали для присяги къ первопрестольной церкви, которая вдругъ, по площади, многимъ воинствомъ обставлена была.

И тогда въ собраніи Верховнаго Совѣта, нѣкоторые изъ знатнаго шляхетства, о переменной присяжной формѣ спорили. А въ палатѣ Синодской, первый членъ, архіепископъ Новгородскій, какъ къ товарищамъ своимъ, такъ и ко всѣмъ прочимъ Архіереемъ и Архимандритамъ (а было многое число), увѣщательную рѣчь имѣлъ, ясно показуя, что великое весьма дѣло есть присяга и вѣчное наводитъ бѣдетво, если кто присягаетъ не то, что противно совѣсти, или чего и самъ не хочетъ или не вѣдаетъ, и для того настоля, дабы Синодъ, отъ Верховнаго Совѣта новосоставленной, какъ слышно, присяжной формы первѣе требовалъ, что бы знать, что въ ней содержится.

И тако отъ Синода въ Верховный Совѣтъ секретари посылаемы ходили и возвращались одинъ по другому, и доносили, что господа Верховныи не отрицаютъ прислать въ Синодъ требуюмую форму, однакожъ не присылали. И когда того Синодальныи многократно, чрезъ посылаемыхъ секретарей домогались, а Верховныи многократно прислать обѣщались, се незашно въ Синодъ повѣщено, что господа Верховныи въ

церковь вошли и духовныхъ тамо ожидаютъ. Новгородскій, тою вѣдомостию возмущенъ, совѣтовалъ не ходить туда; но какъ увидѣлъ, что все идутъ, будто нѣкою силою влекомы, и самъ за ними пошелъ.

Только же что вошли Архіереи въ церковь, тотчасъ господа Верховныи стали ласкательно просить ихъ, дабы первые они учинить присягу изволили, яко всего народа пастыріе и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. И тогда Новгородскій спросивъ у собраннаго народа молчаніе, которое и сдѣлалось, въ той же силѣ, какъ говорилъ въ Синодѣ, всемъ въ слухъ о присягѣ проповѣдовалъ. Великое собранныхъ было множество, и все изъ шихетства, и на слова Архіерейскіе, краткіе изъ кучи отвѣты съ воздыханіемъ произнеслись, что истинное то наставленіе и что присяга дѣло страшное. Увѣщавалъ же всехъ Архіерей, дабы никто безразсудно присягать не торопился, и помогатье стали, чтобъ первая форма присяги всемъ въ слухъ, и съ амвона прочтена была, чтобъ все могли вѣдать: на что присягать надлежитъ. Прекословили же Новгородскому князю Дмитрій Голицынъ; по изъ рѣчей его Архіерей оный влщніа къ дѣлу своему доказательсва выводили; по проче изъ Верховныхъ опасаясь, чтобъ не произошло до смуты, скоро на требованіе Новгородскаго позволили.

Да и тутъ вещьца весьма чудная приключилась. Когда вслѣно секретарю взыти на амвоцъ и форму присяжную прочесть, и ее ни у него и ни у кого не было формулы, которыхъ многіа тысячи напечатано! Изъ сего можно видѣть, что факція онаа все торопко и непорядочно дѣлала, и въ затѣйкахъ своихъ больше имѣла страха, нежели унованіа.

Когда же принесена и прочтена формула, стало ясно слышащимъ, что хотя нѣкіа прежнія рѣчи, самодержавіе означающія, выключены, однакожь не включено другихъ, которыа ясно бы изображали новый и отъ прежняго разнствующій владѣніа образъ, и осмолвчныи оныи владѣтели не именованы (чего наипаче весь народъ ожидая, дрожая), и о подтвержденныхъ Государынѣ договорахъ вничего не упомянуто, и всей присяги въ сихъ перемѣна рѣчахъ была, что присягаютъ Государынѣ и отечеству, того ради, какъ Архіерей, такъ и изъ мірскихъ наисильнѣйшихъ, поразсудивъ, что формула Верховникамъ не къ пользѣ и впрעדъ къ разсужденію намѣреніа изъ помѣшки сдѣлать не можетъ, приговорили: прилгть оную снисходительно, и тако по словамъ оной формулы, присягу исполнили. Обносится же, что сочинена была формула инаа, затѣйкамъ Верховныхъ господъ служащая весьма, да произвести ее господа оныи не посмѣли.

*

Видно же отъ сего, что Господа Верховнии ни какой себѣ выторжки не получили, однако же какъ они сами, такъ и сродники и друзья ихъ, якобы въ нѣкоемъ благопоспѣшеніи своемъ торжествовали. Учинилась изъ того другимъ не малая тревога и разныя досады родились. Одни думали, что господа оныи притворяють себѣ видъ веселія, чтобъ себе побѣжденныхъ не показать, а другіе радость ихъ въ томъ быть разсуждали, что противная имъ факція кое какъ затихла, и таковая тишина угодна имъ къ влщшему впредь дерзновенію; простыи и трусливыи говорили, что въ новой оной присяжной формуль нѣкое содержится таинство, самими только творчимъ вѣдомое, а прочимъ не постигаемое. Что же бы то ни было, только же нахальная оныхъ господъ бодрость всѣмъ была съ досадой, и прежне супротивъ ихъ возстаніе возбуждало; паче же бѣдное самой Государыни состояніе, аки бы предъ очами ходящее, на гнѣвъ и ярость позывало: не пронсходитъ она, не видитъ, не поздравляетъ ее народъ. А когда тому всюду вѣсть проносилась, что князь Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ, блюдетъ ее не приступну, и что она, безъ воли его, ни въ чемъ не вольна, и неизвѣстно, жива ли, а если жива, то насилу дышитъ, и что оныи тираны имѣють Государыню за тѣнь Государыни, а между

тѣмъ злѣйшее нѣчто промышляютъ, чего другимъ и догадываться не лзя. Симъ и симъ подобна, когда вездѣ говорено, ожидала другой компаніи ревность, и жесточаѣ, нежели прежде, воспламенялась; видить было на многихъ, что нѣчто весьма странное умышляютъ. Но тихомирныя головы къ тому всѣхъ преклонили, дабы мятежное оное господство упразднить правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ слѣдующимъ.

Сшедшисъ во едино собраніе, многіе изъ шляхетства написали къ Государынѣ челобитную, въ которой объявляютъ, что бывшее въ Курляндіи посольство, не только безъ согласія всѣхъ чиновъ, но и безъ вѣдома и нарочно скрытно устроено отъ приватныхъ осьми человекъ, для домашнихъ ихъ интересовъ, и покорно просятъ Ея Величества, чтобъ договорное Курляндское письмо, Ею подтвержденное (хотя оное, живоному доносу простотою повѣрл, и подписала) изволила отвергнуть и уничтожить, яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель отечеству, отъ немногихъ затѣйщиковъ изданный. И скоро великимъ множествомъ въ палаты Царскія вошедъ, стали требовать, дабы до Ея Величества приступить имъ позволено было. И сіе услышавъ выбѣгъ къ нимъ князь Василій Лукничъ и притворяя, будто бы во всемъ томъ имъ согласны, сталъ сочиненной отъ нихъ челобитной просить,

объщавал тотчасъ оную подать въ руки Ея Величества. Но никто такъ нечувственный не былъ, кто бы коварства его не узналъ; всё вопить стали; что подданныхъ отъ Государыни и сыновъ отъ матери, отрывать не надлежитъ, а кто такъ мудрствуетъ, тотъ врагъ есть и Государыни и государства. И тако онъ; стыда, страха и ярости исполненъ, отошелъ отъ нихъ.

Была тогда у Государыни сестра Ея Царевна Екатерина, и она прежде о такомъ шлхетства намѣреніи увѣдомлена, слыша нынѣ о собраніи ихъ, все что дѣлалось, Государынь донесла, увѣщавая произыти къ нимъ и послушать ихъ челобитья. И свободно было о семъ говорить, понеже князь Василій Лукничъ, на слухъ онаго собранія выходилъ, какъ уже уномянулось.

Вышла Государыня въ залу; стоя подъ балдахномъ, впустить просителей и прошеніе ихъ прочесть повелѣла, а по прочтеніи того приказала: тотчасъ подать себѣ письмо курляндское. По томъ произнесла краткую рѣчь въ такой силѣ: что хотя весьма тяжелые поданы Ей были царствованія договоры, однако же вѣруя, какъ Ей докладывано, что оныи отъ всѣхъ чиновъ и отъ всего Россійскаго народа требуются, для любви отечества своего подписала. А понеже нынѣ извѣстно львается, что лжею и лестію сдѣланъ Ей обманъ, того ради, оныи договоры, яко сущемо

неправдою отъ себя исторженныя, уничтожаетъ и рукописаніе свое никому впредь имѣть за важное приказуетъ. И то сказавъ, тотчасъ упомянутое письмо, до руки Ея поданное, разодрала и на землю бросила.

Воскликнуло все предстоящихъ множество, зѣло Ея Величеству благодарствуя и кланяясь; были же при томъ нѣкоторые и отъ Верховняковъ, и когда просители оныя, благодаря кланялись, тогда и сіи поклонились, кое дѣйствіе ихъ, понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣху матерію.

